

ЭРИК Ф. РАССЕЛ

Рассказы

АЛАМАГУСА

Дьявولوجика

Единственное решение

И ПОСЛЫШАЛСЯ ГОЛОС

НЕМНОГО СМАЗКИ

ПОДАРОК ОТ ДЖО

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

ЭРИК Ф. РАССЕЛ

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Сверкающий голубовато-зеленый шар с Землю величиной, да и по массе примерно равный Земле - новая планета точь-в-точь соответствовала описанию. Четвертая планета звезды класса C-7; бесспорно та, которую они ищут. Ничего не скажешь, безвестному, давным-давно умершему косморазведчику повезло: случайно он открыл мир, похожий на их родной.

Пилот Гарри Бентон направил сверхскоростной астрокрейсер по орбите большого радиуса, а тем временем два его товарища обозревали планету перед посадкой. Заметили огромный город в северном полушарии, градах в семи от экватора, на берегу моря. Город остался на том же месте, другие города не затмили его величием, а ведь триста лет прошло с тех пор, как был составлен отчет.

- Шаксембендер,- объявил навигатор Стив Рэндл.- Ну и имечко же выбрали планете!- Он изучал официальный отчет косморазведчика давних времен, по следам которого они сюда прибыли.- Хуже того, солнце они называют Гвилп.

- А я слышал, что в секторе Боттса есть планета Плаб,- подхватил бортинженер Джо Гибберт.- Более того, произносить это надо - как будто сморкаешься. Нет уж, пусть лучше будет Шаксембендер - это хоть выговорить можно.

- Попробуй-ка выговорить название столицы,- предложил Рэндл и медленно произнес - Щфлудриташаксембендер.- Он прыснул при виде растерянного лица Гибберта.- В буквальном переводе -"самый большой город планеты". Но успокойся, в отчете сказано, что туземцы не ломают себе язык, а называют столицу сокращенно: Тафло.

- Держитесь,- вмешался Бентон.- Идем на посадку.

Он яростно налег на рычаги управления, пытаясь в то же время следить за показаниями шести приборов сразу. Крейсер сорвался с орбиты, пошел по спирали на восток, врезался в атмосферу и прошел ее насквозь. Чуть погодя он с ревом описал последний круг совсем низко над столицей, а за ним на четыре мили тянулся шлейф пламени и сверхраскаленного воздуха. Посадка была затяжной и мучительной: крейсер, подпрыгивая, долго катился по лугам. Извиваясь в своем кресле. Бентон заявил с наглым самодовольством:

- Вот видите, трупов нет. Разве я не молодец?

- Идут,- перебил его Рэндл, прикинувший к боковому иллюминатору.- Человек десять, если не больше, и все бегом.

К нему подошел Гибберт и тоже всмотрелся в бронированное стекло.

- Как славно, когда тебя приветствуют дружественные гуманоиды. Особенно после всех подозрительных или враждебных существ, что нам попадались: те были похожи на плод воображения, распаленного венерианским ужином из десяти блюд.

- Стоят у люка,- продолжал Рэндл. Он пересчитал туземцев.- Всего их двадцать.- И нажал на кнопку автоматического затвора.- Впустим?

Он сделал это не колеблясь, вопреки опыту, накопленному во многих чужих мирах. После вековых поисков были открыты лишь три планеты с гуманоидным населением, и эта планета - одна из трех; а когда насмотришься на чудовищ, то при виде знакомых человеческих очертаний на душе теплеет. Появляется уверенность в себе. Встретить гуманоидов в дальнем космосе - все равно что попасть в колонию соотечественников за границей.

Туземцы хлынули внутрь; поместилось человек двенадцать, а остальным пришлось ожидать снаружи. Приятно было на них смотреть: одна голова, два глаза, один нос, две руки, две ноги, десять пальцев - старый добрый комплект. От команды крейсера туземцы почти ничем не отличались, разве только были пониже ростом, поуже в кости да кожа у них была яркого, насыщенного цвета меди.

Предводитель заговорил на древнем языке космолингва, старательно произнося слова, будто с трудом вызубрил их у учителей, передававших эти слова из поколения в поколение.

- Вы земляне?

- Ты прав как никогда,- радостно ответил Вентой.- Я пилот Бентон. На этих двух кретинов можешь не обращать внимания - просто бесполезный груз.

Гость выслушал его тираду неуверенно и чуть смущенно. Он с сомнением оглядел "кретинов" и снова перенес свое внимание на Бентона.

- Я филолог Дорка, один из тех, кому доверено было сохранить ваш язык до сего дня. Мы вас ждали. Фрэйзер заверил нас, что рано или поздно вы явитесь. Мы думали, что вы пожалуете к нам гораздо раньше.- Он не сводил черных глаз с Бентона - наблюдал за ним, рассматривал, силился проникнуть в душу. Его глаза не светились радостью встречи; скорее в них отражалось странное, тоскливое смятение, смесь надежды и страха, которые каким-то образом передавались остальным туземцам и постепенно усиливались.- Да, мы вас ждали много раньше.

- Возможно, нам и следовало прибыть сюда гораздо раньше,- согласился Бентон, отрезвев от неожиданной холодности приема. Как бы случайно он нажал на кнопку в стене, прислушался к почти неразличимым сигналам скрытой аппаратуры.- Но мы, военные астролетчики, лети́м, куда прикажут и когда прикажут, а до недавнего времени нам не было команды насчет Шаксембендера. Кто такой Фрэйзер? Тот самый разведчик, что обнаружил вашу планету?

- Конечно.

- Гм! Наверное, его отчет затерялся в бюрократических архивах, где, возможно, до сих пор пылится масса других бесценных отчетов. Эти сорвиголовы старых времен, такие следопыты космоса, как Фрэйзер, попадали далеко за официально разрешенные границы, рисковали головами и шкурами, привозили пятиметровые списки погибших и пропавших без вести. Пожалуй, единственная форма жизни, которой они боялись,- это престарелый бюрократ в очках. Вот лучший способ охладить пыл каждого, кто страдает избытком энтузиазма: подшить его отчет в папку и тут же обо всем забыть.

- Выть может, оно и к лучшему,- осмелился подать голос Дорка. Он бросил взгляд на кнопку в стене, но удержался от вопроса о ее назначении.- Фрэйзер говорил, что чем больше пройдет времени, тем больше надежды.

- Вот как?- Озадаченный Бентон попытался прочитать что-нибудь на меднокожем лице туземца, но оно было непроницаемо.- А что он имел в виду?

Дорка заерзал, облизнул губы и вообще всем своим видом дал понять, что сказать больше - значит сказать слишком много. Наконец он ответил:

- Кто из нас может знать, что имел в виду землянин? Земляне сходны с нами и все же отличны от нас, ибо процессы нашего мышления не всегда одинаковы.

Слишком уклончивый ответ никого не удовлетворил. Чтобы добиться взаимопонимания - а это единственно надежная основа, на которой можно строить союзничество,- необходимо докопаться до горькой сути дела. Но Бентон не стал себя затруднять. На это у него была особая причина.

Ласковым голосом, с обезоруживающей улыбкой Бентон сказал Дорке:

- Надо полагать, ваш Фрэйзер, рассчитывая на более близкие сроки, исходил из того, что появятся более крупные и быстроходные звездолеты, чем известные ему. Тут он чуть-чуть просчитался. Звездолеты действительно стали крупнее, но их скорость почти не изменилась.

- Неужели?- Весь вид Дорки показывал, что скорость космических кораблей не имеет никакого отношения к тому, что его угнетает. В вежливом "Неужели?" отсутствовало удивление, отсутствовала заинтересованность.

- Они могли бы двигаться гораздо быстрее,- продолжал Бентон,- если бы мы удовлетворялись чрезвычайно низкими запасами прочности, принятыми во времена Фрэйзера. Но эпоха лозунга "Смерть или слава!" давно миновала. В наши дни уже не строят гробов для самоубийц. От светила к светилу мы добираемся в целом виде и в чистом белье.

Всем троим стало ясно, что Дорке до этого нет дела. Он был поглощен чем-то совершенно другим. И его спутники тоже. Приязнь, скованная смутным страхом. Предчувствие дружбы, скрытое под черной пеленой сомнений. Туземцы напоминали детей, которым до смерти хочется погладить неведомого зверя, но страшно: вдруг укусит?

Общее отношение к пришельцам было до того очевидно и до того про-

тиворечило ожидаемому, что Бентон невольно попытался найти логическое объяснение. Он ломал себе голову так и этак, пока его внезапно не осенила мысль: может быть, Фрэйзер - до сих пор единственный землянин, известный туземцам,- рассорился с хозяевами планеты, после того как переслал свой отчет? Наверно, были разногласия, резкие слова, угрозы и в конце концов вооруженный конфликт между этими меднокожими и закаленным во многих передрягах землянином. Наверняка Фрэйзер отчаянно сопротивлялся и на целых триста лет поразил воображение аборигенов удачной конструкцией и смертоносной силой земного оружия.

По тому же или подобному пути шли, должно быть, мысли Стива Рэндала, ибо он вдруг выпалил, обращаясь к Дорке:

- Как умер Фрэйзер?

- - Когда Сэмюэл Фрэйзер нашел нас, он был немолод. Он сказал, что мы будем его последним приключением, так как пора уже пускать корни. И вот он остался с нами и жил среди нас до старости, а потом стал немощен, и в нем угасла последняя искра жизни. Мы сожгли его тело, как он просил.

- Ага! - сказал Рэндал обескураженно. Ему в голову не пришло спросить, отчего Фрэйзер не искал прибежища на своей родной планете - Земле. Всем известно, что давно распущенный Корпус Астроразведчиков состоял исключительно из убежденных одиночек.

- Еще до смерти Фрэйзера мы расплавили и использовали металл корабля,- продолжал Дорка.- Когда он умер, мы перенесли все, что было на корабле, в храм; там же находится посмертная маска Фрэйзера, его бюст работы лучшего нашего скульптора и портрет в полный рост, написанный самым талантливым художником. Все эти реликвии целы, в Тафло их берегут и почитают.- Он обвел взглядом троих астронавтов и спокойно прибавил:- Не хотите ли пойти посмотреть?

Нельзя было придумать более невинный вопрос и задать его более кротким тоном; тем не менее у Бентона появилось странное чувство, словно под ногами разверзлась вырытая для него яма. Это чувство усиливалось из-за того, что меднокожие ждали ответа с плохо скрытым нетерпением.

- Не хотите ли пойти посмотреть?

"Заходи, красotka, в гости",- мухе говорил паук".

Инстинкт, чувство самосохранения, интуиция - как ни называй, нечто заставило Бентона зевнуть, потянуться и ответить утомленным голосом:

- С огромным удовольствием, но мы проделали долгий-предолгий путь и здорово измотались. Ночь спокойного сна - и мы переродимся. Что, если завтра с утра?

Дорка поспешил рассыпаться в извинениях:

- Простите меня. Мы навязали вам свое общество, не успели вы появиться. Пожалуйста, извините нас. Мы так давно ждали, только поэтому и не подумали...

- Совершенно не в чем извиняться,- заверил его Бентон, тщетно пытаясь примирить свою инстинктивную настороженность с искренним, тро-

гательным огорчением Дорки.- Все равно мы бы не легли, пока не установили с вами контакт. Не могли бы глаз сомкнуть. Как видите, своим приходом вы избавили нас от многих хлопот.

Чуть успокоенный, но все еще пристыженный тем, что он считал недостатком такта, Дорка вышел в шлюзовую камеру и увел за собою спутников.

- Мы оставим вас, чтобы вы отдохнули и выспались, и я сам позабочусь, чтобы вам никто не досаждал. Утром мы вернемся и отведем вас в город.- Он опять обвел всех троих испытующим взглядом.- И покажем Храм Фрэйзера.

Он удалился. Закрылась шлюзовая камера. А в голове у Бентона звонили колокола тревоги.

Присев на край пульта управления, Джо Гибберт растирал себе уши и разглагольствовал:

- Чего я терпеть не могу, так это торжественных приемов: громогласные приветствия и трубный рев массовых оркестров меня просто оглушают. Почему бы не вести себя сдержанно, не разговаривать тихим голосом и не пригласить нас в мавзолей или куда-нибудь в этом роде?

Стив Рэндл нахмурился и серьезно ответил:

- Тут что-то нечисто. У них был такой вид, точно они с надеждой приветствуют богатого дядюшку, больного оспой. Хотят, чтобы их упомянули в завещании, но не желают остаться рябыми.- Он посмотрел на Бентона.- А ты как думаешь, грязнуля небритый?

- Я побреюсь, когда один нахальный ворюга вернет мне бритву. И я не намерен думать, пока не соберу нужных данных.- Открыв замаскированную нишу чуть пониже кнопки, Бентон вынул оттуда шлем из платиновой сетки, от которого отходил тонкий кабель.- Эти-то данные я сейчас и усвою.

Он закрепил на себе шлем, тщательно поправил его, включил какие-то приборы в нише, откинулся на спинку кресла и, казалось, погрузился в транс. Остальные заинтересованно наблюдали. Бентон сидел молча, прикрыв глаза, и на его худощавом лице попеременно отражались самые разнообразные чувства. Наконец он снял шлем, уложил на место, в тайник.

- Ну?- нетерпеливо сказал Рэндл.

- Полоса частот его мозга совпадает с нашими, и приемник без труда уловил волны мыслей,- провозгласил Бентон.- Все воспроизведено в точности, но... прямо не знаю.

- Вот это осведомленность,- съязвил Гибберт.- Он не знает!

Не обратив внимания. Бентон продолжал;

- Все сводится к тому, что туземцы еще не решили, любить ли нас или убить.

- Что?- Стив Рэндл встал в воинственную позу.- А с какой стати нас убивать? Мы ведь не сделали им ничего плохого.

- Мысли Дорки рассказали нам многое, но новее. В частности, рассказали, что с годами Фрэйзера почитали все больше и больше, и в конце концов это почитание переросло чуть ли не в религию. Чуть ли, но не совсем. Как единственный пришелец из другого мира, он стал выдающейся личностью в их истории, понимаете?

- Это можно понять,- согласился Рэндл.- Но что с того?

- Триста лет создали ореол святости вокруг всего, что говорил и делал Фрэйзер. Вся полученная от него информация сохраняется дословно, его советы лелеются в памяти, его предостережениями никто не смеет пренебречь.- На миг Бентон задумался.- А Фрэйзер предостерегал их: велел опасаться Земли, какой она была в его время.

- Велел он им при первом же случае снять с нас живых кожу? - осведомился Гибберт.

- Нет, этого он как раз не говорил. Он предупредил их, что земляне, те, которых он знал, сделают выводы не в их пользу, это принесет им страдания и горе, и может случиться так, что они будут вечно сожалеть о контакте между двумя планетами, если у них не хватит ума и воли насильно прервать вредный контакт.

- Фрэйзер был стар, находился в последнем путешествии и собирался пустить корни,- заметил Рэндл.- Знаю я таких. Еле на ногах держатся, ходят вооруженные до зубов и считают себя молодцами, а на самом деле весь заряд давно вышел. Этот тип слишком много времени провел в космосе и свихнулся. Пари держу: ему нигде не было так хорошо, как в летящем звездолете.

- Все может быть.- В голосе Бентона послышалось сомнение.- Но вряд ли. Жаль, что мы ничего не знаем об этом Фрэйзере. Для нас он только забытое имя, извлеченное на свет божий из письменного стола какого-то бюрократа.

- В свое время и я стану тем же,- меланхолически вставил Гибберт.

- Так или иначе, одним предупреждением он не ограничился; последовало второе - чтобы они не слишком-то спешили нас отвадить, ибо не исключено, что тогда они потеряют лучших своих друзей. Характеры людей меняются, поучал Фрэйзер туземцев. Любое изменение может послужить к лучшему, и настанет день, когда Шаксембендеру нечего будет бояться. Чем позднее мы установим с ним контакт, утверждал он, тем дальше продвинемся на пути к будущему, тем выше вероятность перемен.- Бентон принял озабоченный вид.- Учтите, что, как я уже говорил, эти взгляды стали равносильны священным заповедям.

- Приятно слышать,- заворчал Гибберт.- Судя по тому, что Дорка наивно считает своими затаенными мыслями - а может, то же самое думают и все его соотечественники,- нас либо вознесут, либо перебьют, в зависимости от того, усовершенствовались ли мы по их разумению и соответствуем ли критерию, завещанному чокнутым покойником. Кто он, собственно, такой, чтобы судить, дозрели мы до общения с туземцами или нет? По какому признаку намерены определить это сами туземцы? Откуда им знать, изменились ли мы и как изменились за последние триста лет? Не понимаю...

Бентон перебил его:

- Ты попал своим грязным пальцем как раз в больное место. Они считают, что могут судить. Даже уверены в этом.

- Каким образом?

- Если мы произнесем два определенных слова при определенных обстоятельствах, то мы пропали. Если не произнесем - все в порядке. Гибберт с облегчением рассмеялся.

- Во времена Фрэйзера на звездолетах не устанавливались мыслефоны. Их тогда еще не изобрели. Он не мог их предвидеть, правда?

- Безусловно.

- Значит,- продолжал Гибберт, которого забавляла простота ситуации,- ты нам только скажи, какие обстоятельства представлял себе Дорка и что это за роковые слова, а мы уж придержим языки и докажем, что мы славные ребята.

- Все, что зарегистрировано насчет обстоятельств,- это туманный мысленный образ, указывающий, что они имеют какое-то отношение к этому самому храму,- объявил Бентон.- Храм определенно будет испытательным участком.

- А два слова?

- Не зарегистрированы.

- Отчего? Разве он их не знает?- чуть побледнев, спросил Гибберт.

- Понятия не имею.- Бентон не скрывал уныния.- Разум оперирует образами, значением слов, а не их написанием. Значения облакаются звуками, когда человек разговаривает. Поэтому не исключено, что он вообще не знает этих слов, а может быть, его мысли о них не регистрируются, потому что ему неизвестно значение.

- Да это ведь могут быть любые слова! Слов миллионы!

- В таком случае вероятность работает на нас,- мрачно сказал Бентон.- Есть, правда, одна оговорка.

- Какая?

- Фрэйзер родился на Земле, он хорошо изучил землян. Естественно, в качестве контрольных он выбрал слова, которые, как он считал, землянин произнесет скорее всего, а потом уж надеялся, что ошибется.

В отчаянии Гибберт хлопнул себя по лбу.

- Значит, с утра пораньше мы двинемся в этот музей, как быки на бойню. Там я разину пасть - и не успею опомниться, как обрсту крыльшками и в руках у меня очутится арфа. Все потому, что эти меднолицы свято верят в западню, поставленную каким-то космическим психом.- Он раздраженно уставился на Бентона.- Так как, удерем отсюда, пока не поздно, и доложим обстановку на Базе или рискнем остаться?

- Когда это флот отступал?- вопросом же ответил Бентон.

- Я знал, что ты так ответишь.

Гибберт покорился тому неизбежному, что сулил им завтрашний день. Утро выдалось безоблачное и прохладное. Все трое были готовы, когда появился Дорка в сопровождении десятка туземцев - может быть, вчерашних, а может быть, и нет. Судить было трудно: все туземцы казались на одно лицо.

Поднявшись на борт звездолета, Дорка спросил со сдержанной сердечностью:

- Надеюсь, вы отдохнули? Мы вас не потревожим?

- Не в том смысле, как ты считаешь,- вполголоса пробормотал Гибберт. Он не сводил глаз с туземцев, а обе руки его как бы случайно лежали у рукоятей двух тяжелых пистолетов.

- Мы спали как убитые.- Ответ Бентона против его воли прозвучал зловеще.- Теперь мы готовы ко всему.

- Это хорошо. Я рад за вас.- Взгляд темных глаз Дорки упал на пистолеты.- Оружие?- Он удивленно моргнул, но выражение его лица не изменилось.- Да ведь оно здесь не понадобится! Разве ваш Фрэйзер не уживался с нами в мире и согласии? Кроме того, мы, как видите, безоружны. Ни у кого из нас нет даже удочки.

- Тут дело не в недоверии,- провозгласил Бентон.- В военно-космическом флоте мы всего лишь жалкие рабы многочисленных предписаний. Одно из требований устава - носить оружие во время установления всех первых официальных контактов. Вот мы и носим.- Он послал собеседнику очаровательную улыбку.- Если бы устав требовал, чтобы мы носили травяные юбки, соломенные шляпы и картонные носы, вы увидели бы забавное зрелище.

Если Дорка и не поверил несообразной басне о том, как люди рабски повинуются уставу даже на таком расстоянии от Базы, он этого ничем не выказал. Примирился с тем, что земляне вооружены и останутся при оружии независимо от того, какое впечатление произведет это обстоятельство на коренных жителей планеты.

В этом отношении у него было преимущество: он находился на своей земле, на своей территории. Личное оружие, даже в умелых руках, ничего не даст при неоспоримом численном превосходстве противника. В лучшем случае можно дорого продать свои жизни. Но бывают случаи, когда за ценой не стоят.

- Вас там ждет Лиман - хранитель храма,- сообщил Дорка.- Он тоже хорошо владеет космолингвой. Весьма ученый человек. Давайте сначала навестим его, а потом осмотрим город. Или у вас есть другие пожелания?

Бонтон колебался. Жаль, что этого Лимана вчера не было среди гостей. Более чем вероятно, что он-то знает два заветных слова. Мыслефон извлек бы их из головы Лимана и подал бы на тарелочке после его ухода, а тогда ловушка стала бы безвредной. В храме нельзя будет покопаться в мозгу Лимана, так как карманных моделей мыслефона не существуете ни хозяйева планеты, ни гости не наделены телепатическими способностями.

В храме вокруг них будут толпиться туземцы - бесчисленное множество туземцев, одержимых страхом неведомых последствий, следящих за каждым движением пришельцев, впитывающих каждое слово, выжидающих, выжидающих... и так до тех пор, пока кто-то из космонавтов сам

не подаст сигнала к бойне.

Два слова, нечаянно произнесенных слова, удары, борьба, потные тела, проклятия, тяжелое дыхание, быть может, даже выстрел-другой.

Два слова.

И смерть!

А потом примирение с совестью - заупокойная служба над трупами. Медные лица исполнены печали, но светятся верой, и по храму разносится молитва: "Их испытали согласно твоему завету, и с ними поступили согласно твоей мудрости. Их бросили на весы праведности, и их чаша не перетянула меру. Хвала тебе, Фрэйзер, за избавление от тех, кто нам не друг".

Такая же участь постигнет команду следующего звездолета, и того, что придет за ним, и так до тех пор, пока Земля либо не отгородит этот мир от главного русла межгалактической цивилизации, либо жестоко не усмирит его.

- Итак, чего вы желаете?- настаивал Дорка, с любопытством глядя ему в лицо.

Вздвогнув, Бентон отвлекся от своих бессвязных мыслей; он сознавал, что на него устремлены все глаза. Гибберт и Рэндл нервничали. Лицо Дорки выражало лишь вежливую заботу, ни в коей мере не кровожадность и не воинственность. Конечно, это ничего не значило.

Откуда-то донесся голос - Бентон не сразу понял, что это его собственный: "Когда это флот отступал?"

Громко и твердо Бентон сказал:

- Сначала пойдемте в храм.

Ничем - ни внешностью, ни осанкой - Лиман не напоминал первосвященника чужой, инопланетной религии. Ростом выше среднего (по местным понятиям), спокойный, важный и очень старый, он был похож на безобидного дряхлого библиотекаря, давно укрывшегося от обыденной жизни в мире пыльных книг.

- Вот это,- сказал он Бентону,- фотографии земной семьи, которую Фрэйзер знал только в детстве. Вот его мать, вот его отец, а вот это диковинное мохнатое существо он называл собакой.

Бентон посмотрел, кивнул, ничего не ответил. Все это очень заурядно, очень банально. У каждого бывает семья. У каждого есть отец и мать, а у многих - своя собака. Он изобразил горячий интерес, которого не испытывал, и попробовал прикинуть на глаз, сколько в комнате туземцев. От шестидесяти до семидесяти, да и на улице толпа. Слишком много. С любопытством педанта Лиман продолжал:

- У нас таких тварей нет, а в записках Фрэйзера они не упомянуты. Что такое собака?

Вопрос! На него надо отвечать. Придется открыть рот и заговорить. Шестьдесят пар глаз, если не больше, прикованы к его губам. Шестьдесят пар ушей, если не больше прислушиваются и выжидают. Неужто настала роковая минута?

Мышцы Бентона непроизвольно напряглись в ожидании удара ножом в спину, и он с деланной беспечностью разлепил губы:

- Домашнее животное, преданное, смышленное.

Ничего не случилось.

Ослабло ли чуть-чуть напряжение - или оно с самого начала существовало лишь в обостренном воображении Бентона? Теперь не угадаешь.

Лиман показал какой-то предмет и, держа его как драгоценнейшую реликвию, проговорил:

- Эту вещь Фрэйзер называл своим неразлучным другом. Она приносила ему великое решение, хотя нам непонятно, каким образом.

Это была старая, выдавшая виды, покрытая трещинами трубка. Она наводила только на одну мысль: как жалки личные сокровища, когда их владелец мертв. Бентон понимал, что надо что-нибудь сказать, но не знал, что именно. Гибберт и Рэнделл упорно притворялись немыми.

К их облегчению. Лиман отложил трубку, не задавая уточняющих вопросов. Следующим экспонатом был лучевой передатчик покойного разведчика; корпус был с любовным тщанием надраен до блеска. Именно этот устаревший передатчик послал отчет Фрэйзера в ближайший населенный сектор, откуда, переходя с планеты на планету, он попал на Земную базу.

Затем последовали пружинный нож, хронометр в родиевом корпусе, бумажник, автоматическая зажигалка - уйма мелкого старья. Четырнадцать раз Бентон холодел, вынужденный отвечать на вопросы или реагировать на замечания. Четырнадцать раз общее напряжение - действительное или воображаемое - достигало вершины, а затем постепенно спадало.

- Что это такое?- осведомился Лиман и подал Бентону сложенный лист бумаги.

Бентон осторожно развернул лист. Оказалось, что это типографский бланк завещания. На нем торопливым, но четким и решительным почерком были набросаны несколько слов:

"Сэмюэлу Фрэйзеру, номеру 727 земного корпуса космических разведчиков, нечего оставить после себя, кроме доброго имени".

Бентон вновь сложил документ, вернул его Лиману и перевел слова Фрэйзера на космолингву.

- Он был прав,- заметил Лиман.- Но что в мире ценнее?

Он обернулся к Дорке и коротко проговорил что-то на местном языке - земляне ничего не поняли. Потом сказал Бентону:

- Мы покажем вам облик Фрэйзера. Сейчас вы увидите его таким, каким его знали мы.

Гибберт подтолкнул Бентона локтем.

- С чего это он перешел на чужую речь?- спросил он по-английски, следуя дурному примеру туземцев.- А я знаю: он не хотел, чтобы мы по-

няли, о чем они толкуют. Держись, друг, сейчас начнется. Я это нутром чувю.

Бентон пожал плечами, оглянулся: на него наседали туземцы, они окружали его со всех сторон и сжимали в слишком тесном кольце; с минуты на минуту им придется действовать молниеносно, а ведь в такой толчее это невозможно. Все присутствующие смотрели на дальнюю стену, и все лица приняли благоговейно-восторженное выражение, словно вот-вот их жизнь озарится неслыханным счастьем.

Из всех уст вырвался единомудушный вздох: престарелый Лиман раздвинул занавеси и открыл изображение Человека Извне. Бюст в натуральную величину на сверкающем постаменте и портрет, написанный масляными красками, высотой метра в два. Судя по всему, оба шедевра отлично передавали сходство.

Долгое молчание. Все, казалось, ждали, что скажут земляне. Так ждут оглашения приговора в суде. Но сейчас, в этой нелепо запутанной и грозной ситуации, бремя вынесения приговора было возложено на самих подсудимых. Те, кого здесь негласно судят, должны сами признать себя виновными или невиновными в неведомом преступлении, совершенном неведомо когда и как.

У всех троих не было никаких иллюзий: они знали, что наступил кризис. Чувствовали это интуитивно, читали на медных лицах окружающих. Бентон оставался серьезным. Рэнделл переминался с ноги на ногу, будто не мог решить, в какую сторону кинуться, когда придет время. Воинственный фаталист Гибберт стоял, широко расставив ноги, держа руки у пистолетов, и всем своим видом показывал, что просто так жизнь не отдаст.

- Итак,- внезапно посуровевшим голосом нарушил молчание Лиман,- что вы о нем думаете?

Никакого ответа. Земляне сбились в кучку, настороженные, готовые к худшему, и разглядывали портрет разведчика, умершего триста лет назад. Никто не произнес ни слова.

Лиман нахмурился. Голос его прозвучал резко:

- Вы, надеюсь, не разучились говорить?

Он форсировал решение вопроса, торопил с окончательным ответом. Для вспыльчивого Гибберта этого оказалось больше чем достаточно. Он выхватил из-за пояса пистолеты и заговорил неистово, с обидой:

- Не знаю, что вы хотите услышать, да и нет мне до этого дела. Но вот что я скажу, нравится вам это или не нравится: Фрэйзер - никакой не бог. Всякому видно. Обыкновенный, простой косморазведчик эпохи первооткрывателей, а ближе и не дано человеку подойти к божескому званию.

Если он ожидал взрыва ярости, его постигло разочарование. Все ловили каждое слово, но никто не считал, что он богохульствует. Напротив, два-три слушателя миролюбиво закивали в знак одобрения.

- Космос порождает особые характеры,- вставил Бентон для ясности.- Это относится к землянам, марсианам и любым другим разумным существам, освоившим космос. При некотором навыке можно распознать космонавтов с первого взгляда.- Он облизнул пересохшие губы и dokonчил:- Поэтому Фрэйзер, типичный космопроходец, нам представляется заурядным человеком. Не так уж много можно о нем сказать.

- Сегодня в космическом флоте таких, как он, дают десяток за пени,- прибавил Гибберт.- И так всегда будет. Это всего лишь люди с неизлечимым зудом. Иной раз они вершат потрясающие дела, а иной раз нет. У всех у них храбрости хоть отбавляй, но не всем улыбается удача. Фрэйзеру просто неслыханно повезло. Он ведь мог разыскать полсотни бесплодных планет, а вот наткнулся на ту, где живут гуманоиды. Такие события делают историю.

Гибберт замолчал. Он открыто наслаждался своим триумфом. Приятно, если высказывание в сложных обстоятельствах, когда собственный язык может навлечь на тебя внезапную насильственную смерть, сходит с рук. Два слова. Два привычных, часто употребляемых слова, а он каким-то чудом избежал их, не зная, что это за слова.

- Больше вам нечего сказать?- спросил внимательно наблюдающий за ними Лиман.

Бентон мирно ответил:

- Да нет. Пожалуй, можно добавить, что нам было приятно увидеть изображения Фрэйзера. Жаль, его нет в живых. Он бы обрадовался, что Земля наконец-то откликнулась на его зов.

На мрачном лице Лимана медленно проступила улыбка. Он подал туземцам какой-то неуловимый знак и задернул картину занавесями.

- Теперь, когда вы тут все осмотрели, Дорка проведет вас в городской центр. Высокопоставленные особы из нашего правительства горят желанием побеседовать с вами. Разрешите сказать, как я рад нашему знакомству. Надеюсь, в скором времени к нам пожалуют и другие ваши соотечественники...

- У нас есть еще одно дело,- поспешно прервал его Бентон.- Нам бы хотелось переговорить с тобой с глазу на глаз.

Слегка удивленный Лиман указал на одну из дверей:

- Хорошо. Пройдите сюда, пожалуйста.

Бентон потянул Дорку за рукав.

- И ты тоже. Это и тебя касается.

В уединенной комнате Лиман усадил землян в кресла, сел сам.

- Итак, друзья мои, в чем дело?

- Среди новейшей аппаратуры на нашем звездолете,- начал Бентон,- есть такой робот-хранитель: он читает мысли любых разумных существ, у которых процессы мышления подобны нашим. Возможно, пользоваться таким аппаратом неэтично, зато это необходимая и весьма действенная мера предосторожности. Предупрежден - значит, вооружен, понимаете?- Он лукаво улыбнулся.- Мы прочитали мысли Дорки.

- Что?- воскликнул Дорка, вскочив на ноги.

- На них мы узнали, что нам грозят туманная, но несомненная опасность,- продолжал Бентон.- По ним выходило, что вы нам друзья, что вы хотите и надеетесь стать нашими друзьями... Но какие-то два слова

откроют вам нашу враждебную сущность и покажут, что нас надо встретить как врагов. Если мы произнесем эти слова, нам конец! Теперь мы, конечно, знаем, что не произнесли этих слов, иначе мы бы сейчас не беседовали так мирно. Мы выдержали испытание. Но все равно, я хочу спросить.- Он подался вперед, проникновенно глядя на Лимана.- Какие это слова?

Задумчиво потирая подбородок, ничуть не огорченный услышанным, Лиман ответил:

- Совет Фрэйзера был основан на знании, которым мы не владели и владеть не могли. Мы приняли этот совет, не задавая вопросов, не ведая, из чего исходил Фрэйзер и каков был ход его рассуждений, ибо сознавали, что он черпает из кладезя звездной мудрости, недоступной нашему разумению. Он просил, чтобы мы вам показали его храм, его вещи, его портрет. И если вы скажете два слова...

- Какие два слова?- настаивал Бентон.

Закрыв глаза. Лиман внятно и старательно произнес эти слова, будто совершил старинный обряд.

Бентон снова откинулся на спинку кресла. Он ошеломленно уставился на Рэндла и Гибберта, те ответили таким же взглядом. Все трое были озадачены и разочарованы. Наконец Бентон спросил;

- Это на каком же языке?

- На одном из языков Земли,- заверил его Лиман.- На родном языке Фрэйзера.

- А что это значит?

- Вот уж не знаю.- Лиман был озадачен не меньше землян.- Понятия не имею, что это значит. Фрэйзер никому не объяснил смысла, и никто не просил у него объяснений. Мы заучили эти слова и упражнялись в их произношении, ибо то были завещанные нам слова предостережения, вот и все.

- Ума не приложу,- сознался Бентон и почесал в затылке.- За всю свою многогрешную жизнь не слышал ничего похожего.

- Если это земные слова, они, наверное, слишком устарели, и сейчас их помнит в лучшем случае какой-нибудь заумный профессор, специалист по мертвым языкам,- предположил Рэнгл. На мгновение он задумался, потом прибавил:- Я где-то слышал, что во времена Фрэйзера о космосе говорили "вакуум", хотя там полно различных форм материи и он похож на что угодно, только не на вакуум.

- А может быть, это даже и не древний язык Земли,- вступил в дискуссию Гибберт.- Может быть, это слова старинного языка космонавтов или архаичной космолингвы...

- Повтори их,- попросил Вентой.

Лиман любезно повторил. Два простых слова - и никто их никогда не слышал.

Бентон покачал головой.

- Триста лет - немыслимо долгий срок. Несомненно, во времена Фрэйзера эти слова были распространены. Но теперь они отмерли, похоронены, забыты - забыты так давно и так прочно, что я даже и гадать не берусь об их значении.

- Я тоже,- поддержал его Гибберт.- Хорошо, что никого из нас не переутомляли образованием. Страшно подумать: ведь астролетчик может безвременно сойти в могилу только из-за того, что помнит три-четыре устаревших звука.

Бентон встал.

- Ладно, нечего думать о том, что навсегда исчезло. Пошли, сравним местных бюрократов с нашими.- Он посмотрел на Дорку.- Ты готов вести нас в город?

После недолгого колебания Дорка смущенно спросил:

- А приспособление, читающее мысли, у вас с собой?

- Оно намертво закреплено в звездолете,- рассмеялся Бентон и одобряюще хлопнул Дорку по плечу.- Слишком громоздко, чтобы таскать за собой. Думай о чем угодно и веселись, потому что твои мысли останутся для нас тайной.

Выходя, трое землян бросили взгляд на занавеси, скрывающие портрет седого чернокожего человека, косморазведчика Сэмюэла Фрэйзера.

- "Поганый ниггер"!- повторил Бентон запретные слова.- Непонятно. Какая-то чепуха!

- Просто бессмысленный набор звуков,- согласился Гибберт.

- Набор звуков,- эхом откликнулся Рэндл.- Кстати, в старину это называли смешным словом. Я его вычитал в одной книге. Сейчас вспомню.- Задумался, просиял.- Есть! Это называлось "абракадабра".

Эрик Фрэнк Рассел

Единственное решение

Он был один во тьме - и никого больше. Ни голоса, ни шепота. Ни прикосновения руки. Ни тепла другого сердца. Крошечный мрак. Одиночество.

Навечное заточение во тьму, молчание и безучастность. Кара. Тюрьма без приговора. Наказание без преступления.

И нет надежды на помощь и спасение извне. Нет жалости или симпатии в другой душе, в другом сердце. Нет дверей, которые можно было бы открыть, нет замков, которые можно было бы отпереть, нет запоров, которые можно было сорвать. Лишь мрачная, траурная ночь, в которой ищи не ищи - не найдешь ничего.

Взмахни направо - и уткнешься в ничто. Взмахни налево - и встретишь пустоту, полную и абсолютную. Ступи во тьму, словно слепец, и не будет ни пола, ни стен, ни эха шагов;

ничего, способного указать путь.

Лишь одно он воспринимал - себя.

А раз единственные доступные средства и силы лежали внутри, значит, он сам должен стать инструментом своего спасения.

Как?

Всякая задача имеет решение. Этим постулатом живет наука. Он был настоящим ученым и потому не мог не принять вызова своим способностям. Пытками ему служили скука, одиночество, духовная и физическая стерильность. Их невозможно терпеть. Простейший выход - воображение. И, сидя в смиренной рубашке, можно вырваться из материальной западни в мир собственных фантазий.

Но фантазий недостаточно. Они нереальны и слишком быстротечны. Свобода должна быть перманентной и истинной. Значит, он должен превратить мечтания в строгую реальность, настолько яркую и достоверную, чтобы она существовала и самопродлевалась.

И так он сидел в великой тьме и бился над задачей. Часов не было, и не было календаря, чтобы отметить длительность мысли. Не было ничего, кроме ожесточенной работы мозга. И одного тезиса: всякая задача имеет решение.

Решение нашлось случайно и сулило спасение от вечной ночи. Оно обещало друзей, приключения, веселье, тепло, любовь, звуки голосов, прикосновения рук.

План никак нельзя было назвать элементарным. Напротив, он был невообразимо сложен. Иначе - быстро возвращение в тишину, молчание, в горький мрак.

Адская работа. Нужно продумать миллион аспектов и проанализировать влияние друг на друга всех побочных эффектов. А потом предстояло справиться еще с одним миллионом, и еще, и еще...

Он создал обширнейшую грезу, мечтание неизмеримой сложности, конкретное и воплотимое до последней точки и запятой. И там он снова будет жить. Но не как прежняя личность - он собирался рассеяться на бесчисленные части, на великое множество форм бороться со своей конкретной средой. И он обострит и ожесточит борьбу до предела, наделяя свои формы невежеством, но давая способности, заставляя всему учиться заново. Он посеет вражду между ними и утвердит правила игры. Тех, кто соблюдает правила, назовут хорошими. Остальных - плохими. И будут бесконечные мелкие конфликты внутри одного большого.

Наступила пора перестать быть личностью как целое, а разделиться и воплотиться в бесчисленные частицы бытия. Тогда эти частицы смогут стремиться к единению и целостности. Но сперва из фантазии нужно сделать реальность.

Время настало. Эксперимент должен начаться.

Наклонившись вперед, он устремил взгляд во тьму и произнес:

- Да будет свет.

И стал свет.

Эрик Ф. Рассел

ПОДАРОК ОТ ДЖО

- Итак, - продолжал Куит со снисходительной интонацией, - в

те далекие дни было предсказано, что скорость дегидратации дает возможность предположить, что нам осталось жить не более четырехсот тысяч лет. После этого - конец!

Фернит содрогнулся и с тоской в голосе спросил:

- Так значит мы умрем?

- Нет, нет, конечно нет, - Куит важно прошелся по огромной комнате для совещаний. Здесь, окруженная массивными научными приборами, его фигура казалась особенно внушительной. Он обладал величием, достаточным, чтобы произвести впечатление на любого простого ребенка. Но Фернит не был простым ребенком. Он был единственным сыном Повелителя, его наследником и будущим боссом Куита.

- Нет, мы не умрем, - продолжал Куит. - Наша сообразительность сослужит нам службу в нужное время.

- Но каким же образом?

Куит провел рукой по своему великолепному лбу и опустил в кресло. Как объяснить все те знания, аккуратно и благоговейно накапливаемые в течение десяти веков? Мысленно он посылал Фернита к черту, хотя внешне ему удавалось сохранять глубококоммысленный вид.

- Мы переселимся на другую, лучшую планету, - сказал он наконец.

- Но как?

- В космических кораблях.

- Что, все?

- Нет, не все. Нас слишком много, - он замолчал, подыскивая слова. - Только самые лучшие из нас. Ты и твой отец, ученые и другие, те, кто по нашему мнению наиболее приспособлены к жизни.

- А другие останутся здесь и умрут?

- Боюсь, что так.

- Используй их правильно, - равнодушно произнес Фернит. - А на той планете есть жизнь?

- Да, есть. Мы оставим часть тех существ для своих нужд и избавимся от других.

- Они также умрут?

- Скорее всего, - пообещал Куит. - Нас это мало заботит. Мы заставим очистить для нас жизненное пространство. Вот как это будет. Низшие формы жизни должны уступить дорогу высшему разуму.

- Прекрасно! - воскликнул Фернит. - Масса убийств! А это будет скоро?

- Мы еще точно не знаем.

- Но почему? Почему мы не можем начать прямо сейчас?

Куит вздохнул, оглядев приборы страдальческим взглядом.

- Да потому, что мы не можем выйти в космос без космического корабля, а у нас их нет, ни одного.

- Почему это нет?

Пробубнил что-то про себя, Куит ответил:

- Потому что у нас нет кониума.

- Какого еще кониума?

- Это специальное вещество, обладающее огромной взрывчатой силой. Это единственный достаточно мощный источник энергии, способный вытолкнуть корабль в открытый космос. На этой планете его вообще нет, ни единого грамма.

- Может быть, он есть на лунах? - настаивал Фернит.

- Сомневаюсь, - осторожно сказал Куит. - Если даже и есть, то очень немного.

- Так почему нельзя добыть его на луне?

- Потому что, дорогой мой Фернит, нам нужен кониум, чтобы долететь до какой-нибудь из лун. Мы находимся в очень трудном положении. Нам нужен кониум, чтобы долететь до запасов кониума.

Пока Фернит обдумывал эти слова, Куит его насмешливо разглядывал. Потом тот спросил:

- Если у нас его нет, откуда мы вообще узнали, что он есть где-нибудь?

- Мы вычислили его существование теоретически, выявили его свойства математически и, наконец, исследовали его спектроскопически, - продекламировал Куит.

- Что все это значит?

- Я предлагаю тебе спросить об этом у своего папаши, - отрезал Куит, теряя терпение и поспешно добавил: - Он великий и очень умный человек.

Он направился к столу.

- Пожалуйста, извини меня, я очень занят.

С большим облегчением он смотрел на бредущего к выходу Фернита. Ужасный ребенок. Как и его пронырливый, всюду вмешивающийся отец. Выбросив мальчишку из головы, он заставил себя заняться механической защитой главной батареи огромной антенны. В любом случае они должны быть всегда настроены точно на одну точку, единственную, откуда можно ждать спасения.

Ронсед пришел рано утром, залез в кресло и начал:

- Контролеры только что прислали свой отчет - НАЧАЛОСЬ!

- Ты имеешь в виду?.. - Куит пристально посмотрел на него.

- Да, они опять воюют! Я тебя поздравляю, - Ронсед залез глубже в кресло. - Прогнозисты ошиблись примерно на шесть лет. Но что такое шесть лет? В конце концов, они оказались правы.

Он взволнованно посмотрел на Куита.

- Я думаю, дальше все пойдет как надо, Небеса нам помогут, если этого раньше не сделают двуногие!

- Я всегда был пессимистом, - пробурчал Куит.

- Пессимизм здесь не поможет. Скорее всего, это непонимание своих противников.

- Единомышленников, - поправил его Куит.

- Противников, - повторил Ронсед. - Никто не убивает своих единомышленников.

- Пока они продолжают оставаться единомышленниками, - цинично заметил Куит.

Ронсед заерзал и надолго замолчал. Потом проворчал:

- У меня какое-то предчувствие. С тех пор, как я узнал об этой программе. У меня отвратительное предчувствие. Этот план провалится. В нем есть определенные неточности, которые могут привести нас всех к гибели.

- Какие именно неточности?

- Что у этих существ не хватит природной сообразительности, чтобы догадаться, что происходит, и кто в этом виноват.

- Тьфу ты! - взорвался Куит. - Что тебе сказали контролеры? Зачем ты сюда пришел? Они опять ведут войну, точно как нами запланировано. Они как миллионы белых мышей, смотри, как они мечутся!

- Может быть. Пока все развивается с точностью до дня. Но так должно продолжаться до часа X, - он посмотрел на календарь. - А время бежит. Просто шестьсот лет - все это уходит из отведенных четырех тысяч лет.

- Ну и что? - фыркнул Куит. - Психоанализ показал, что их развитие ускоряется. Нам понадобится всего треть запланированного по схеме времени. Это временное ускорение почти не оставляет сомнений в нашем успехе.

- Я рад, что ты сказал "почти".

- У тебя впереди еще более двухсот лет жизни. Я могу

поспорить, что ты доживешь до нашего триумфа. Живи, чтобы увидеть это.

- Может быть, - Ронсед скептически покачал головой. - А может и нет.

Дверь открылась, и вошел Харна, на ходу спрашивая Куита:

- Ты слышал новость?

- Да, Ронсед мне уже сказал.

Харна присел на угол стола и пристально посмотрел на Ронседа.

- Ну, а ты что думаешь, Ворчун?

- Все идет хорошо - пока.

- Пока?! - воскликнул Харна. Он переключил свое внимание на Куита.

- Он опять, да?

Ронсед с досадой сказал:

- Со мной все в порядке. Мои железы здоровы, как твои. Мой желудок так же хорошо работает, как твой. А мое воображение лучше.

- Вообрази для меня пару вещей, - умильно попросил Харна.

- Мы развили науку настолько хорошо, что сами были потрясены до такой степени, что забыли, что это наше собственное детище, - Ронсед возвел глаза к небу.

- Мы - маги-телепаты, - продолжал Ронсед, - мы далеко, далеко впереди этих двуногих, на которых мы влияем. Мы можем усилить, спроектировать и воспринять нервные сигналы, общие для нас и для двуногих. Мы даже можем послать телепатические передачи, которые принесут назад их импульсы. Все это значит, что мы можем читать их мысли и влиять на них через огромные расстояния. Мы можем постичь их мир и их стиль жизни настолько, насколько эти вещи могут быть восприняты чужеродным разумом. В определенных пределах мы можем влиять на них тем образом, который наиболее подходит для наших целей. Но этого не достаточно. В своей основе их мозг отличается от нашего, и эта разница опасна, потому что неизвестна.

- Но... - начал Харна

- Я еще не закончил. Вы помните тот доклад на конференции?

Он доказывает, что двуногие используют нетелепатический метод общения, который нам непонятен даже сейчас. Это доказывает, что если два двуногих ведут беседу, то совсем не обязательно, что они передают ответ мысленно, в логической последовательности. Далее, один из них, или оба могут быть связаны чем-то другим, что не передается мысленно, чем-то фальшивым, направленным скорее на то, чтобы скрыть, а не обнаружить ход своих мыслей. Что это такое, мы не знаем. Как много другого мы еще не знаем?

- Мы знаем, как они реагируют на наши сигналы, - отчетливо произнес Куит.

- Мы знаем, как они реагируют в массе, - возразил Ронсед. - Но представьте, что несколько умнейших из них задумались над той же проблемой. Как мы можем их найти? Как отвлечь их от этих мыслей? Мы не можем по выбору подобраться к нескольким умам через этот телепатический гул всей планеты. Даже если нам удастся найти несколько человек, это будет чистой случайностью.

- Я не слышу твоего мнения, - запротестовал Харна. - Мы знаем, что они обнаружили наши пульсы около двадцати лет назад и легкомысленно отнесли их к природному явлению. Это хорошо, разве нет?

- Это вполне хорошо до того, пока какой-нибудь любопытный индивид не свяжет лучевую активность со всеобщей истерией, докажет их родство и, в конце концов, найдет в космосе источник

этих лучей - здесь! Откуда мы можем знать, что кто-то не делает этого уже сейчас?

- Догадки, - ухмыльнулся Харна. - Сможет ли Красное Солнце защитить тебя, если Повелитель услышит твои слова!

- Что вы можете на это возразить?

- А вот что, - Харна откинулся назад. - Мы знаем, что в том, другом мире предостаточно кониума. Что эти двуногие способны построить космические корабли на кониум-энергии и, в конце концов, они их построят, даже без каких-либо подсказок с нашей стороны. Но если их развитие будет ускорено нами, они могут покорить космос и появиться здесь в нужное нам время, чтобы спасти наши шкуры. Мы знаем, что можем заставить их построить то, что мы не можем произвести, привезти нам то, чего у нас нет. Мы можем использовать их, управляя ими издалека и таким образом покорить космос! И наконец, мы знаем, что если возможно влиять на них на таком расстоянии, то мы можем сделать их своими рабами, когда появимся на их планете. О чем же большем можно мечтать?

- Никогда в жизни я не желал с такой силой, чтобы вы оказались правы, а я бы ошибался, - Ронсед поднялся и пошел к двери. - Но я никогда ничего не принимал на веру, имея дело с незнакомыми вещами.

Он медленно покачал головой и вышел.

- Много ума, мало веры, - прокомментировал Харна. - Очень печально!

- Когда мы отправимся в наш новый дом, ты полагаешь, что Ронсед будет среди избранных? - спросил Куит.

- Нет, - Харна тупо уставился в стену. - Мы - завоеватели, и у нас не будет места для такого сомневающегося.

Время шло, отчеты контролеров заполнялись все новыми веренищами гала-дней.

- Война растет и растет.

- Импульсы неистовства привели их в ярость.

- Война вылилась в мировую конфронтацию.

- Необходимость выжить дала их науке огромный скачок.

В двенадцатый день Двойных Лун и день рождения Фернита пришло великое известие: "Они используют ракетное оружие".

Повелитель объявил всеобщий праздник. Радостно неся свои знамена, толпы народа маршировали по улицам. Они наполнили мысленное пространство таким количеством поздравлений, что контролеры потеряли связь с другой планетой. Позже, гораздо позже, Повелитель сам зачитал сообщение: "Они используют кониум! В ознаменование этого события я объявляю свободный день!"

Толпы стали еще в два раза больше, и контролеры полностью потеряли контакт с планетами. Телепатический рев был настолько сильным, что часть его просочилась через экран проекторной комнаты, где Куит развлекался с бутылкой. Эта бутылка, наполненная светло-зеленой жидкостью, была наполовину пуста, когда пришел Ронсед. Куит рыгнул, посмотрел на него остекленевшими глазами и придвинул к нему бутылку.

- Пей, - предложил он. - Это может помочь тебе противостоять насмешкам всяких глупцов.

- Мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним, - Ронсед отодвинул бутылку. - Сейчас они уже располагают кониумом и ракетами. Сложи две эти вещи вместе, и ты получишь результат, который ты хочешь, результат столетий веков конспирации - но получишь ли?

- Почему бы и нет?

- Потому что некоторые из них могут иметь тайные знания и тайные мысли.

- Ничего подобного, - заключил твердо Куит.

- Или если даже таких мыслей пока нет, они могут появиться прежде, чем они будут здесь.

- Может, ты уйдешь, - предложил Куит. - Уходи, ты убиваешь меня своими душевными переживаниями.

Он громко стукнул бутылкой по столу.

- Тогда дай мне поговорить с Повелителем.

- Что?! - Куит даже уронил бутылку.

- Я прошу об аудиенции у Повелителя.

- Ты пьян! - подняв бутылку, Куит опорожнил ее до конца, дважды рыгнул и устался на Ронседа. - Пьян до скотского состояния.

Помолчав немного, он добавил:

- О чем ты с ним хочешь говорить?

- О плане спасения. Я думаю, он должен быть изменен, пока не поздно.

- А, так ты вот чего хочешь? После многих поколений кропотливого психологического планирования приходит Ронсед и предлагает все изменить. Во имя Красного Солнца, это питье, должно быть, действительно сильное - оно заставляет меня доверять твоим сумасшедшим идеям.

- Ты меня прекрасно понимаешь. Я думаю, что план ошибочен. Я хочу сказать об этом Повелителю, объяснить, почему и предложить его изменить.

- В каком ключе? - засомневался вдруг Куит.

- Мне кажется, мы должны использовать наши телепатические способности, чтобы открыто связаться с этими двуногими, объяснить им наши сложности и попросить о помощи.

- И ты думаешь, они ее нам предоставят? - холодно спросил Куит.

- Я не знаю, - продолжал Ронсед. - Но я чувствую, что у нас будет больше шансов, если мы встретим их доброжелательно.

- Глупости! Глупости и ерунда! Мы завоюем их абсолютно и полностью нашей собственной мудростью. Они очутятся в тисках обстоятельств, которые они не смогут преодолеть, ибо наш гений для них совершенно чужероден. Прежде, чем они это поймут, мы захватим их с помощью их собственного невежества.

- Мой дорогой Куит, - возразил Ронсед, - может так случиться, что они воспринимают эту нашу мудрость именно как нечто чужеродное.

- Я ничего такого не предвижу. Для меня все ясно, - хвастливо сказал Куит. - Включая и то, что ты, несчастный зануда, со своими "как", "почему" и "может быть", ты - угроза для всеобщей морали настолько, что узнай Повелитель хотя бы половину всего этого, он бы упек тебя куда-нибудь подальше.

Куит презрительно изучал собеседника.

- Твоя просьба об аудиенции у Повелителя официально отклонена.

- Ты не позволишь мне его увидеть?

- Конечно нет! Я буду заслуживать наказания, если позволю засорять его мозг подобными идеями.

- Могут ли звезды подтвердить, что эти двуногие окажутся такими тугодумами, как ты это предполагаешь? - воскликнул Ронсед. Он медленно направился к двери и, уже отрыв ее, добавил:

- Если придет успех, Куит, твоя незаурядность будет признана и Повелитель вознесет тебя так, как никого до этого. Но если ты провалишься, то никогда не узнаешь, как сильно ты упал. Ты будешь мертв, - и он захлопнул за собой дверь.

Куит пнул бутылку через всю комнату и с гневом уставился на дверь. Этот Ронсед с его постоянным нытьем! Некоторое время он с раздражением смотрел на дверь, потом, наконец, одел неврофон и долго настраивал антенну, пока гудок не подтвердил, что отдел Записи на связи.

- Проследите, чтобы имя Вычислителя Ронседа было занесено в списки недопущенных к переселению.

В ответ от Харна пришла мысленная волна:

- С превеликим удовольствием. Он тебя опять доставал?

- Да, испортил мне весь тихий час с бутылкой.

- Ну, это уже слишком, - подтвердил Харна. - Я вообще удивляюсь, как ты его так долго терпел. Жаль, что ты не можешь отправить его в Восточную Пустыню, где он мог бы лелеять свои идиотские опасения в одиночестве.

- А это идея, - поразмыслив над этим, Куит продолжал: - Я подам жалобу Повелителю. Он предпримет необходимые меры. Мы будем, наконец, избавлены от этого пророка отчаяния к завтрашнему вечеру.

- С тебя бутылка за совет, - быстро сориентировался Харна. - Мы разопьем ее с тобой после того, как Ронсед покинет нас.

Прежде, чем отключиться, он симитировал мысленный смешок.

Когда старый Повелитель скончался и подвергся церемониальному сожжению, Фернит на долгих двенадцать лет взошел на Трон Власти, в то время, как двуногие уже достигли спутников своей планеты. Контролеры, с нетерпением прослушивающие эфир, ждали этого события долгие месяцы, но ни одному слуху о том, что приближалось, не было разрешено проникнуть в общество. Когда, наконец, предположения подтвердились, Куит решил лично сообщить эту новость Ферниту. Важно войдя в его кабинет, он поклонился с минимальным почтением, что соответствовало его высокому положению.

- Ваше Высочество, - объявил он. - Двуногие вышли в открытый космос!

- А! - Фернит с силой сжал ручки трона. Красноватые отблески появились в его глазах. - Они приземлились на свой спутник?

- Да, на десяти кораблях. Стартовали двенадцать. Отказали только два. Остальные теперь на их луне.

- Это здорово, просто здорово, - он удовлетворенно пошевелил шупальцами. - Пусть все знают, что я объявляю три свободных дня.

- Будет объявлено, - пообещал Куит.

- А что сейчас говорят прогнозисты?

Куит нахмурился:

- Ваше Высочество, они утверждают, что настал тот самый момент, когда Вам надлежит собрать совет для обдумывания нашей дальнейшей стратегии. Кроме того, есть одно затруднение, по поводу которого мнения наших лучших психологов разделились.

- Затруднение? - Фернит смерил его тяжелым взглядом. - Какие еще могут быть затруднения?

- Дело в следующем: эти двуногие поддаются нам, только пока наши внушения не вступают в явное противоречие с фактами. Это их приземление на луну выявило один нежелательный для нас факт, который может отложить на долгое время их попытки добраться сюда.

- И этот факт?..

- То, что Утренняя Звезда - планета Саркен - к ним ближе. Мы находимся почти вдвое дальше. Для них будет логичнее попытаться достичь Саркена, - Куит сделал недовольный жест. - Если они долетят до Саркена, они могут осесть там на тысячу лет,

обживаясь и исследуя его, прежде чем решат прилететь сюда. Тем не менее, у нас есть средства заставить их забыть о Саркене в нашу пользу.

- Но Саркен необитаем и не приспособлен к жизни, - возразил Фернит. - То мы никогда не сможем уловить ни одной их мысли из-за плотных слоев атмосферы.

- Возможно, его атмосфера имеет свойства отражать мысли, - предположил Куит. - Или, может быть, что жизненные формы на нем обмениваются мыслями на частотах, далеко выходящих за пределы диапазона наших приемников. Но проблема даже не в том. Проблема, Ваше Высочество, в том, как нам убедить двуногих появиться здесь прежде, чем будет слишком поздно - а это будет сложно, потому что не логично.

- Тогда я созову совет, - решил Фернит. - Выход должен быть найден как-нибудь, неважно как. Это вопрос жизни и смерти, так же как и для двуногих.

Он вздохнул и продолжил:

- Жизнь и смерть этих двуногих также.

- Да, Ваше Высочество, - согласился Куит, услужливо рассмеявшись.

Совет заседал целую ночь. Они согласились, что ситуация близка к безвыходной. Так продолжалось до самого утра, пока Алрат, наиболее уважаемый эксперт по психологии двуногих, не сказал последнего слова.

- Это не выход, если мы навяжем им еще одну мировую войну, - сказал он. - Двуногие только воссоединились после прошедшего кризиса и им необходим этот союз, чтобы вплотную заняться космосом. А если, как предлагает Веркин, мы привьем им новую идеологию, они снова разделятся и будут попусту терять энергию. Время для стимулирования войной теперь прошло.

- Тогда у нас остается это проклятое предложение Ронседа, - вставил Куит. - Привезти их сюда, открыто обнаружив свое присутствие.

- Совсем нет, - возразил Алрат. - Красное Солнце запретил кому-либо из нас слушать Ронседа. Если кто-то предпочитает партнерство владычеству - он сумасшедший!

Он пристально оглядел присутствующих.

- У этих двуногих сильно развито любопытство и огромное самомнение. Мы это знаем, мы пользовались этими факторами веками. Так дайте нам и дальше ими пользоваться.

- Продолжай, - приказал Фернит.

- Оцените ситуацию: разве они достигли луну на одном единственном корабле? Нет! Они послали двенадцать, и десять из них добралось до цели. На следующий год они пошлют пятьдесят, а через год у них будет уже сто кораблей. Их амбиции соизмеримы только с их энергией.

- Итак? - нетерпеливо спросил Фернит.

- Я думаю, будет не так трудно убедить их в мысли достичь сразу двух планет, Саркена и нашей. Это предложение будет для них подходящим, потому что оно не противоречит близости Саркена, и в то же время взывает к их честолюбию - двойной триумф куда лучше, чем один.

- Но, насколько нам известно, это вдвое сократит их силы, - возразил кто-то.

Алрат гневно посмотрел на него.

- Какое это имеет для нас значение, если на Саркене приземлятся 50 кораблей, лишь бы один прилетел сюда. Одного достаточно - одного корабля, способного увезти одного хорошо

подготовленного телепата. После этого все их ракеты примчатся сюда.

Гул слышался за столом совещаний, пока Фернит не прекратил его фразой:

- Все согласны с планом Алрата?

- Это лучше всего, - ответили все.

- Тогда это - мой приказ, - Фернит обратился к Куиту: - Прикажи радистам передать мысль о двойном перелете тайно, без остановки.

"Нам придется остановиться, когда мы достигнем противоположной стороны солнца," - мысленно прикинул тот, неосторожно забыв, что может быть "услышан". Поймав его мысль, Фернит покраснел и взревел:

- Идиот, ты думаешь я этого не знаю?! Даже будучи грудным ребенком я знал, как расстояния между планетами влияют на наши возможности. Почему даже эти тупые двуногие могут понять?... - он остановился, соображая, куда завел его гнев. За столом воцарилась тишина. Жуткая, мертвая тишина.

Ронсед отбыл уже половину своей двадцатисемилетней ссылки в Восточной Пустыне. Проклятое красное солнце висело в небе, и слабый ветерок пересыпал сухой красный песок. Сидя у окна, он рассеянно смотрел на до смерти надоевший ему пейзаж.

В то утро планетарная невростанция объявила ограничения на воду, первый признак приближающегося конца. Теперь на одного человека приходилась строго отведенная порция воды в сутки. На той планете двуногих много воды, там ее больше, чем земли. Этот факт был известен прежде, чем появился телескоп, способный подтвердить это. Они получили информацию из мыслей двуногих. Телеприборы дают возможность наблюдать безжизненные миры или те, мысли которых нельзя уловить, таких как Саркен, например. Они практически ничего не знали о Саркене или других подобных планетах, пока они не извлекли мысль о создании телескопов и спектроскопов из мозга двуногих. К сожалению, двуногие чересчур умны в своем роде, чуждом роде - слишком умны, чтобы чувствовать себя здесь спокойно.

Почуднее устроившись в кресле. Ронсед взялся за неврофон и стал ждать вечернего сообщения. Он уже давно не видел ни одного живого существа, передачи новостей из города были его единственной возможностью услышать чье-то постороннее мнение. Это было последним ударом тех, кто закрыл ему путь к переселению. Он все сильнее уставал от одиночества, и в конце концов решил, что смерть - куда меньшая утрата.

"Если бы у Фернита и Куита хватило ума связаться с двуногими, вместо того, чтобы влиять на них исподтишка, если бы они предпочли сотрудничество владычеству, еще могла бы быть какая-нибудь надежда. Но теперь..."

Он мрачно ухмыльнулся, неврофон щелкнул и начал передавать: "Шесть дней назад восемь космических кораблей стартовали к Саркене, и один - к нашей планете. Ни один из них нам еще не виден, но мы получили эти сведения из умов двуногих, которые наблюдают за полетом из своих более мощных телескопов. Корабль, направляющийся к нам, уже недалеко и приземлится здесь очень скоро. Мы держим невростанцию в полной готовности!"

Ронсед pokrылся испариной. Телепатическая волна отдавалась в глубине его мозга, пока он ждал продолжения. Он посмотрел на свои передние щупальца, как будто видел их впервые. Их присоски увлажнились, по ним пробежала дрожь.

После длительного молчания передача возобновилась: "Теперь мы

можем наблюдать, как приближающийся корабль пересекает орбиту ближайшей к нам луны. Любопытно, что мы не можем прочесть мысли пилота, несмотря на то, что его возбуждение должно было бы передаваться достаточно явственно. Это скорее всего потому, что корабль, нагруженный кониумом, может иметь защитный эффект."

"А может быть потому, что там нет никакого пилота," - добавил про себя Ронсед, - "никого, кроме робота". Он попытался остановить дрожь, но не смог.

Опустилась ночь, а он все еще сидел там в полной темноте, когда невростанция снова обратилась к притихшей в ожидании планете: "Мы ведем нашу передачу из подвижной станции. Корабль двуногих вот-вот приземлится к северу от города Калтрака. Вот он блестит на солнце. Те, у кого есть селектрофоны, могут подключиться и увидеть эту картину моими глазами."

Ронсед нажал кнопку, закрыл глаза и увидел далекую картину. Это была радужная, похожая на мираж картинка. Огромный светящийся цилиндр неся над песками прямо на наблюдателя. Приземляясь, он вспахал громадную полосу земли, и пыль медленно оседала вслед за ним. Показались два телепата, они бежали к кораблю, готовые взять под контроль его экипаж. Ронсед различал нашивки на униформе ближайшего к нему телепата, было заметно, как тот сутулился. Когда картинка приблизилась, Ронсед смог разглядеть полосы космической пыли на корпусе ракеты и ряд объективов видеокамер и надпись из трех слов. Он постарался прочесть замысловатые, необычные буквы надписи. Там было написано: "ПОДАРОК ОТ ДЖО".

Ронсед вскочил, открыл глаза и перестал видеть сцену, происходящую на другой стороне планеты. Какое-то мгновение он смотрел в темноту за окном, а через секунду весь горизонт залило ослепительным белым светом. Он потянулся щупальцами к глазам, чтобы закрыть их. Но это ему не удалось.

И щупальца, и глаза, и комната, в которой он находился, и вся земля вокруг, по существу, вся планета Марс превратилась в огромное, бурлящее скопление взбесившихся атомов, всего за каких-нибудь две с небольшим секунды.

Двуногие разрешили проблему.

По своему.

Эрик Фрэнк Расселл

Дьявология

Облетев планету, он внимательно осмотрел её. Без сомнения, эту планету населяли существа с высокоразвитым интеллектом. Доказательством тому были легко узнаваемые с высоты судоверфи, переплетения железнодорожных рельсов в сортировочных пунктах, энергостанции, каменоломни, заводы, шахты, комплексы жилых строений, мосты и еще немало других свидетельств обитания на планете быстро размножающихся существ, наделенных разумом. Крайне важно было наличие космопортов. Он их насчитал три.

Глядя вниз через небольшой иллюминатор рубки, он понял, что контакт чреват опасностью. За множество столетий освоения человеком космического пространства было открыто более семисот планет, пригодных для жизни. Их обследовали. На всех обитали живые существа. Разумные - на немногих. Но до этого самого мгновения еще никто не сталкивался со столь высокоразвитой формой жизни.

Он послал бы радиограмму с подробным описанием увиденного, если бы

находился в пределах досягаемости пограничного сторожевого поста. Даже теперь еще не поздно полететь обратно и через семнадцать недель оказаться в зоне, откуда его сигнал будет принят этим постом. Но в таком случае ему придется искать планету, где он сможет дозаправиться, а ведь сейчас до нее рукой подать. На этой планете, несомненно, было горючее. Быть может, они поделятся с ним.

Сейчас же запаса горючего ему хватит только на то, чтобы совершить посадку и потом вернуться на базу. Э! Синица в руках лучше журавля в небе. Он изменил направление полета, и корабль нырнул в атмосферу чужой планеты, взяв курс на самый большой космопорт из трех.

Казалось, будто они выскочили из-под земли, как это случается у людей, когда на пустынной дороге происходит автокатастрофа. Аборигены были низкорослы - самые высокие не превышали пяти футов. Не будь этого, они походили на него, розовощекого и голубоглазого, не менее, чем монголоиды, обросшие мягкой серой шерстью.

Окружив плотным кольцом космолет, они тараторили, жестикулировали, подталкивали друг друга локтями, о чем-то спорили, пожимали плечами - словом, вели себя, как толпа зевак, собравшаяся на краю глубокой темной ямы, из которой доносятся странные звуки. Их поведение было примечательно тем, что ни один из аборигенов не выказал и тени страха, никто даже украдкой не пытался отойти подальше от космолета. Единственное, чего они опасались - это внезапного выхлопа газов из молчавших сейчас сопел реактивных двигателей. Он вышел не сразу. Согласно Правилу № 1 перед выходом необходимо проверить состав атмосферы чужой планеты. Воздух, которым дышат аборигены, вполне может оказаться для него непригодным.

Анализатору Шрибера требовалось четыре минуты, чтобы сообщить своему повелителю, может ли тот милостиво снизойти до того, чтобы дышать этой смесью.

Выключив анализатор, он открыл входной люк, уселся, свесив ноги, которые теперь свободно болтались в восьмидесяти ярдах от поверхности планеты. С этого удобного наблюдательного пункта он спокойно разглядывал толпу, как человек, который может плюнуть кому-нибудь в физиономию, зная, что на ответный плевок никто не осмелится. Шестое правило дьявологии гласит: чем выше, тем недоступнее. Доказательство: тактическое преимущество чаек перед людьми.

Поскольку те, внизу, были существа разумные, они быстро оценили невыгодность своего положения. Не имея возможности вскарабкаться наверх по полированной поверхности корабля, они практически были не в состоянии добраться до пришельца. Впрочем, они жаждали приблизиться к нему, не имея при этом какихлибо враждебных намерений. Ведь желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить.

Чтобы еще больше раздражить их, он повернулся к ним боком, обхватив руками согнутую в колене ногу, и продолжал разглядывать их с видом полного превосходства. А они должны были стоять и пялить на него глаза, рискуя вывихнуть себе шеи.

Чем дольше это продолжалось, тем большее нетерпение проявляли аборигены. Некоторые уже что-то кричали ему скрипучими голосами. Этим он снисходительно улыбался. Другие пытались объяснить с ним жестами. Он отвечал им тоже жестами, что отнюдь не радовало тех, кто поумнее. По какой-то непонятной причине ни одного ученого не заинтересовал вопрос, почему в любом уголке Вселенной одни и те же жесты вызывают у тех, к кому они обращены, только отрицательные эмоции. Те, кто изучал основы дьявологии, проходили курс, известный под названием "Уязвление с помощью жестов". Усвоив его, человек в любой ситуации был способен выразить свое презрительное отношение к любому инопланетянину наиболее обидным для того жестом.

Какое-то время толпа беспокойно шевелилась; аборигены покусывали серую шерсть на пальцах рук, тихо переговаривались и иногда бросали в его сторону злобные взгляды. Они по-прежнему держались вне опасной зоны, видимо, думая, что у существа, разлегшегося у входного люка, вероятно,

есть напарник, который дежурит у пульта управления.

Так продолжалось до тех пор, пока не подъехало несколько неуклюжих громоздких автомашин, из которых высыпали солдаты. Вновь прибывшие, одетые в униформу цвета вывалившейся в грязи свиньи, были вооружены дубинками и ручными пулеметами. Они построились в три ряда, повинувшись лающим звукам команды, резко повернулись направо и зашагали вперед. Толпа расступилась, пропуская их. Они окружили корабль, отрезав его от скопища зевак.

Трое офицеров торжественно прошли по кругу и внимательно все осмотрели, соблюдая, однако, безопасную дистанцию. Потом они вернулись на исходные позиции, и, задржав головы, устремили взгляд на инопланетянина.

Старший из трех офицеров похлопал себя по тому месту, где у него, должно быть, находилось сердце, наклонился и постучал рукой по земле, а когда снова поднял глаза на сидевшего высоко над ним гостя, придал своему лицу безмятежнотерпеливое выражение. С его запрокинутой головы слетела фуражка, и, повернувшись, чтобы ее поднять, он на нее наступил.

Как видно, это маленькое приключение доставило удовольствие тому, кто находился на восемьдесят ярдов выше - он хихикнул и свесился наружу, чтобы получше рассмотреть неуклюжего офицера. Офицер, с покрасневшим под серой шерстью лицом повторил свой призывный жест. На этот раз тот, другой, соизволил его понять. Небрежным кивком он выразил свое согласие и скрылся в корабле. Спустя несколько секунд по поверхности корабля змеей скользнула нейлоновая лестница, и нарушитель спокойствия спустился по ней с ловкостью обезьяны.

Когда он предстал перед ними, солдат и толпу любопытных поразили безволосое лицо, огромное могучее тело и то, что, насколько они могли судить, у него не было никакого оружия. Следовало ожидать, что его внешность окажется необычной. В конце концов они сами сделали несколько вылазок в космос и видели еще более дикие формы жизни. Но какое, спрашивается, живое существо обладает таким высокоразвитым интеллектом, чтобы выстроить космолет, и вместе с тем настолько неразумно, что пренебрегает какими бы то ни было средствами защиты? Их мышление всегда подчинялось законам логики. Убогие недоумки.

Офицеры и не пытались завести разговор с этим экспонатом из необозримых просторов космоса. Они не обладали телепатическими способностями, а опыт, приобретенный в космических путешествиях, открыл им одну простую истину: от издаваемых ртом звуков нет никакой пользы, пока та или иная сторона не научится понимать их значение. Поэтому они жестами объяснили ему, что хотят отвезти его в город, где с ним встретятся другие аборигены, более сведущие в вопросах установления контактов. Они прекрасно объяснялись с помощью рук, что естественно для чуть ли не единственных, по их мнению, разумных существ, которым удалось открыть новые миры.

Он согласился на это с высокомерием владыки, который снисходит до общения со своими подданными, он повел себя так с первой же минуты встречи с аборигенами. Быть может, под влиянием анализатора Шрибера он немного перегибал палку. Когда охранники повели его к грузовикам, толпа расступилась снова. Он прошествовал через образовавшийся проход, одарив всех язвительным жестом № 17 - кивком, которым дал понять, что признает их право на существование и уж как-нибудь вытерпит их примитивный интерес к своей персоне.

Грузовики покатали прочь, оставив позади космолет с открытой дверью и болтающейся в воздухе лестницей. Не осталось незамеченным, что пришелец не принял никаких мер, чтобы помешать им проникнуть внутрь корабля. Пусть, мол, специалисты обыскивают его и беспрепятственно воруют идеи у других мыслящих существ, которые, подобно им самим, проторили дорогу в космос.

Ни один из представителей таких высокоразвитых существ не мог быть столь преступно небрежен. Следовательно, тут и речи не было ни о какой небрежности. Отсюда логический вывод: принцип устройства корабля не стоит того, чтобы его засекречивать, ибо это устройство безнадежно устарело. Или же, напротив - позаимствовать какие-либо идеи невозможно, потому что существа, не достигшие определенного уровня развития, все равно в них не

разберутся. За кого он их принимает? Уж они его проучат, тому свидетель сам Кас, владыка преисподней. Один из младших офицеров влез по лестнице наверх, осмотрел корабль, спустился на землю и доложил, что не обнаружил больше ни одного пришельца; там не было даже ручного лансима и ни крошки съестного. Выходит, незнакомец прибыл сюда один. Эта новость облетела толпу. На аборигенов она не произвела особого впечатления. Вот если б их посетила целая флотилия боевых кораблей с десятью тысячами солдат на борту, такое они бы поняли. Ведь это была бы демонстрация военной мощи, превосходящей их собственную.

Тем временем грузовики покинули территорию космопорта, промчались миль двадцать по сельской местности и въехали в город. Здесь машина, которая шла во главе колонны, отделилась от остальных, свернула к западному предместью и наконец остановилась перед похожим на крепость зданием, окруженным высоченной стеной. Пришелец вылез из машины, и его тут же препроводили в тюремную камеру.

Здесь он тоже повел себя странно. Ему следовало бы возмутиться: никто ведь еще не объяснил ему, почему с ним так обошлись. А он вот не возмутился. Полюбовавшись на аккуратно застеленную койку, словно она являла собой предмет роскоши, предоставленный ему в знак признания его полномочий, он, как был, в одежде, в ботинках, улегся на нее, глубоко, с удовлетворением вздохнул и погрузился в сон. Рядом с его ухом висели часы, и их тиканье заменило ему неумолчное тиканье автопилота, без которого в космосе по-настоящему не заснешь. В камеру не раз заглядывали охранники, чтобы проверить, не пытается ли он потихоньку отпереть замки или распылить на атомы каким-нибудь своим, неизвестным им способом прутья решетки. Но он все храпел, отрешенный от мира, не подозревая, что тревожный озноб мало-помалу охватывает всю космическую империю.

Он еще спал, когда пришел Пэрмис, нагруженный книгами с картинками. Пэрмис уселся на стул около кровати и стал терпеливо ждать, пока от соседства со спящим не отяжелели его собственные веки, и он поймал себя на том, что мысленно прикидывает, удобно ли лежать на застеленном ковром полу. Тут он решил, что ему следует либо взяться за работу, либо улечься на пол. И он разбудил спящего, потыкав его в бок пальцем.

Они взялись за книги. "Ах - это "ахмад" - резвящийся в траве. "Ай" - это "айсид" - запаянный в стекле. "Оом - это "оом-тук" - найден на Луне. "Ухм" - это "ухмлак" - смешит толпу везде. И так далее. Прерывая урок только для того, чтобы поесть, они заучивали слова весь день напролет и достигли немалых успехов. Пэрмис был первоклассным педагогом, пришелец - наиспособнейшим учеником, который мгновенно схватывал все и ничего не забывал. В конце этого первого урока они уже могли немного побеседовать, обменяться несколькими простыми фразами.

- Меня зовут Пэрмис. А как зовут вас? - Уэйн Гилдер. - Два имени? - Да. - А как зовут вас во множественном числе? - Землянами. - А мы называем себя вардами.

Из-за недостатка слов разговор на этом закончился, и Пэрмис ушел. Через девять часов он вернулся в сопровождении некоего Герки, который был помоложе и специализировался на декламации - он бубнил одни и те же слова и фразы до тех пор, пока его слушателю не удавалось повторить их с безукоризненным произношением. Они занимались этим еще четыре дня с утра и до позднего вечера. - Вы не пленник.

- Знаю, - сказал Гилдер мягко, но достаточно самоуверенно. Пэрмис несколько растерялся. - Откуда вам это известно?

- Вы б не осмелились посадить меня в тюрьму. - Но почему?

- У вас недостаточно информации обо мне. Поэтому вы обучаете меня своему языку - вам ведь нужно побольше выведать у меня и как можно скорее. Это было настолько очевидно, что крыть было нечем. Пэрмис пропустил слова Гилдера мимо ушей и промолвил:

- Вначале мне казалось, что нам потребуется девяносто дней, чтобы научить вас говорить бегло. А сейчас похоже, что хватит и двадцати.

- Если б мои соплеменники не отличались необычайной живостью ума,

обучение продвигалось бы не так быстро, - заметил Гилдер.

На лице Герки отразилось беспокойство, Пэрмис смущенно заерзал. - Нам еще не приходилось обучать вардов, - ехидно добавил Гилдер. - Пока что ни один не пожаловал к нам в гости.

Пэрмис торопливо произнес:

- Мы должны продолжить наш урок. Одна высокая комиссия хочет задать вам несколько вопросов и ждет, когда вы научитесь говорить бегло и внятно. Займемся-ка повторением звукосочетания "фс", произношение которого вы еще до конца не усвоили. Поупражняйтесь на одной весьма трудной фразе. Вслушайтесь, как ее произносит Герка.

- Фсон дис фслимен фсангафс, - нараспев продекламировал Герка, терзая свою нижнюю губу. - Фусонг дис...

- Фсон, - поправил Герка. - Фсон дис фслимен фсангафс.

- На языке цивилизованных людей это звучит лучше: "Вечерняя сырость гонит прочь комаров". Фусонг...

- Фсон! - настойчиво повторил Герка, стреляя звуками как из рогатки.

Комиссия расположилась в пышно убранном зале с полукруглыми рядами сидений, которые были установлены на десяти ступенях амфитеатра. Присутствовало четыреста аборигенов. По тому, как вокруг них увивались слуги и всякая чиновничья мелюзга, можно было заключить, что здесь собрались самые важные чины. Так оно и было на самом деле. Четыреста аборигенов представляли политическую и военную власть планеты, возглавлявшей космическую империю из двух десятков Солнечных систем и вдвое большего количества обитаемых миров. Совсем недавно они были твердо убеждены, что являются чуть ли не творцами Вселенной. А теперь у них на этот счет возникли кое-какие сомнения.

Когда два охранника ввели Гилдера и усадили его лицом к поднимающимся вверх ступеням амфитеатра, разговоры смолкли. Варды впились глазами в пришельца. Одни смотрели на него с любопытством, другие - с недоверием, некоторые вызывающе, большинство - с откровенной неприязнью.

Усевшись поудобнее, Гилдер оглядел присутствующих с выражением человека, который, придя в зоопарк, задержался у одной из наиболее вонючих клеток. Иными словами - с легким отвращением. Он потер указательным пальцем нос и принялся. Язвительный жест № 22 - им пользовались в присутствии многочисленного собрания инопланетян, облеченных властью, и сейчас он вызвал именно ту реакцию, на которую был рассчитан. С полдюжины наиболее воинственно настроенных аборигенов, рассвирепев, готовы были растерзать его.

Пожилой вард с покрытым шерстью нахмуренным лицом поднялся с места и, обращаясь к Гилдеру, словно продекламировал вызубренную заранее речь:

- Только особи с высокоразвитым интеллектом и мыслящие сугубо логически способны покорить космос. Поскольку не вызывает сомнений, что вы относитесь именно к такой категории живых существ, для вас не составит труда понять вашу позицию. Само ваше присутствие здесь вынуждает нас со всей серьезностью обсудить вопрос о том, какая из взаимоисключающих категорий лучше: сотрудничество или борьба за первенство, мирное соседство или война.

- Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности, - заявил Гилдер. - Есть черный цвет и есть белый, да вдобавок еще множество оттенков перехода одного в другой. Есть слово "да" и есть слово "нет", а кроме них, всякие "если", "однако" и "быть может". Вот вам пример: "Отодвинувшись, вы могли бы стать недостижимыми".

Они, существа с упорядоченным мышлением, без особого удовольствия восприняли то, как он запутал нить их логических рассуждений. Не понравился им и узелок на конце этой нити - последняя фраза, в которой явно крылся какой-то намек. Пожилой абориген еще больше нахмурился, голос его стал резче.

- Вам следовало бы оценить и свое собственное положение. Вы здесь один, а нас миллионы. И какой бы силой ни обладал каждый представитель вашего племени, лично вы абсолютно беспомощны. Поэтому спрашивать будем

мы, а вы - отвечать. Если б мы с вами поменялись местами, было бы наоборот. Такова логика вещей. Вы готовы ответить на наши вопросы? - Да.

Одних такой ответ явно удивил. Другие же приуныли, не сомневаясь, что, само собой, он скажет только то, что найдет нужным, а остальную информацию утаит. Опустившись на свой стул, пожилой абориген сделал знак варду, сидевшему слева от него. Тот встал и спросил: - Где находится ваша базовая планета? - Сейчас я этого не знаю.

- Не знаете? - Судя по его тону, вард предвидел, что трудности возникнут уже в самом начале допроса. - А как вы сможете вернуться на нее, если вам неизвестно, где она находится?

- Когда я окажусь в радиусе распространения радиоволн ее маяка, я поймаю сигнал и полечу в нужном направлении.

- Но разве, чтобы найти ее, вам недостаточно ваших космических карт? - Нет. - Почему?

- Потому что она перемещается в пространстве вне зависимости от какого-нибудь крупного космического тела.

- Вы имеете в виду, что это планета, которая вырвалась за пределы своей Солнечной системы?

- Вовсе нет. Это база космолетов-разведчиков. Вы же наверняка знаете, что это такое, не правда ли?

- Нет, не знаю! - рявкнул вард, который вел допрос. - Объясните.

- Это небольшая искусственная планетка сферической формы. Что-то вроде пограничного сторожевого поста. Присутствовавшие, пытаясь оценить значение полученной информации, вполголоса заговорили между собой и шумно заерзали. Абориген с невозмутимым видом продолжал: - Вы назвали это пограничным сторожевым постом, но ведь такое определение ничего не говорит о координатах вашей родной планеты.

- А вы об этом не спрашивали. Вы спросили о моей базе. Я это слышал собственными ушами.

- Допустим. Так где же находится ваша родная планета? - Без карты я не могу указать вам ее местоположение. У вас есть карты необследованных районов космоса?

- О да. - Его противник улыбнулся, с нарочитой торжественностью он достал и развернул карты. - Мы раздобыли их на вашем корабле.

- И правильно сделали, - обрадованно сказал Гилдер, отчего у всех вытянулись лица. Встав со стула, он приблизился к картам, ткнул пальцем в ту, что лежала сверху, и воскликнул: - Вот она, добрая старушка Земля! - после чего вернулся на место.

Вард посмотрел на указанную точку на карте, потом окинул взглядом присутствующих, собрался было что-то сказать, но передумал и промолчал. Достав авторучку, он сделал на карте пометку.

- Планета, которую вы называете Землей, - это она основала вашу империю и является ее центром?

- Да. - И на ней возник ваш род?

- Да.

- А сколько таких, как вы? - твердым голосом продолжал вард. - Этого никто не знает. - Разве вы не ведете счет себе подобным? - Когда-то давным-давно мы этим занимались. А в настоящее время мы слишком рассредоточены, нас разбросало по всей Вселенной. - Гилдер призадумался и добавил: - Впрочем, могу вам сообщить, что четыре миллиарда моих соплеменников обосновались на трех планетах нашей Солнечной системы. А сколько их за ее пределами - это загадка. Нас можно разделить на две группы. Одна - это пустившие корни в родной почве, другая - оторвавшиеся от нее, и сколько этих последних - сосчитать невозможно. Да они сами бы воспрепятствовали такому подсчету: а вдруг кому-нибудь придет в голову заставить их платить налог. В итоге получается четыре миллиарда плюс неизвестное число.

- Это нам ничего не говорит, - возразил вард. - Мы же не знаем число, которое следует приплюсовать.

- Мы тоже, - сказал Гилдер. - Порой нас эта неизвестность просто

пугает. - Он обвел взглядом присутствующих. - Если по сей день это дополнительное число лишь иногда вызывало страх, сейчас самое время прийти от него в ужас. Еще больше нахмурившись, вард сформулировал вопрос иначе: - Вы сказали, что какая-то часть ваших соплеменников обитает в других Солнечных системах. Сколько планет они освоили?

- По последним статистическим данным, семьсот четырнадцать. Но эти сведения уже устарели. Пока готовят очередной доклад, таких планет становится на восемь-десять больше.

- И вы полностью освоили такое огромное количество планет? - А разве какую-нибудь планету можно освоить полностью? Да мы еще не добрались до ядра своей собственной, и сомневаюсь, что нам это когда-нибудь удастся. - Гилдер пожал плечами и закончил свою мысль: - Нет, мы просто разгуливаем по поверхности этих планет и слегка их при этом общипываем.

- Вы хотите сказать, что ведете на них разработки полезных ископаемых? - Да, если такая формулировка вас больше устраивает. - А случалось, что аборигены оказывали вам сопротивление?

- Очень незначительное, друг мой, очень незначительное. - И что вы в таких случаях предпринимали? - Это зависело от обстоятельств. На одних аборигенов мы просто не обращали внимания, других наказывали, третьих просвещали.

- Просвещали? - недоуменно переспросил вард. - То есть прививали им наше мировоззрение. Какой-то пузатый субъект, сидевший в третьем ряду, не выдержал и вскочил на ноги.

- Вы надеетесь, что и мы будем смотреть на вещи вашими глазами? - раздраженно спросил он. - Ну, не сразу, конечно, - ответил Гилдер. - Может, вы считаете, что мы неспо...

Пожилой абориген, который выступал первым, поднялся с места и заявил:

- Либо мы будем вести допрос по всем правилам логики, либо откажемся от него вообще. Он должен идти без отступлений: пока кто-нибудь один задает вопросы, другие не вмешиваются. - Он властно кивнул варду, который держал при себе карты: - Продолжайте, Тормин.

И Тормин продолжил допрос, затянувшийся на целых два часа. Видимо, он был экспертом-астрономом, так как все его вопросы в той или иной степени имели отношение к этой области науки. Гилдер охотно ответил на часть вопросов, а что касается остальных - сослался на свою некомпетентность. Наконец Тормин сел и с глубокомысленным видом погрузился в изучение сделанных им пометок в блокноте. Теперь вопросы стал задавать вард по имени Грасуд, который за последние полчаса прямо-таки извертелся от нетерпения.

- Является ли ваш корабль новейшей моделью космолетов такого класса?

- Нет.

- Есть более усовершенствованные? - Да.

- Намного ли они лучше?

- Откуда я знаю? Мне ведь еще не поручали пилотировать такой космолет.

- Не странно ли, - многозначительно проговорил Грасуд, - что нашу планету обнаружил космолет устаревшей конструкции, а не более современный?

- Нисколько. Это чистая случайность. Так сложилось, что я полетел сюда, а другие разведчики - кто на старых, кто на новых кораблях - отправились по другим маршрутам. Сколько направлений в глубинах космоса? Сколько радиусов может быть у сферического тела?

- Поскольку я не математик, мне...

- Будь вы математиком, - перебил его Гилдер, - вам было бы известно, что их число выражается цифрой 2π . - Он обвел взглядом аудиторию и поучающим тоном добавил: - Коэффициент 2 вытекает из того легко доказуемого факта, что радиус - это половина диаметра, а 2π - это наименьшее число, которое любого собьет с толку.

Сбитый с толку Грасуд попытался было вникнуть в смысл сказанного, но сразу же сдался и спросил:

- Значит, этим числом определяется количество ваших

кораблейразведчиков?

- Нет. Нам ни к чему проводить разведку во всех направлениях. Эти корабли отправляются только к тем звездам, которые нам видны. - А разве звезды не везде?

- Разумеется, везде, если рассматривать этот вопрос без учета расстояния до них. Разведчиков посылают в самые близкие, еще не исследованные Солнечные системы, тем самым сокращая до минимума число холостых полетов.

- Вы уклоняетесь от темы, - сказал Грасуд. - Сколько таких кораблей, как ваш, совершают сейчас разведывательные полеты? - Двадцать.

- Двадцать? - Он притворился, будто утратил интерес к этому вопросу.

- И только-то?

- А что, этого недостаточно? До каких же пор, по-вашему, можно использовать устаревшие модели?

- Я спрашиваю не о космолетах устаревшей конструкции. Сколько у вас действующих разведывательных кораблей вообще?

- Честно говоря, не знаю. И сомневаюсь, знает ли это кто-нибудь другой из моих соплеменников. Помимо самой Земли, у которой свои флотилии, разведывательные экспедиции в космос снаряжают и некоторые из наиболее технически развитых колоний. Более того, два-три других вида разумных существ кое-чему у нас научились и, вдохновившись нашим примером, начали осваивать космическое пространство. Поэтому подсчитать количество космолетов для нас теперь так же невозможно, как произвести перепись себе подобных. Ни словом не возразив Гилдеру, Грасуд продолжал: - По нашим меркам, ваш корабль не так уж велик. У вас, несомненно, есть и побольше. - Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Гилдера. - Какова величина вашего самого большого космолета, если его сравнить с тем, на котором вы прилетели сюда?

- Самый большой из тех, что я видел, - это линейный космолет "Ланс". Его масса в сорок раз превышает массу моего корабля.

- Какова численность живой силы на борту? - Членов экипажа - свыше шестисот, но в случае необходимости этот корабль может вместить втрое большее число моих соплеменников.

- Итак, вам точно известно, что существует как минимум один космолет, который при критических обстоятельствах может взять на борт около двух тысяч ваших соплеменников, верно? - Да.

Присутствующие снова заерзали, раздался гул приглушенных голосов. Не обращая внимания на этот шум, Грасуд, внешне полный решимости во что бы то ни стало выудить самые подробные сведения, продолжал допрос. - А есть у вас еще корабли такого же размера? - Да. - Сколько?

- К сожалению, не знаю. Если б знал, я бы сказал. - Может, у вас даже есть космолеты размером и побольше?

- Вполне вероятно, - не стал отрицать Гилдер. - Но если такие есть, я еще ни одного не видел. Впрочем, это ничего не значит. Сколько бы ты ни прожил, а всего не увидишь. Если вы пересчитаете предметы, которые у вас перед глазами, прибавите количество тех, что вы уже видели, то останется какое-то число предметов, которые вам еще Предстоит увидеть. И если на осмотр каждого из них вы потратите по секунде, потребуется...

- Меня это не интересует! - рявкнул Грасуд, боясь запутаться в непривычных для его мышления доводах пришельца.

- И напрасно, - сказал Гилдер. - Ведь если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется все то же бесконечное число. Следовательно, вы можете отнять от целого какую-то часть, а целое не станет меньше. Получается, что один пирог можно съесть дважды. Разве нет?

Грасуд шлепнулся на свое сиденье и с выражением крайнего недовольства обратился к престарелому варду:

- Я хочу получить конкретные сведения, а не выслушивать громогласное опровержение основных правил логики. Его болтовня нарушает стройный ход моих мыслей. Пусть им займется Шахдинг.

Осторожно поднявшись со стула, Шахдинг начал расспрашивать о разных

видах оружия, которым располагают земляне, и способах обращения с ним. В своем допросе он твердо держался одной линии, чтобы у землянина не возникло соблазна увести его в сторону от основной темы. Задавая вопросы, он проявил хитрость и проницательность. Гилдер отвечал свободно, без запинки и выложил все, что мог.

- Выходит, - сказал Шахдинг, подводя итог допросу, - вы отдаете предпочтение силовым полям, неким лучам, парализующим центральную нервную систему, бактериологической войне, демонстрации военной мощи и бесконечным переговорам с целью убедить противника принять ваши условия. Поскольку вы в столь значительной степени пренебрегаете баллистикой, эта наука у вас наверняка отстает в развитии.

- Да она и не могла бы развиваться, - сказал Гилдер. - Поэтому мы перестали ею заниматься. По той же причине мы в свое время прекратили возню с луками и стрелами. Ни один разовый удар не может превзойти непрерывное и длительное воздействие. - И, словно с некоторым запозданием, ему в голову пришла еще одна мысль, добавил: - Во всяком случае, можно доказать, что никакая пуля не попадет в бегущего.

- Чушь! - воскликнул Шахдинг, который сам некогда дважды сумел увернуться от пуль.

- Когда пуля достигнет точки, в которой находился бегущий в момент выстрела, тот уже будет далеко впереди, - сказал Гилдер. - В этом случае пуле нужно преодолеть это дополнительное расстояние, но окажется, что там его нет - он уже убежал дальше. Она покрывает и это расстояние - и вновь его не находит. Так оно и продолжается.

- Но ведь пуля постепенно теряет пробивную силу и перестает отвечать своему назначению, - ехидно заметил Шахдинг.

- На любое расстояние, которое преодолевает пуля, уходит определенный, пусть очень малый, отрезок времени, - разъяснял Гилдер. - И даже если делить частицу времени на все уменьшающиеся доли, все равно в результате получится не ноль, а бесконечный ряд небольших отрезков времени, составляющий в сумме бесконечный временной период. Подсчитайте-ка сами, и вы поймете, что пуля не попадет в бегущего, потому что не сможет его настигнуть.

Судя по реакции присутствующих, им до сих пор никогда не приходилось выслушивать такие доводы или самим додуматься до чего-либо подобного. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы принять это утверждение за непреложный факт. Все были достаточно сообразительны и распознали в нем логическое или псевдологическое отрицание само собой разумеющегося и легко доказуемого явления.

Они сразу же стали искать слабое место в этом чуждом для них рассуждении пришельца и, обсуждая между собой этот вопрос, так расшумелись, что Шахдинг был вынужден молча ждать, пока они утихнут. Сидевшие в первом ряду амфитеатра вскочили со своих мест, опустили на колени и принялись чертить на полу диаграммы, все больше распаляясь и надрывая голоса до хрипа. Несколько вардов в последнем, верхнем, ряду амфитеатра, казалось, вот-вот хватит удар. Наконец пожилой вард, Шахдинг и еще двое одновременно проревели: - Молчать!!!

Члены следственной комиссии неохотно расселись по своим местам, продолжая что-то бормотать себе под нос, жестикулировать и показывать друг другу листки бумаги с набросками схем. Шахдинг гневно взглянул на Гилдера и открыл было рот, чтобы продолжить допрос. Опередив его, Гилдер небрежно произнес: - Это кажется глупостью, не так ли? Но ведь может произойти все, что угодно, абсолютно все. К примеру, особь мужского пола может жениться на сестре своей вдовы.

- Нет, не может, - заявил Шахдинг, чувствуя, что в состоянии опровергнуть это, особо не мудрствуя. - Чтобы жена стала вдовой, муж должен умереть.

- Представьте себе, что особь мужского пола женится на особи женского пола и та вскоре умирает. Тогда он женится на ее сестре и умирает сам. Разве его первая жена не является в этом случае сестрой его вдовы?

- Я здесь не для того, чтобы своими хитросплетениями меня дурачил пришелец с чуждым для нас образом мышления! - выкрикнул Шахдинг. Он решительно опустился на свой стул и чуть погодя, немного успокоившись, сказал сидевшему рядом с ним варду: - Ладно, Кадина, теперь будьте любезны, займитесь им вы.

С выражением полной уверенности в себе Кадина встал и окинул властным взглядом окружающих. Ростом он был выше других вардов, одет в мундир с темнокрасного цвета отделкой на рукавах. Впервые за последние полчаса все умолкли. Удовлетворенный впечатлением, которое он произвел, Кадина повернулся к Гилдеру и заговорил; голос у него был ниже тоном и не такой скрипучий, как у тех, кто беседовал с Гилдером до него.

- Кроме кое-каких маловажных проблем, которых вы, забавы ради, коснулись и тем самым поставили в тупик моих соотечественников, - вкрадчиво начал он, - вы, не увликая и не колеблясь, ответили на наши вопросы. Вы снабдили нас обильной информацией, весьма полезной с точки зрения военных специалистов.

- Я рад, что вы оценили это, - сказал Гилдер, - О да, мы это ценим. И даже очень. - В улыбке Кадины было что-то зловещее. - Однако есть один вопрос, в который не мешало бы внести ясность. - Какой же?

- Если б все было наоборот, если б какой-нибудь разведчик-вард подвергся перекрестному допросу перед собранием ваших соплеменников и так же охотно, как вы, сообщил разного рода сведения... - Кадина не закончил фразу, взгляд его стал жестким, и он прорычал: - В этом случае мы б сочли, что он предал свой народ, и приговорили бы его к смертной казни.

- Как же мне повезло, что я не вард, - сказал Гилдер. - Рано радуется, - отрезал Кадина. - Смертный приговор ничего не значит только для тех, кому он уже вынесен. - Куда вы клоните?

- Я вот думаю, а не совершили ли вы там, у себя, тягчайшее преступление и потому ищете у нас убежища? Впрочем, возможно, что вы сбежали по какой-нибудь другой причине, но, как бы там ни было, вы без малейшего колебания предали своих соплеменников. - На его лице появилась все та же зловещая улыбка.

- И все-таки приятно было бы узнать, почему вы ответили на наши вопросы.

- Все очень просто, - сказал Гилдер, в свою очередь, улыбнувшись, но так, что Кадине эта улыбка не очень-то понравилась. - Дело в том, что я неисправимый лжец.

И, сказав это, он встал и смело пошел к выходу. Охранники проводили его в камеру.

Он провел в ней три дня, съедая регулярно приносимую ему пищу с раздражающим аборигенов удовольствием, развлекал себя, записывая какие-то цифры в маленький блокнот, и, казалось, так же наслаждался жизнью, как легендарный разведчик космоса по имени Ларри. На исходе третьего дня ему нанес визит какой-то незнакомый вард.

- Меня зовут Булак. Быть может, вы помните меня. В том зале, где вы отвечали на вопросы комиссии, я сидел в конце второго ряда.

- Там присутствовало четыреста ваших соплеменников, - сказал Гилдер. - Я не могу помнить каждого. - Он подвинул варду стул. - Впрочем, это не имеет значения. Присаживайтесь и поднимите для удобства ноги, если внутри этих ваших странных ботинок вообще есть ноги. Чем могу быть вам полезен? - Сам не знаю.

- Но ведь что-то побудило вас прийти ко мне, не так ли? Булак был сама печаль. - Я бегу от тумана. - Какого тумана?

- Того, который вы здесь напустили. - Он поскреб волосатое ухо, внимательно осмотрел пальцы и уставился на стену. - Главной целью комиссии было определить уровень вашего интеллекта. От этого и только от этого зависит наше отношение к контакту с другими завоевателями космоса. - Я сделал все, чтобы помочь вам, разве нет?

- Помочь? - эхом отозвался Булак, как бы повторяя какое-то новое и непонятное для него слово. - Помочь? И вы называете это помощью? На

самом-то деле допрос должен был выявить, шагнула ли ваша логика вперед по сравнению с нашей и можно ли вывести из ваших посылок более совершенные умозаключения.

- Ну и как?

- Кончилось тем, что вы поправили все законы логики. Оказывается, пуля не может никого убить! Прошло уже три дня, а пятьдесят членов комиссии все еще не пришли по этому поводу к единому мнению, а сегодня утром один из спорящих доказал, что никто не может подняться по приставной лестнице. Друзья перессорились, родственники начинают ненавидеть друг друга. Состояние остальных трехсот пятидесяти членов комиссии немногим лучше.

- А их-то что тревожит? - поинтересовался Гилдер. - Они спорят о том, что есть истина, и едва удерживаются, чтобы не пустить в ход кулаки, - сказал Булак таким тоном, будто был вынужден упомянуть о чем-то непристойном. - По вашим словам, вы - неисправимый лжец. Отсюда следует, что само это заявление - ложь. Тогда выходит, что вы не являетесь неисправимым лжецом. Вывод: вы можете быть неисправимым лжецом, только не будучи им. И еще - вы можете быть неисправимым лжецом только в том случае, если вы неисправимы.

- Плохо дело, - посочувствовал Гилдер. - Чем дальше, тем хуже, - продолжал Булак, - потому что если вы и вправду неисправимый лжец - с позиции логики это заявление само себя опровергает, - то все сведения, которые вы нам сообщили, не стоят и мешка с гнилым зерном. Если же вы на допросе говорили правду, то ваше последнее утверждение, что вы лжец, тоже должно соответствовать истине. Но если вы неисправимый лжец, то все, что вы нам сказали, - ложь.

- Вздохните-ка поглубже, - посоветовал Гилдер. - Однако, - продолжал Булак, сделав глубокий вздох, - поскольку ваше последнее заявление лживо, все остальное, сказанное вами, может оказаться правдой. - В глазах его появилось безумное выражение, и он принялся размахивать руками. - Но из-за того, что вы признаете себя неисправимым, ни одну вашу фразу нельзя считать ни ложной, ни правдивой, потому что тщательный анализ выявляет неразрешимое противоречие, которое...

- Успокойтесь, - сказал Гилдер, похлопав его по плечу, - ведь это же естественно, когда стоящий на более высокой ступени развития приводит в замешательство того, кто еще не достиг этого уровня. Беда в том, что вы пока недостаточно развиты и мыслите несколько примитивно. - Он поколебался и таким тоном, будто решился высказать смелое предположение, добавил: - Честно говоря, меня не удивит, если я узнаю, что до сих пор вы мыслите логически.

- Во имя Великого Солнца! - воскликнул Булак. - А как еще мы можем мыслить?

- Как мы, - ответил Гилдер. - Когда ваш интеллект для этого созреет. Он дважды обошел вдоль стен свою камеру и задумчиво произнес, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

- Кстати, в настоящее время вам не удалось бы разобраться в проблеме: "Почему это мышь, когда вертится волчком".

- Почему это мышь, когда вертится волчком? - как попугай повторил Булак, и у него отвисла челюсть.

- Или возьмем задачу полегче, которую на Земле может решить любой ребенок. - Какую же?

- Общеизвестно, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой. - Совершенно верно.

- А теперь представим себе, что все Северное полушарие планеты занято сушей, а все Южное - водой. Является ли Северное полушарие островом, а Южное - океаном?

Булак минут пять размышлял над этим. Потом на листке бумаги нарисовал круг, разделил его пополам, заштриховал одну из половин и несколько минут рассматривал свой рисунок, после чего сунул эту бумагу в карман и встал.

- Некоторые из нас с удовольствием перерезали бы вам глотку, если бы не опасались, что ваши соплеменники, возможно, точно знают, где вы

находитесь, и способны за это покарать. Остальные охотно дали бы вам улететь и проводили бы вас с почестями, если б не боязнь уронить себя в глазах существ с более низким уровнем интеллекта.

- Рано или поздно им все-таки придется принять какое-либо определенное решение, - заметил Гилдер, внешне не выказав никакого интереса к тому, какая из сторон возьмет верх в этом споре.

- А за это время, - с подавленным видом продолжал Булак, - мы осмотрели ваш космолет, который может быть космолетом устаревшей конструкции или новейшей - в зависимости от того, солгали вы или сказали правду. Мы имеем доступ ко всему, кроме двигателей и дистанционного управления, ко всему, кроме самого главного. Чтобы определить, превосходят ли они по своим параметрам наши двигатели и нашу систему дистанционного управления, нам пришлось бы разобрать ваш корабль на части, а значит, разрушить его и сделать вас пленником. - Что же вас останавливает? - То, что ваш прилет может быть провокацией. Если ваши соплеменники обладают значительной военной мощью и хотят развязать с нами войну, им нужен предлог. А наше дурное к вам отношение как раз и явится таким предлогом. Той искрой, которая взорвет бочку с порохом. - Он безнадежно махнул рукой. - Что можно предпринять, если приходится работать в потемках?

- Можно попробовать решить вопрос, сохранит ли зеленый лист свой цвет в беспросветном мраке.

- С меня достаточно, - заявил Булак и пошел к двери. - Более, чем достаточно. Остров или океан, а? Да не все ли равно? Пойду-ка я к Мордэфе. С этими словами он удалился, беспокойно шевеля пальцами, а на его покрытом шерстью лице содрогался каждый волосок. После его ухода двое охранников боязливо заглянули в камеру сквозь решетку. У них был такой вид, будто им поручили присматривать за опасным маньяком.

Мордэфе пришел к нему на следующий день после полудня. Это был пожилой, тощий и какой-то очень уж морщинистый вард с не соответствующими его внешности живыми молодыми глазами. Усевшись, он внимательно оглядел Гилдера и спокойно заговорил, взвешивая каждое слово.

- Исходя из того, что доходило до моих ушей, я вывел основной закон, касающийся живых существ, которые, по нашим представлениям, наделены разумом.

- Вы его вывели умозрительно?

- А как же иначе? У меня нет другой возможности. Все живые существа, которых нам пока что удалось обнаружить на других планетах, не являются понастоящему разумными. Некоторые из них кажутся таковыми, но это только видимость. Что касается вас, то вы, безусловно, обладаете таким запасом знаний, который, быть может, рано или поздно накопим и мы, но это время пока не пришло. И если вдуматься, нам еще повезло, раз мы сознаем, что контакт с вами - дело крайне рискованное. Не предскажешь, чем он может обернуться. - В чем же суть этого закона?

- В том, что правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области. - Неужели?

- К сожалению, это так. Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют иные проблемы. - Он немного помолчал. - Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всем при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. Слабое место власти в том, что неуважение к ней ее обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен.

- Хм! - Гилдер смотрел на него с возрастающим уважением. - Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа.

- Благодарю, - сказал Мордэфе. - Так вот, сам факт, что вы рискнули посадить здесь свой корабль, на котором, кроме вас, никого не было, а позже вконец заморочили головы нашим высокопоставленным деятелям, - сам этот факт указывает на то, что ваши соплеменники разработали методику поведения в подобной ситуации с учетом комплекса возможных случайностей

или даже целую серию таких методик, каждая из которых применяется в зависимости от обстоятельств.

- Давайте дальше! - нетерпеливо воскликнул Гилдер. - Такие методики разрабатываются скорей всего на основе практики, а не теоретических выкладок, - продолжал Мордэфе. - Иными словами, они - результат огромного опыта, многочисленных исправленных и учтенных ошибок, испытаний на пригодность для тех или иных условий, настойчивых попыток добиться максимального успеха при минимальных затратах сил. - Он взглянул на своего собеседника. - Ну как, прав я или нет? - Пока придраться не к чему.

- К настоящему времени нам удалось прочно утвердить свою власть на сорока двух планетах, причем без особых трудностей, если не считать стычек с примитивными формами жизни. Однако мы можем обнаружить равного нам по силе врага на сорок третьей планете, когда она будет открыта. Кто знает? Так вот, ради того, чтобы обосновать одну идею, давайте допустим, что разумные существа заселяют одну из сорока трех обитаемых планет.

- А что нам даст эта посылка? - живо спросил Гилдер. - Лично я полагаю, - задумчиво проговорил Мордэфе, - что для разработки правильных методик общения с разумными существами, обитающими в любой точке Вселенной, необходим опыт, который можно приобрести лишь в результате контакта по крайней мере с шестью их разновидностями. Отсюда следует, что ваши соплеменники открыли и обследовали не менее двухсот пятидесяти планет. И это по скромному подсчету. Истинное же их число (вполне может соответствовать тому, которое вы назвали).

- Так, значит, я не являюсь неисправимым лжецом? - улыбувшись, спросил Гилдер.

- Это несущественно, и наши правители, если будут еще какое-то время в здравом рассудке, придут к такому же выводу. Быть может, вы в своих интересах несколько исказили кое-какие факты и кое-что преувеличили. Если так, не в нашей власти это изменить. Вдобавок, это все равно не повлияет на истинное положение вещей, а именно: совершенно очевидно, что вы намного опередили нас в области освоения космоса. Отсюда следует, что ваш род старше нашего, обладает более развитым интеллектом и превосходит нас численно.

- Звучит достаточно логично, - признал Гилдер. - Пощадите! - взмолился Мордэфе. - Если вы загоните меня в тупик какими-нибудь ложными выводами, я не успокоюсь, пока из него не выберусь. А это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

- Вот как! Значит, вы намерены сделать что-то полезное для меня?

- Кто-то же должен наконец принять то или иное решение, если ясно, что правительство на это неспособно. Я собираюсь посоветовать им освободить вас и отпустить на все четыре стороны, пожелав вам всех благ.

- Вы считаете, что они прислушаются к вашему совету?

- Разумеется. И вам это известно - вы же рассчитываете именно на такой исход. - Мордэфе бросил на Гилдера пронизательный взгляд. - Они ухватятся за мое предложение, чтобы вернуть чувство собственного достоинства. Если все обойдется благополучно, они присвоят себе честь такого мудрого решения. Если же нет - вся вина падет на мою голову. - Он задумался, затем с искренним любопытством спросил: - А вам случалось наблюдать подобный расклад где-нибудь еще, у других разумных существ?

- Везде одно и то же, - заверил его Гилдер. - И у всех всегда находится свой Мордэфе, который улаживает дело таким же образом, как вы. Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары.

- Хотел бы я когда-нибудь встретиться со своим двойником-инопланетянином. - Встав со стула, Мордэфе пошел к двери. - Если б я сегодня не посетил вас, как долго могли бы вы с вашей сложной психологической структурой пребывать в ожидании, не впадая в депрессию?

- До тех пор, пока в это дело не вмешался бы кто-нибудь другой вроде вас. Если никто не берет на себя эту роль добровольно, великие мира сего теряют терпение и кому-нибудь ее навязывают из среды себе подобных. Власть существует за счет пожирания собственных внутренностей.

- Это уже похоже на парадокс, - с легким укором заметил Мордэфе и ушел. Гилдер стоял, глядя сквозь решетку, которая закрывала верхнюю половину двери. Два охранника, прислонившись к стене напротив его камеры, не спускали с него глаз.

Обращаясь к ним, он произнес шутливо-добродушным тоном:

- Ни у какой кошки нет восьми хвостов. У любой кошки на один хвост больше, чем у кошки несуществующей. Поэтому у каждой из них по девять хвостов. Охранники сердито насупились.

К космолету он прибыл в сопровождении внушительного эскорта. Зрелище было впечатляющее: присутствовали все четыреста членов правительственной комиссии, около ста из них были в роскошных парадных мундирах, остальные - в своих лучших праздничных одеяниях. Вооруженный конвой под лай команды прожонглировал винтовками. Кадина елеинным голосом произнес речь, заверив Гилдера в братской любви и яркими красками расписав, какое их всех ждет лучезарное будущее. Кто-то преподнес ему букет дурно пахнущих растений, и Гилдер про себя отметил, что люди и варды воспринимают один и тот же запах по-разному.

Поднявшись по нейлоновой лестнице на корабль, он посмотрел вниз с высоты в восемьдесят ярдов. Кадина все еще махал ему на прощанье рукой. Гилдер высморкался в носовой платок - язвительный жест № 9, задраил люк и уселся в кресло перед пультом управления.

Из сопел с глухим рокотом вырвалось пламя. Струя пара, ударив в землю, осыпала толпу провожающих комьями грязи. Это получилось случайно, не по инструкции. "А жаль, - подумал он. - В инструкции должно быть предусмотрено все. Такого рода вещи мы обязаны систематизировать. Грязевой ливень необходимо упомянуть в разделе, посвященном прощанию космонавта с аборигенами".

Корабль с ревом взмыл в небо, оставив позади планету вардов. Когда космолет вырвался из гравитационного поля этой Солнечной системы, Гилдер взял курс на тот сектор, где можно было поймать волну радиомаяка, и включил автопилот. Какое-то время он неподвижно сидел, вперив взгляд в усыпанную блестками звезд непроглядную тьму. Потом сделал запись в бортовом журнале.

"Куб К-49, сектор 10, Солнце класса Д7, третья планета. Название - Вард. Аборигены именуют себя вардами; уровень интеллекта по космической шкале - ВВ; осваивают космос, имеют колонии на сорока двух планетах. Примечание: до некоторой степени укрощены".

Он взглянул на свою маленькую полку с книгами, прикрепленную к стальной переборке. Не хватало двух томов. Варды украли книги, в которых было много всевозможных иллюстраций и диаграмм. Остальные они не тронули - у них ведь не было Розеттского Камня, который помог бы им расшифровать текст. Они и не прикоснулись к стоявшей на самом виду книге, озаглавленной: "Дьявология - наука об одурачивании существ, наделенных разумом".

Вздохнув, Гилдер вынул из ящика лист бумаги и в сотый, двухсотый, а может, и в трехсотый раз попытался вывести некую формулу с числом "Алеф", в которой оно было бы больше А, но меньше С. Он так взъерошил себе пальцами волосы, что вскоре они уже торчали вихрами во все стороны, а сам он, того не ведая, не очень-то походил на человека с уравновешенной психикой.

Эрик Френк РАССЕЛ

АЛАМАГУСА

Уже давно на борту космического корабля "Бастлер" не было такой тишины. Корабль стоял в космопорту Сириуса с холодными дюзами, корпус его был испещрен многочисленными шрамами - ни дать ни взять измученный бегун после марафонского бега. Впрочем, для такого вида у "Бастлера" были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь, в космопорту, гигантский корабль обрел заслуженный, хотя и временный покой. Тишина, наконец тишина. Нет больше ни тревог, ни беспокойств, ни огорчений, ни мучительных затруднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Только тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и с наслаждением расслабившись. Атомные двигатели были выключены, и впервые за многие месяцы смолк адский грохот машин. Почти вся команда "Бастлера" - около четырехсот человек, получивших увольнение, - кутила напропалую в соседнем большом городе, залитом лучами яркого солнца. Вечером, как только первый помощник Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам отправится в благоухающие сумерки, чтобы приобщиться к сверкающей неонов цивилизации.

Как приятно наконец ступить на твердую землю! Команда получает возможность развлечься, так сказать, выпустить лишний пар, что каждый делает по-своему. Позади заботы, волнения, обязанности и тревоги. Комфорт и безопасность - награда усталым космическим скитальцам! Старший радиоофицер Бурман вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и по лицу его было видно, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных способов времяпрепровождения.

- Только что пришла радиограмма, сэр, - сказал он, протянув листок бумаги, и остановился в ожидании ответа.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командиру положение, прочитал вслух:

- ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ ТЧК
ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК
КОНТР-АДМИРАЛ ВЭЙН У ТЧК
КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО ТЧК
ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР

Лицо капитана стало суровым. Он оторвал глаза от бумаги и громко застонал.

- Что-нибудь случилось? - спросил Бурман, чуя неладное.

Макнаут указал на три книжечки, лежавшие стопкой на столе.

- Средняя. Страница двадцатая.

Бурман перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: "Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность - главный инспектор кораблей и складов".

Бурман с трудом сглотнул слюну.

- Значит...

- Да, - недовольно подтвердил Макнаут. - Снова как в военном училище.

Красить и драить, чистить и полировать. - Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: - Капитан, у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по списку числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось? Почему у одного из членов экипажа отсутствует официально зарегистрированная пара казенных подтяжек?

Вы сообщили об их исчезновении?

- Почему он взялся именно за нас? - спросил Бурман с выражением ужаса на лице. - Ведь никогда раньше он не обращал на нас внимания!

- Именно поэтому, - ответил Макнаут, глядя на стену с видом мученика.

- Пришла наша очередь получить взбучку. - Отсутствующий взгляд капитана остановился наконец на календаре. - У нас еще три дня - за это время многое можно исправить. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Опечаленный Бурман ушел. Вскоре в дверях появился Пайк. Несчастное выражение его лица подтверждало старую истину, что плохие новости летят на крыльях.

- Выпиши требование на сто галлонов пластикраски, темно-серой, высшего качества. И второе - на тридцать галлонов белой эмали для внутренних помещений. Немедленно отправь их на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирачный материал, который у них плохо лежит.

- Команде это не понравится, - заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

- Ничего, стерпится - слюбится, - заверил его Макнаут. - Сверкающий, отдраенный до блеска корабль благотворно влияет на моральное состояние экипажа - именно так записано в Уставе космической службы. А теперь пошевеливайся и быстро отошли требования на краску. Потом принеси мне списки инвентарного имущества. Мы должны произвести инвентаризацию до прибытия Кэсиди. Когда он приедет, уже не удастся покрыть недостачу или сбагрить предметы, которые окажутся в избытке.

- Есть, сэр, - Пайк повернулся и вышел из каюты, волоча ноги, с таким же траурным выражением лица, как и у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недосток табельного имущества - дело достаточно серьезное, если только исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток - и того хуже. Если первое свидетельствует о небрежности или халатности при хранении, то второе может значить только преднамеренное хищение казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Взять, например, случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера "Свифт", - слухом космос полнится. Макнаут узнал об этом, когда "Бастлер" пролетал мимо Бутса. При инвентаризации табельного имущества у Уильямса на борту крейсера "Свифт" нашли одиннадцать катушек проводов для электрифицированных заграждений, тогда как по спискам полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и только тогда выяснилось, что этот лишний моток проволоки, которая, между прочим, пользовалась исключительным спросом на некоторых планетах, не был украден из складов космической службы и доставлен (на космическом жаргоне - телепортирован) на корабль. Тем не менее Уильямс получил нагоняй, что мало помогает продвижению по службе.

Макнаут все еще размышлял, ворча себе под нос, когда вернулся Пайк с толстой папкой в руках.

- Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

- Ничего другого нам не остается, - вздохнул капитан, посылая последнее "прости" своему отдыху в городе и ярким праздничным огням. - Потребуется уйма времени, чтобы обшарить корабль от носа до кормы, поэтому осмотр личного имущества экипажа проведем напоследок.

Выйдя из каюты, капитан направился к носу "Бастлера"; за ним с видом мученика тащился Пайк.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Этот огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы, был полноправным членом экипажа и гордо носил ошейник с надписью "Пизлейк-имущество косм. кор.

"Бастлер". Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не подпускать к трапу корабля местных грызунов и в редких случаях - обнаруживать опасность, незамеченную человеком.

Все трое шествовали по коридору - Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, которые жертвуют собой во имя долга, а тяжело дышащий Пизлейк был преисполнен готовности начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

- Ты знаешь всю эту кухню лучше меня - мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты - проверять наличие. - Капитан открыл папку и начал с первого листа:

- К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

- Есть, - сказал Пайк.

- К-2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип Джи-Джи, один.

- Есть.

- К-3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсини, одна пара.

- Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел ему в лицо понимающими глазами и негромко завыл. Он начал соображать, чем занимаются эти двое. Нудная перекидка была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову Пизлейка и стал играть песыми ушами, протяжно выкликая предмет за предметом.

- К-187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота.

- Есть.

К тому времени, когда первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохоткой рубки внутренней радиосвязи и копались там в полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, давно покинул их.

- М-24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип Т-2, комплект из шести штук, один.

- Есть.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

- Что здесь происходит?

- Скоро нам предстоит генеральная инспекция, - ответил Макнаут, поглядывая на часы. - Пойди-ка проверь, привезли краску или нет и если нет, то почему. А потом приходи сюда и помоги мне с проверкой - Пайку надо заниматься другими делами.

- Значит, увольнение в город отменяется?

- Конечно, до тех пор пока не уберется этот начальник веников и заведующий кухнями. - Капитан повернулся к Пайку. - Когда будешь в городе, постарайся разыскать и отправить на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. И чтобы без всяких там алиби или задержек. Это приказ!

Лицо Пайка приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся и доложил:

- Окрасочные материалы придут через двадцать минут. - С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

- М-47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки.

- Есть, - сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и возобновилась с восходом солнца. К этому времени уже три четверти команды трудилось в поте лица как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за преступления - задуманные, но еще не совершенные.

По узким коридорам и переходам пришлось передвигаться по-крабьи, на четвереньках - лишнее доказательство того, что представители высших форм земной жизни испытывают панический страх перед свежей краской. Капитан во всеуслышание объявил, что первый, кто посадит пятно на свежую краску,

поплатится за это десятью годами жизни.

На исходе второго дня зловещие предчувствия капитана начали сбываться. Они уже заканчивали девятую страницу очередного инвентарного списка кухонного имущества, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, пройдя две трети пути, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

- В-1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один.

- Здесь, - ответил Бланшар, постучав по кувшину пальцем.

- В-1098. Капес, один.

- Что? - спросил Бланшар, изумленно выпучив глаза,

- В-1098. Капес, один, - повторил Макнаут. - Ну, что смотришь, будто тебя громом ударило? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кому же еще знать, что находится в камбузе? Ну, где этот капес?

- Первый раз о нем слышу, - решительно заявил повар.

- Быть того не может. Он внесен вот в этот список табельного имущества камбуза, напечатано четко и ясно: капес, один. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля четыре года назад. Мы сами проверили наличие капеса и расписались.

- Ни за какой капес я не расписывался, - Бланшар упрямо покачал головой. - В моем камбузе нет такой штуки.

- Посмотри сам! - с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

- У меня здесь есть электрическая печь, одна. Кипятильники, покрытые кожухами, с мерным устройством, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот капеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое. - Он выразительно развел руками. - Нет у меня капеса!

- Но ведь должен же он где-то быть, - втолковывал ему Макнаут. - Если Кэссиди обнаружит, что капес пропал, поднимется черт знает какой тарарам!

- А вы его сами поищите, - язвительно посоветовал Бланшар.

- Послушай, Жан, у тебя диплом Кулинарной школы Международной ассоциации отелей, у тебя свидетельство Колледжа поваров Кордон Бле; наконец, ты награжден почетным дипломом с тремя похвальными отзывами Центра питания космического флота, - напомнил ему Макнаут. - И как же ты не знаешь, где у тебя капес!

- Черт возьми! - завопил Бланшар, всплеснув руками. - Сотый раз повторяю, что у меня нет никакого капеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, так как в моем камбузе никакого капеса нет. Что я, волшебник, что ли?

- Этот капес - часть кухонного имущества, - стоял на своем Макнаут. - И он должен быть где-то, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка камбуза. А это означает, что ему надлежит находиться здесь и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

- Черта с два! Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? - огрызнулся Бланшар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут немного подумал и ответил примирительно:

- Нет, это имущество Бурмана. Его хозяйство расплозлось по всему кораблю.

- Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый капес! - заявил Бланшар с нескрываемым триумфом.

- Я так и сделаю. Если капес не твой, он должен принадлежать Бурману. Давай только сначала разделаемся с кухней. Если Кэссиди не заметит в хранении системы и тщательности, он разжалует меня в рядовые. - Капитан опять уткнулся в список. - В-1099. Ошейник собачий с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, один. Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке. - Макнаут поставил аккуратную птичку около ошейника и продолжал: - В-1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна.

- Вот она, - сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

- В-1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна.

- Половина подушки, - поправил его Бланшар. - За четыре года Пизлейк изжевал вторую половину.

- Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке.

- Макнаут встал и закрыл палку. - Итак, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом насчет исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

- При осмотре камбуза выявилась недостача одного капеса, - объяснил Макнаут. - Как ты думаешь, где он может быть?

- Откуда мне знать? Камбуз - царство Бланшара.

- Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз, Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится капес?

- В первый раз о нем слышу, - озадаченно проговорил Бурман.

- Перестань болтать глупости! - заорал Макнаут, теряя всяческое терпение. - Хватит с меня бредней Бланшара! Четыре года назад у нас был капес, это точно. Загляни в инвентарные списки! Это - корабельная копия списка, все имущество проверено, и под этим стоит моя подпись. Значит, расписались и за капес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

- Очень жаль, сэр, - выразил свое сочувствие Бурман, - но я ничем не могу вам помочь.

- Подумай еще, - посоветовал Макнаут. - В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

- Напрас, - ответил Бурман, не понимая, куда клонит хитрый капитан.

- А как ты называешь вот эту штуку? - продолжал Макнаут, указывая на пульсовый передатчик.

- Пуль-пуль.

- Ребячьи словечки, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался капес четыре года назад!

- Насколько мне известно, - ответил Бурман, подумав, - у нас никогда не было ничего похожего на капес.

- Тогда, - спросил Макнаут, - почему мы за него расписались?

- Я не расписывался. Это вы везде расписывались.

- Да, в то время как все вы проверяли наличие. Четыре года назад, очевидно в камбузе, я произнес: "Капес, один", и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: "Есть". Я поверил вам на слово. Ведь мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу, знаком со всеми навигационными приборами, а других не знаю. Значит, мне пришлось положиться на слова кого-то, кто знал или должен был знать, что такое капес.

Внезапно Бурмана осенила превосходная мысль.

- Послушайте, когда производилось переоборудование корабля, множество самых разнообразных приборов и устройств было рассовано по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько оборудования мы рассортировали, чтобы установить его в надлежащих местах? Этот самый капес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или Бланшара.

- Я поговорю с другими офицерами, - согласился Макнаут. - Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а капес должен быть найден. Или, если он отслужил положенный срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман соорудил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и стал опять копаться в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с хмурым лицом.

- Несомненно, на борту корабля нет такого прибора, - заявил он с заметным раздражением. - Никто о нем не слышал, мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

- А вы вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении, - предложил Бурман.

- Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что обо всех случаях утраты или повреждения казенного имущества докладывают на базу тотчас после происшествия. Если я скажу Кэссиди, что капес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему о случившемся не информировали базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона. Нет, я не могу так просто избавиться от этого капеса.

- Что же тогда делать? - простодушно спросил Бурман, шагнув прямо в ловушку, поставленную изобретательным капитаном.

- Нам остается только одно! - объявил Макнаут. - Ты должен изготовить капес!

- Кто, я? - испуганно спросил Бурман.

- Ты - и никто другой! Тем более что я почти уверен, что капес - это твое имущество.

- Почему вы так думаете?

- Потому что это типично детское словечко из числа тех, о которых ты мне уже говорил. Готов поспорить на месячный оклад, что капес - это какая-нибудь высоконучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Скажем, прибор слепой посадки.

- Прибор слепой посадки называется щупак, - проинформировал капитана радиоофицер.

- Вот видишь! - воскликнул Макнаут, как будто слова Бурмана подтвердили его теорию. - Так что принимайся за работу и состряпай хороший капес. Он должен быть готов завтра к шести часам вечера и доставлен ко мне в каюту для осмотра. И позаботься о том, чтобы капес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы он выглядел убедительно в момент работы.

Бурман встал, уронил руки и сказал хриплым голосом:

- Как я могу изготовить капес, когда даже не знаю, как он выглядит?

- Кэссиди тоже не знает этого, - напомнил ему Макнаут с радостной улыбкой. - Он интересуется скорее количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяет их наличие, соглашается с экспертами относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть капес.

- Святой Моисей! - проникновенно воскликнул Бурман.

- Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей, - упрекнул его Макнаут. - Лучше воспользуемся серыми клетками, которыми нас наделил господь бог. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к завтрашнему дню первоклассный капес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, тусклым взглядом вперился в стену и тяжело вздохнул.

Контр-адмирал Вэйн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиограммой время. Это был краснолицый человек с брюшком и глазами снулой рыбы. Он не ходил, а выступал.

- Здравствуйте, капитан, я уверен, что у вас все в полном порядке.

- Как всегда, - заверил его Макнаут, не моргнув глазом. - Это мой долг. - В его голосе звучала непоколебимая уверенность.

- Отлично! - с одобрением отозвался Кэссиди. - Мне нравятся офицеры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, некоторые не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно взошел по трапу и прошествовал через главный люк внутрь корабля. Его рыбы глаза сейчас же обратили внимание на свежеекрашенную поверхность.

- С чего вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

- Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме, сэр. Поэтому

лучше начать с носа, это упростит дело.

- Отлично. - И адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на ошейник. - Хорошо ухоженная собака, капитан. Она приносит пользу на корабле?

- Пизлейк спас жизнь пяти членам экипажа на Мардии: он лаем дал сигнал тревоги, сэр.

- Я надеюсь, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

- Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего осмотра.

- Мы проверим его в надлежащее время.

Войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку.

- К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

- Вот он, сэр, - сказал Макнаут, указывая на компас.

- Удовлетворены его работой?

- Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался наконец до камбуза. У плиты в отутюженном ослепительно белом халате стоял Бланшар и смотрел на адмирала с нескрываемым подозрением.

- В-147. Электрическая печь, одна.

- Вот она, - сказал повар, презрительно ткнув пальцем в плиту.

- Довольны ее работой? - спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьими глазами.

- Слишком мала, - объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз. - Все слишком маленькое. Мало места. Негде повернуться. Этот камбуз похож скорее на чердак в собачьей конуре.

- Это - военный корабль, а не пассажирский лайнер, - огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он заглянул в инвентарный список. - В-148. Автоматические часы и электрическая печь в единой установке, один комплект.

- Вот они, - фыркнул Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди берется оплатить их стоимость.

Адмирал продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне постепенно нарастало. Наконец Кэссиди произнес роковую фразу:

- В-1098. Капес, один.

- Черт побери! - в сердцах крикнул Бланшар. - Я уже говорил тысячу раз и снова повторяю, что...

- Капес находится в радиорубке, сэр, - поспешно вставил Макнаут.

- Вот как? - Кэссиди еще раз взглянул в список. - Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

- Во время последнего ремонта капес помещался в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые можно установить там, где для них находится местечко.

- Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему это не сделано?

- Я хотел получить ваше указание, сэр.

Рыбьи глазки немного оживились, в них промелькнуло одобрение.

- Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу капес в другой список. - Адмирал собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. - Продолжим, капитан. В-1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзо... Ну ладно, я сам только что видел его. Он был на собаке.

Адмирал поставил галочку возле ошейника. Через час он прошествовал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на то, что поза у него была решительной, руки и ноги его мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом. В них читалась немая мольба. Бурман был как на угольях.

- В-1098. Капес, один, - произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь с угловатостью плохо отрегулированного робота, Бурман дотронулся до небольшого ящичка с многочисленными шкалами, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку, созданную радиолюбителем. Радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и заиграли разнообразными комбинациями огней.

- Вот он, сэр, - с трудом произнес Бурман.

- Ага! - прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы рассмотреть его получше. - Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всего не упомнишь. Он функционирует нормально?

- Так точно, сэр!

- Это один из наиболее нужных приборов на корабле, - прибавил Макнаут для пущей убедительности.

- Каково же его назначение? - спросил адмирал, давая возможность радиоофицеру метнуть перед ним бисер мудрости.

Бурман побледнел.

Макнаут поспешил к нему на помощь.

- Видите ли, адмирал, подробное объяснение потребует слишком много времени, так как прибор исключительно сложен, но вкратце - капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент.

- Это очень тонкий прибор, основанный на константе Финагле, - добавил Бурман, внезапно исполнившись отчаянной смелости.

- Понимаю, - кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил галочку около капеса и продолжил инвентаризацию. - Ц-44. Коммутатор, автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один.

- Вот он, сэр.

Адмирал взглянул на коммутатор и опять углубился в список. Офицеры воспользовались этим мгновением, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа одержана.

Все в порядке.

Контр-адмирал отбыл с к.к."Бастлер" довольный, наговорив в адрес капитана кучу комплиментов. Не прошло и часа, как вся команда уже снова была в городе, наверстывая потерянное время. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней мир и покой царили на корабле.

На шестой день Бурман принес радиogramму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера было довольным, как у человека, чью добродетель вознаградили по заслугам.

ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ ТЧК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ ТЧК

ФЕЛДМАН УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР

- Назад на Землю, - прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. - Капремонт - это по крайней мере месяц отпуска. - Он посмотрел на радиоофицера. - Передай дежурному офицеру мое приказание: немедленно вернуть весь личный состав на борт. Когда узнают причину вызова, они побегут сломя голову.

- Так точно, сэр, - ухмыльнулся Бурман.

Спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, команда еще продолжала улыбаться. Предстояло одиннадцать недель полета, но на этот раз стоило подождать. Летим домой! Ура!

Улыбки исчезли, когда однажды вечером Бурман принес неприятное

известие. Он вошел в рубку и остановился посреди комнаты, кусая нижнюю губу в ожидании, когда капитан кончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут отложил журнал в сторону, поднял глаза и, увидев Бурмана, нахмурился.

- Что случилось? Живот болит?

- Никак нет, сэр. Я просто думал.

- А что, это так болезненно?

- Я думал, - продолжал Бурман похоронным голосом. - Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его. - Он бросил трагический взгляд на капитана. - Я сказал - экспертов.

- Конечно, экспертов, - согласился Макнаут. - Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретинов.

- Потребуется нечто большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать наш капес, - напомнил Бурман. - Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

- Боже мой! Я совсем забыл об этой штуке. Да, когда мы вернемся на Землю, вряд ли нам удастся потрясти этих парней своими научными достижениями.

- Нет, сэр, не удастся, - подтвердил Бурман. Он не прибавил слова "больше", но все его лицо красноречиво говорило: "Ты сам впутал меня в эту грязную историю. Теперь сам и выручай".

Он подождал несколько секунд, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил:

- Так что вы предлагаете, сэр?

Внезапно лицо капитана расплылось в улыбке, и он ответил:

- Разбери этот дьявольский прибор и брось его в дезинтегратор.

- Это не решит проблемы, сэр. Все равно у нас не будет хватать одного капеса.

- Ничего подобного. Я собираюсь сообщить на Землю о его выходе из строя в трудных условиях космического полета. - Он выразительно подмигнул Бурману. - Ведь теперь мы в свободном полете, верно? - С этими словами он потянулся к блокноту радиogramм и начал писать, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана:

К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ТЧК ПРИБОР В-1098
КАПЕС ОДИН РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ
ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНЫХ СОЛНЦ ГЕКТОР МЕЙДЖОР МАЙНОР ТЧК
МАТЕРИАЛ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА ТЧК
ПРОСИМ СПИСАТЬ ТЧК
МАКНАУТ КОМАНДИР БАСТЛЕРА

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание на Землю. Два дня прошли в полном спокойствии. На третий день он снова вошел к капитану с озабоченным и встревоженным видом.

- Циркулярная радиogramма, сэр, - объявил он, протягивая листок.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ

ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА ТЧК

ВЕСЬМА СРОЧНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК

ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЗЕМЛИТЬСЯ БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ ТЧК

НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК

УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗЕМЛИ

- Что-то случилось, - заметил Макнаут, впрочем, ничуть не обеспокоенный. Он поплелся в штурманскую рубку, Бурман за ним. Там он сверился с картами и набрал номер внутреннего телефона. Связавшись с Пайком, капитан сказал:

- Слушай, Пайк, принят сигнал тревоги. Всем кораблям немедленно вернуться в ближайшие космопорты. Нам придется сесть в Закстедпорте, примерно в трех летних днях отсюда. Немедленно измени курс, семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. - Он бросил трубку и проворчал. - Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая дыра. Пропал наш

месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, не могу винить их в этом.

- Как вы думаете, сэр, что случилось? - спросил Бурман. Он выглядел каким-то беспокойным и раздраженным.

- Одному богу известно. Последний раз циркулярная радиogramма была послана семь лет назад, когда "Старейдер" взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться в портах, пока не будет выяснена причина катастрофы. - Макнаут потер подбородок, подумал немного и продолжал: - А за год до этого была послана циркулярная радиogramма, когда вся команда к.к."Блоуган" сошла с ума. В общем, что бы то ни было, это серьезно.

- Это не может быть началом космической войны?

- С кем? - Макнаут презрительно махнул рукой. - Ни у кого нет флота, равного нашему. Нет, это что-то техническое. Рано или поздно нам сообщат причину. Еще до того, как мы сядем в Закстеде.

Действительно, скоро им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

- Ну, а теперь что случилось? - спросил Макнаут, сердито глядя на взволнованного радиоофицера.

- Это капес, - едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

- Ну и что?

- Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано "каз. пес".

Капитан продолжал смотреть на Бурмана непонимающим взглядом.

- Каз. пес? - переспросил он.

- Смотрите сами! - С этими словами Бурман бросил радиogramму на стол и стремительно выскочил из радиорубки, забыв закрыть дверь. Макнаут недовольно хмыкнул и уставился на радиogramму:

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК

ОТНОСИТЕЛЬНО ВАШЕГО РАПОРТА ГИБЕЛИ В-1098 КАЗЕННОГО ПСА ПИЗЛЕЙКА ТЧК

НЕМЕДЛЕННО РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ТЧК

ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ СИМПТОМЫ ПОЯВИВШИЕСЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА МОМЕНТ НЕСЧАСТЬЯ ТЧК

ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ ВАЖНО УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Эрик Френк РАССЕЛ

И ПОСЛЫШАЛСЯ ГОЛОС

пер. Светлана Васильева

~~ - italic

Они взобрались из маленькой обшарпанной космошлюпки кто как сумел: одни выползли, другие вышли, а некоторые даже выпрыгнули. Их было девять. Космошлюпка была рассчитана на двадцать мест, но покинуло ее только девять пассажиров, и еще остались внутри.

Стеной, уходящей в небо, со всех сторон их окружали непроходимые джунгли чужой и, скорей всего, враждебной человеку планеты. В вышине пылало пронзительно-голубое солнце; в его свете лица людей казались мертвенно-бледными, и оно вынуждало их смотреть на мир сквозь щелки между

почти сомкнутыми веками.

Плотный воздух был насыщен запахами растений с легкой примесью какого-то смрада. Погрузившись в зловещее раздумье, джунгли безмолвно ждали, ждали, ждали...

Как само собой разумеющееся, обязанности командира взял на себя старший помощник капитана космолета Эликс Саймс. Никто не стал оспаривать его право на руководство отрядом. Высокий, седой, немногословный, он был старшим по рангу. Впрочем, едва ли ранг чего то стоил при таких критических обстоятельствах, а если б и стоил, то быстро бы обесценился.

Повернувшись лицом к остальным, он сказал:

- Насколько я могу судить, мы с вами находимся на Вальмии, шестой планете системы ЗМ17. - Прищурившись, он быстро взглянул на пламенеющее в небе светило. - Однако не думайте, что нам повезло. В космосе есть множество планет получше этой.

- Мы живы, - подал голос Макс Кесслер, командир третьей вахты. - А это уже кое-что.

- Главное сейчас - выжить, - возразил Саймс. - А это уже нечто иное.

- Он внимательно оглядел каждого, изучая, оценивая. - На Вальмии есть спасательная станция под защитным куполом. На сороковой параллели. Доберемся до нее - уцелеем. Это наша единственная надежда. - Он подождал, пока его слова дойдут до остальных, и добавил: - Полагаю, что идти нам до нее тысяча семьсот две тысячи миль.

- Если, скажем, делать сорок миль в день, - рискнул высказаться Кесслер, - то получается пятьдесят дней. Справимся.

- Зорек милев! - эхом отозвалась миссис Михалич, и ее широкое, пухлое лицо покраснело от волнения. Она ощупью нашла руку мужа и вцепилась в нее. - Григор, в наз не ездъ зила деладь зорек милев.

Коренастый и пухлолицый, как она, Григор ласково похлопал ее по руке.

- Лучше взего шдадь и змодредь, как будед.

Разглядывая эту пару, Билл Молит пришел к выводу, что судьба могла бы да и должна была распорядиться поумнее. По его убеждению, в выборе тех, кому удалось спастись после катастрофы, случай сыграл неизмеримо большую роль, чем справедливость. Слишком уж много погибло настоящих людей, когда метеорит вмазал в "Стар Куин", расколов корабль, как орех. Адский грохот, раздирающий уши свист улетучившегося воздуха - и их вмиг не стало: Эйнсворта, Олкока, Бэнкаса, Балмера, Блэндела, Касартелли, Кейза, Корригэна; замечательные люди отправились к праотцам.

А взгляните-ка на этот сброд, который уцелел. Из всех спасшихся чего-то стоили только трое. Или четверо, если считать Фини, ирландского терьера покойного капитана Риджуэя. Он, Билл Молит, помощник инженера первой вахты, двести фунтов мускулов, покрытых густой вязью татуировки, оказался в числе тех, кто выжил. И еще Саймс и Кесслер, оба отличные парни, настоящие люди, белые, грамотные, отменные специалисты.

Что касается остальных, то в космосе сейчас плыли раздувшиеся безжизненные тела людей, в тысячу раз более достойных, чем эта шушера. Взять, к примеру, Михаличей. Приземистые, близорукие, бестолковые. Всего-навсего простые земледельцы. Старые, уродливые, с какого бока ни глянь - полные ничтожества. Даже не умеют по-английски правильно говорить.

Еще в первый день полета он повстречался в коридоре с миссис Михалич, и она, испуганная раздавшимся вдруг жужжанием и глухим постукиванием, обеспокоено спросила:

- Эда шдо дакой?

- Эда, - ответил ей Молит с презрением, которое она по своей тупости не заметила, - водяные назозы, который кашаед вода.

- Ах, вод шдо, - с каким-то идиотским облегчением сказала она. - Ошен благодарю.

- Не здоид благодарнозд, - фыркнул он.

Парочка избранных, выхваченных из пучины смерти, ни за что ни про что получивших право на жизнь, в котором было отказано другим. Уж как-нибудь Вселенная обошлась бы без них. А теперь они станут немалым бременем в

предстоящем долгом путешествии - о них ведь придется заботиться, нести за них ответственность, тогда как любые два члена погибшего экипажа космолета стали бы теперь подспорьем.

А вот еще один, кому посчастливилось остаться в живых: рабочий машинного отделения Гэннибэл Пейтон, долговязый негр с удивительно мягким голосом. Единственный черномазый на борту космолета. Он-то спасся, а более достойные люди навсегда вычеркнуты из жизни. И в этом Молиту тоже виделась какая-то необъяснимая несправедливость.

Такое же чувство вызывала желтолицая обезьяна по прозвищу Малыш Ку. Худое, как дистрофик, существо с поразительно тощими конечностями - до катастрофы он выполнял разного рода черную работу в офицерской столовой. Неизменно вежливый субъект, большезубый, с раскосыми глазами-щелочками, молчаливый как пень, открывавший рот только тогда, когда к нему обращались. Невозмутимый и скрытный. Никто не знал его настоящего имени. Возможно, его звали Квок Синг или как-нибудь похоже. Но для всех он всегда был Малышом Ку.

И последний - пассажир с Земли Сэмми Файнстоун, моложавый, смуглый, черноволосый, крикливо одетый, по слухам преуспевающий торговец редкими драгоценными камнями. В представлении Билла Молита - один из тех, кто не марает себе руки честным трудом. Когда произошла эта катастрофа, уж Сэмми, надо думать, первым оказался в спасательной шлюпке и занял самое безопасное место, жадно стиснув в своих загребущих лапах мешок с бриллиантами.

Тем временем Саймс продолжал говорить:

- О Вальмии у меня очень смутное представление, и едва ли мне удастся вспомнить что-нибудь существенное. А сведения о ней почерпнуть нам неоткуда. - В его взгляде, устремленном на них, не было ни тени надежды. - Может, волею случая, среди вас найдется человек, знающий об этой планете больше, чем я?

Все угрюмо молчали, один Молит пробурчал:

- Только слышал, что такая существует.

- Ну что ж. - Саймс нахмурился. - Мне лично помнится, что здесь, как я говорил вам, есть спасательная станция, да еще то, что эта планета никогда не предназначалась для заселения людьми. Отсюда следует, что условия на ней признаны непригодными для жизни человека.

- Вы не помните, почему? - спросил Кесслер.

- К сожалению, нет. Полагаю, причины тут обычные: опасные для человека формы жизни, несъедобные или даже ядовитые плоды, ягоды, корни, состав атмосферы, которая быстро или постепенно убивает человека, солнечное излучение, воздействующее на него таким же образом.

- А вы не знаете, на Вальмии действует один из перечисленных вами факторов или все скопом?

- Нет, не знаю, - помрачнев, ответил Саймс. - Впрочем, если не ошибаюсь, над спасательной станцией возведен воздухонепроницаемый купол, а это уже говорит само за себя. Ведь на трудности и расходы, связанные с сооружением защитного купола, идут лишь в том случае, если без этого человек жить не может.

- Вы пытаетесь дать нам понять, - произнес Кесслер, поймав взгляд Саймса, - что времени в нашем распоряжении немного, так?

- Да.

- И неизвестно, сколько нам осталось жить - недели, дни или часы?

- Да, - Саймс наморщил лоб, отыскивая в дальних закоулках памяти необходимую сейчас информацию; он раньше и не предполагал, что она ему когда-нибудь понадобится. - Здесь вроде бы что-то неладно с атмосферой, но так ли это - не уверен.

- На запах и на вкус - воздух как воздух, - сделав глубокий вдох, заметил Билл Молит. - Вот только густоват, душно здесь, но это же чепуха, не повод для беспокойства.

- Так не определяют состав воздуха, - сказал Саймс. - То, чем мы дышим, может убить через полгода, а то и раньше.

- Стало быть, чем скорей мы выберемся отсюда, тем лучше, - сказал Сэмми Файнстоун.

- Это относится ко всем! - взвился Молит, метнув в сторону Сэмми взгляд, полный глубокой неприязни.

- Он сказал "мы", а не "я", - уточнила миссис Михалич.

- Ну и шдо? - Молит и ее одарил таким же взглядом.

- Замолчите! - раздраженно потребовал Саймс. - Вот окажемся в безопасном месте, тогда ссорьтесь. А до тех пор у нас есть к чему приложить свою энергию - и с большей пользой. - Он указал на космошлюпку. - Прежде всего мы должны вынести оттуда двух покойников и похоронить их честь по чести.

Все умолкли. Макс Кесслер и Гэннибэл Пейтон вошли в шлюпку, вынесли тела погибших и положили на ковер фиолетового мха. Когда за пять секунд до того, как шлюпка оторвалась от обломка корпуса корабля и ушла в космос, Кесслер втащил их в тамбур, им уже ничем нельзя было помочь. Теперь они лежали на мху чужой планеты, и с неба на них злобно паялилось огромное голубое солнце, придавая их коже жуткий зеленоватый оттенок.

В числе немногих имевшихся на космошлюпке аварийных инструментов была лопата. Сменяя друг друга, они вырыли две могилы в темно-красной почве, которая пахла старым проржавевшим железом. Потом опустили тела в эти ямы, ставшие местом их последнего упокоения; Малыш Ку с непроницаемым лицом наблюдал за происходящим, а миссис Михалич громко сморкалась.

Держа в руке фуражку с глянцевым козырьком, Саймс поднял взгляд к пламенеющему небу и произнес:

- Флеерти был католик. Когда он скончался, рядом с ним не было священника. Господь, ведь ты не осудишь его за это, правда? Тут нет его вины.

Он умолк, смущенный своей ролью и громкими неудержимыми всхлипываниями миссис Михалич. Однако взгляд его по-прежнему был обращен к небу.

- Что касается Мадоча, то он был неверующий и не скрывал этого. Но человек он был хороший, такой же, как Флеерти. Они оба были честные, порядочные люди. Господь, прости им те незначительные прегрешения, которые могут умалять их достоинства, и даруй им отдохновение в последней гавани добрых моряков.

Мистер Михалич пытался успокоить жену, похлопывая ее по плечу и приговаривая:

- Ну, мамушка, ну, полно тебе.

Помолчав немного, Саймс произнес:

- Аминь! - и надел фуражку.

- Аминь! - тихо повторили остальные.

- Аминь! - пролепетал Малыш Ку с видом человека, который изо всех сил старается вести себя уместно и пристойно.

Фини обнюхал могилы, по очереди подошел к каждому из безмолвно стоявших вокруг них людей и тоскливо завыл.

Снаряжение космошлюпки было непоправимо скудным. Впрочем, винить в этом было некого. В момент катастрофы суденышко как раз проходило еженедельную ревизию. Когда корпус "Стар Куин" раскололся от удара, большая часть инвентаря, входившего в обязательное снаряжение космошлюпки, лежала в коридоре корабля. Даже контейнеры с топливом не успели дозаправить. Ни масок. Ни баллонов с кислородом. Ни портативного лучевого оружия. Один карманный компас, да и тот с разбитой шкалой. Радиопередатчик, не работавший из-за какой-то загадочной неисправности, которую в два счета ликвидировал бы Томсон, не плыви его труп вместе с остальными в космосе. Три автоматических пистолета, коробка с зарядами, солидный аварийный запас продовольствия, несколько металлических инструментов - среди них полдюжины тяжелых, острых, как бритва, мачете. И ничего больше.

Саймс надел пояс с пристегнутым к нему пистолетом и сказал:

- Себе я беру это оружие и компас. Мы пойдем цепочкой я впереди, а

вы, по одному, следом за мной. - Его взгляд остановился на Кесслере. - Если в пути нас подстерегает какая-нибудь опасность, первый удар я возьму на себя. И не исключено, что при этом погибну. Тогда, Макс, руководство нашим отрядом перейдет к тебе. - Он бросил ему автомат. - Держи. А пока пойдешь последним и будешь охранять нас с тыла.

Саймс внимательно оглядел остальных, прикидывая, кому отдать третий пистолет. Молит с его на редкость могучим телосложением нуждался в нем меньше всех - и мачете могло стать в его руках грозным оружием. На ту же мысль наводило черное тело. Пейтона с великолепно развитой мускулатурой. Что до Михаличей, то если они и умеют стрелять из пистолета, едва ли в острой ситуации возьмут точный прицел. А Фини, даже если б захотел, не мог пустить в ход оружие.

Оставались Сэмми Файнстоун и Малыш Ку. Последний был ростом поменьше и, как член экипажа, наверняка обучен обращению с огнестрельным оружием. Малыш Ку при случае смекнет, куда нацелить дуло перед тем, как спустить курок. Третий автомат Саймс отдал Малышу Ку.

- Остальным - взять эти палаши, - приказал он, кивнув в сторону мачете. - Поделите между собой провиант с таким расчетом, чтобы на долю каждого пришлось столько, сколько по силам нести. Наполните фляги водой из резервуара космошлюпки. И в путь.

Они сделали все, что им было велено, каждый вскинул на спину свою ношу, с тревогой поглядывая на поджидавшие их джунгли и в душе протестуя против необходимости покинуть убежище, которым стала для них космошлюпка. Всю эту ужасную неделю небольшой металлический цилиндр был для них домом, созданной человеком крепостью, которая защищала их от космоса, столь внезапно обрушившего на них свой гнев. Им казалось черной неблагодарностью покинуть ее, обречь на медленную гибель.

Поняв их чувства, поскольку сам он в какой-то степени разделял их, Саймс сказал:

- Если мы доберемся до спасательной станции, они пошлют сюда вертолет с запасом горючего и приведут суденышко в порядок. Оно слишком дорого стоит, чтобы бросить его здесь на съедение ржавчине.

Это их немного успокоило. Они тронулись с места, и держа путь на север, зашагали по неизвестно кем или чем проложенной тропинке шириной в ярд. Саймс с автоматом в руке возглавлял шествие. За ним следовали Гэннибэл Пейтон и Фини. Потом один за другим шли Малыш Ку, чета Михаличей, Сэмми Файнстоун, Билл Молит и Макс Кесслер.

Со всех сторон их теперь окружали джунгли - безудержный разгул красок с преобладанием темно-зеленого цвета, местами почти черного. Растительность защищала их от свирепого голубого солнца, однако кое-где оно проникало сквозь редкие просветы между ветвями, разрезая гущу листвы сверкающими столбами света, как лучами прожекторов.

Они прошли мимо, спотыкаясь о корни деревьев и путаясь в стеблях ползучих растений, сворачивая вместе с тропинкой то вправо, то влево, рассекая мачете перекинутые через нее плети лиан, похожие на толстые веревки. Иногда куски их, извиваясь, уползали прочь, как обрубки червей.

Цепочка людей вдруг остановилась, и Саймс, обернувшись назад, крикнул:

- Берегитесь этой цветущей орхидеи - она чуть было не укусила меня!

Они побрели дальше. Тропинка резко сворачивала влево, и на самом ее изгибе стояло гигантское растение, все в малиновых растрехах огромных цветов. Молит видел, с каким ужасом, стараясь держаться от него подальше, обходит куст миссис Михалич. Глаза ее были широко раскрыты, очки в металлической оправе сползли на нос. Муж подбадривал ее, хоть и волновался не меньше.

- Уше взе, мамушка. Не нушна зебя безбокойды. Ты уше броходишь.

- Я безбокойзя за тебя, Григор. Иди бездро!

Григор, как и она, бочком обошел куст, ни на секунду не спуская с него глаз и двигаясь на возможно большем от него расстоянии, но с таким расчетом, чтобы не подставить себя под удар сзади.

Сэмми Файнстоун осторожно приблизился к повороту, замедлил шаг и, рванувшись, одним отчаянным скачком обогнул куст.

Презрительно фыркнув, Молит поднял руку с готовым к удару мачете и пружинистой походкой направился к кусту. Теперь он видел, что несколько малиновых раструбов, напрягая стебли, с жадностью тянутся к тропинке. Один цветок, срубленный ножом Пейтона в тот миг, когда он попытался напасть на Саймса; лежал на земле.

Молит поравнялся с кустом, остановился почти в пределах досягаемости и тем самым побудил растение к действию. К нему тотчас же рванулся один из цветов-раструбов. Глазам Молита на мгновение открылась обширная малиновая утроба, усеянная несметным количеством тонких игл, а в следующую секунду сверкнуло его мачете и снесло цветок со стебля. Падая, он как-то жутко всхлипнул.

Кесслер, который шел следом за Молитом, сухо сказал:

- На твоём месте я бы не стал этого делать.
- Но почему? Я же не разбазариваю патроны.
- Зато ты разбазариваешь свои силы и энергию нервных клеток.
- Скажи это Сэмми. Видел, как он шпарил мимо куста? Точно струсивший заяц, ей-богу! - Молит захохотал и разрубил на части кусок стебля, который извивался на тропинке, то свертываясь в кольца, то распрямляясь. - У Сэмми одна забота - благополучие сыночка миссис Файнстоун, да еще его мешок с бриллиантами.

Ускорив шаг, Молит увидел впереди того, о ком они только что говорили. Сэмми поджидал их у следующего поворота тропинки, в его темных глазах была тревога.

- Мне вдруг показалось, будто что-то случилось.
- И ты развил бешеную деятельность, - ехидно заметил Молит.
- Я как раз собирался вернуться и посмотреть, в чем дело, но тут услышал ваши голоса.
- У тебя часок не горели уши? - осклабясь, спросил Молит.
- Нет. - На лице Сэмми отразилось недоумение. - А должны были?
- Вообще-то могли. Мы тут животики надорвали, вспоминая, как ты шустро проколесил мимо этого...

Где-то впереди, довольно далеко от них, прозвучал сердитый голос Саймса:

- Вы что там?
- Идем! - крикнул Кесслер.
И они молча пошли дальше.

Смерть посетила их ночью, когда голубое солнце уступило место трем карликовым лунам, за одной из которых тянулся обрывок тумана, точно крадущийся во мраке бледный призрак, закутанный в тончайшую полупрозрачную ткань. Звезды казались болезненно искаженными на небе, которое не желало чернеть и упрямо хранило слабые следы опустившегося за горизонт пылающего шара.

Девять путников разожгли костер на небольшой поляне. Семеро уселись вокруг него, а двое остались стоять, бдительно следя в полумраке за тем, что происходит вокруг. Фини безуспешно пытался заснуть, клал голову на лапы, часто моргая, смотрел на пламя костра, задремывал, но не проходило и минуты, как он вскакивал, настороженно наострив уши. Беспокойство собаки передавалось людям, у которых и без того было тревожно на душе.

Настроение у всех было подавленное. По приблизительному подсчету за день они прошли миль восемь-десять. А с учетом многочисленных поворотов тропинки, которая редко шла по прямой свыше ста ярдов, они продвинулись к северу не более чем на пять-шесть миль. При такой скорости им понадобится около года, чтобы добраться до сороковой параллели.

К тому же у них не было уверенности, что с помощью карманного компаса и полагаясь на память одного единственного человека, они окажутся тогда вблизи спасательной станции. В противном случае им еще долго придется мерить шагами саму параллель, при том условии, естественно, что, выйдя на нее, они будут знать, где находятся.

Вот если б в космошлюпке было чуть больше горючего, ну, скажем, чтобы его хватило на один орбитальный облет планеты. Или если б радиопередатчик продолжал работать после посадки и посылал в эфир сигнал бедствия до тех пор, пока по этому сигналу их местоположение не запеленгует спасательная станция. Если б только вместе с ними спасся Томсон или один из младших радистов, который сумел бы починить передатчик, что дало бы им возможность остаться возле космошлюпки, пока за ними не прилетят со станции...

Из этих "если бы" складывался длинный наводящий тоску перечень. В романах иногда пишут о людях, которые знают все. На самом же деле таких людей не больно-то много, а то и совсем нет. Первокласный инженер мало что знает об астронавигации или не знает ровным счетом ничего; опытный офицер космфлота слабо разбирается в радиотехнике либо вообще в ней не смыслит. Каждый должен выжать все возможное из того, чем располагает. На большее человек не способен.

А чем, спрашивается, располагает Гэннибэл Пейтон, кроме большого толстогубого рта для пожирания драгоценных продуктов? Чем располагают эти Михаличи, кроме усталых натруженных ног, из-за которых все они вынуждены идти медленнее? Какая польза от Сэмми и Малыша Ку? Да ведь у них нет ни крупицы знаний, которые помогли бы найти выход из положения, ничего, кроме желания, чтобы их заботливо привели за ручку в безопасное место, если такое вообще возможно.

Билл Молит, лежа на бону, прокручивал в мозгу эти невеселые мысли и ждал, когда наконец заснет, а сон все не приходил. В свете костра видна была полуголая танцовщица, вытатуированная на его волосатой руке. Поиграв мускулами, он заставил ее разок-другой соблазнительно вильнуть бедрами. Пальцы его вытянутой руки почти касались лежащего рядом острого блестящего мачете.

Справа от него иногда вспыхивали два маленьких красных шарика - это то открывал, то закрывал глаза Финн. А по ту сторону костра Молит видел развалившихся на земле в нелепых позах Михаличей: веки сомкнуты, рты разинуты. Если б не потрескивание и шипение огня, он наверняка услышал бы, как они храпят. "Точно свиньи, - подумал он, которые вперевалку топают по двору в надежде набрести на корыто с отбросами".

Из полумрака вынырнул Кесслер, неслышно ступая, подошел к костру и подбросил в него хворост и две гнилые ветки. Сырое дерево зашипело, затрещало, и во все стороны полетели искры. А Кесслер вернулся на свой сторожевой пост в тени деревьев. Время все ползло да ползло, и две луны теперь стояли низко над горизонтом, а третья лениво тянула полупрозрачный шлейф через зенит.

Из чащи доносился непонятный шорох и шелест. Слабый, но едкий запах, просачивающийся из джунглей на поляну, усилился, когда едва слышные звуки приблизились. Этот запах чем-то напоминал тяжелый дух, который исходит от коз, распалившихся на летнем солнце. Похрустывание и шуршание слышались совсем близко, те же звуки, удаляясь, доносились со значительного расстояния, и это наводило на мысль, что производит их нечто невероятно длинное.

Ненадолго все стихло, только потрескивали, выплевывая искры, горящие ветки, да иногда, словно чуя недоброе, скулил Фини.

Из полумрака украдкой нацелились на поляну органы незрительного восприятия, обследовали ее, костер, спящих и тех, кто бодрствовал на сторожевой вахте. Существо, затаившееся в тени, приняло решение.

Стремительный бросок вперед, треск поппавшейся на пути ветки и примятого к земле кустарника, отчаянный вопль Кесслера и резкий щелчок выстрела. Начиная от края поляны на протяжении трехсот ярдов в глубь чащи закачались деревья и poleg измолоченный подлесок.

Только обнаружив, что он, ошеломленный, уже стоит и держит в руке мечете, Молит понял, что ему в конце концов удалось заснуть. Он вспомнил, как, вздрогнув, внезапно проснулся от того, что кто-то криком подал сигнал тревоги и выстрелил. А мгновение спустя над ним пролетело гибкое черное тело со стиснутым в кулаке ножом. Это бросился в бой Пейтон.

Молит прыгнул вслед за ним туда, где в джунглях шла борьба, даже не посмотрев, что делают другие. Пистолет продолжал стрелять, озаряя тьму неяркими бледно-желтыми вспышками света. Вдруг в ночи раздался какой-то хриплый кашель, треск ломаемых веток и шелест осыпающихся листьев.

И тут, словно в кошмарном сне, Молит заметил стоящего рядом Саймса, который держал факел из пылающего хвороста. В зыбком свете они увидели свернувшееся кольцами чудовище толщиной фута в четыре, которое быстро скользило назад, в темноту. Омерзительно извиваясь, эта живая спираль тащила за собой массивную безглазую голову, отдаленно напоминавшую усеянную бородавками тыкву. Из небольших отверстий и резаных ран на голове сочилась молочно-белая жидкость.

В нескольких шагах от них, нагнувшись над неподвижным телом Пейтона и изрыгая проклятия, стоял Кесслер. Он подхватил тело под мышки, Молит взял его за ноги, они отнесли Пейтона на поляну и положили около костра, Саймс опустился рядом с ним на колени и принялся его осматривать.

- Эта тварь потихоньку подкралась и схватила меня, - размахивая автоматом, рассказывал Кесслер, еще не оправившийся от потрясения. - Когда она потащила меня в джунгли, я закричал и выстрелил в упор в ее отвратительную голову. Гэнни перепрыгнул через костер и спящих и, как безумный, набросился на чудовище. Он попытался отсечь ему голову. Тогда оно отпустило меня, обвилось вокруг Гэнни, проволокло его ярдов двадцать и бросило. Я выстрелил еще два раза, прямо в его морду, но, видно, это мало что дало... - Он вытер лоб, но на нем тут же выступили свежие бусинки пота. - Если б не Гэнни, я сейчас был бы уже у него в брюхе и в миле отсюда.

Миссис Михалич начала перевязывать глубокую рваную рану на правой руке Пейтона. Где она раздобыла бинт, осталось загадкой. Во всяком случае не в походной аптечке. Вероятно, она оторвала полоску ткани от своего нижнего белья. Миссис Михалич раскачивалась взад-вперед и что-то тихонько напевала распростертому перед ней черному телу, без чьей-либо просьбы делая то, что посчитала нужным.

Саймс осторожно тронул ее за плечо и сказал:

- Очень сожалею, но вы тратите время впустую. Он мертв. Насколько могу судить, у него перелом шейных позвонков.

Она медленно поднялась на ноги, посмотрела на него, потом перевела взгляд на тело Пейтона. В ее глазах за толстыми стеклами очков сперва отразилось недоверие, потом из них вдруг хлынули слезы. Она попыталась совладать с собой, но не смогла. Тогда она сняла очки и стала молча вытирать глаза. Саймс взял ее за руку и отвел от мертвого. Наблюдавший за ними Молит повернулся к Кесслеру.

- Удачно же ты вывернулся, а?

- Удача тут ни при чем, - буркнул Кесслер.

Он достал лопату и принялся рыть яму под высоким деревом. Они обыскали Гэннибэла Пейтона, чтобы узнать имя и место жительства ближайших родственников, потом похоронили его. Кесслер сделал грубый деревянный крест и установил на могиле. Саймс, стоя навтыжку, с фуражкой в руке, попросил небо принять душу одного из своих сыновей.

- Аминь! - гаркнул Молит.

- Аминь! - эхом повторил за ним Малыш Ку.

И все остальные.

Миссис Михалич снова заплакала.

На следующий день их тропинка начала отклоняться к западу. Они вынуждены были свернуть на другую, которая вела севернее. Немного погода тропинка стала пошире, и они зашагали быстрее. Подавленные трагедией минувшей ночи, все держались ближе друг к другу и шли в том же порядке, что и накануне, только Фини бежал сегодня впереди, рядом с Саймсом.

Тропа медленно, но упрямо поднималась в гору. Джунгли вокруг были такие же непроходимые и грозные, но уменьшилось количество раскидистых деревьев. Просветы в листве стали шире и попадались все чаще, и на освещенных участках тропы жгучие лучи голубого солнца обдавали людей

нестерпимым жаром. От пота у них слиплись волосы, взмокли спины. Становилось душно; казалось, будто с подъемом воздух уплотняется, а не разрежается, как того следовало бы ожидать.

Незадолго до полудня миссис Михалич отказалась идти дальше.

Она опустила на ствол упавшего дерева, лицо ее выражало тупую покорность судьбе, стекла очков запотели.

- Мои ноги.

- Болеть двои ноги, мамушка? - обеспокоено спросил Григор.

- Мои ноги конец. - Она сбросила туфли и глубоко вздохнула. - Ходить больше не можно.

Тут подошел замыкавший шествие Кесслер и вернулся назад Саймс. Все столпились вокруг миссис Михалич.

- Что случилось? - спросил Саймс.

- Говорит, что у нее разболелись ноги, - ответил Молит.

- Тогда немного отдохнем, - твердо сказал Саймс, не показывая виду, насколько его огорчает эта вынужденная задержка. - Быть может, мы даже выгадаем, если будем почаще останавливаться.

- Много лучше без меня, - твердо произнесла миссис Михалич. - Вы пойдем дальше. Я оздавайся.

- Что? Бросить вас здесь одну?

- Не одну, - заявил Григор и решительно уселся рядом с женой. - Я оздавайся тоже.

- Чтобы обречь себя на верную смерть, - с сарказмом заметил Саймс.

- Умирать везд, - резко возразил Григор, точно это раз и навсегда решало вопрос.

Ее толстые пальцы с нежностью погладили его руку.

- Не нушна оздавадзя для меня, Григор. Ды иди дальше.

- Я оздавайся, - упрямо повторил Григор.

- Мы останемся все, - заявил Саймс тоном, не терпящим возражения. Он глянул на часы. - Посмотрим, в какой мы будем форме через час. А пока можно и перекусить. - Его взгляд скользнул по спутникам и остановился на Молите. Немного повременив, он раздраженно спросил: - А ты-то из-за чего маешься? Брось-ка, приятель, эти штучки! Нечего стоять с таким видом, будто вот-вот с головой да в омут!

- Я... Я...

- Послушай, Билл, - промолвил Саймс. - Если хочешь сказать что-нибудь дельное - выкладывай. А жалобы можешь оставить при себе.

Молит, вконец смутившись, выпалил:

- Давно, еще в спортивной школе, меня считали хорошим массажистом.

- Ну и что?

Стараясь не встретиться взглядом с миссис Михалич, он быстро проговорил:

- Я умею снимать усталость ног.

- Правда? - лицо Саймса засветилось надеждой. - Клянусь всевышним, это же для нас спасение. Как по твоему, ты сумел бы помочь миссис Михалич?

- Если она разрешит мне попробовать.

- Конечно, разрешит. - Саймс взглянул на нее. - Ведь вы согласны?

- Мамушка, ды ведь зоглазная? - умоляюще спросил Григор, подтолкнув ее локтем.

- Я доздавлядь много друднозди, - запротестовала она.

- Этих трудностей, будь они прокляты, станет куда больше, если сидеть сложа руки, вместо того чтобы двигаться к цели, - сказал Саймс и повернулся к Молиту: - Билл, постарайся помочь ей.

- Перво-наперво мне нужна чуть теплая вода, - сказал Молит. - Пожалуй, мы...

Тут его перебил Сэмми Файнстоун.

- Воды предостаточно в том ручье, что остался позади, ярдах в трехстах отсюда. - Он порылся в куче беспорядочно сваленных мешков с поклажей и нашел брезентовое ведро. - Пойду принесу.

- Ну нет, один вы не пойдете! - с неожиданной жесткостью остановил

его Саймс. - Ведро воды не стоит человеческой жизни. - Он быстро повернулся к Кесслеру. - Пойдешь с ним, Макс. На всякий случай.

Они ушли и вскоре вернулись с двумя баллонами воды, уже согретой дневным пеклом. Миссис Михалич робко опустила в ведро свои распухшие ноги и минут двадцать они отмокали. Потом она кое-как вытерла их, и Молит зажал одну ее ногу между коленями, точно ногу лошади, которую собираются подковать.

Молит взялся за дело с профессиональной ловкостью: он сгибал и разгибал ногу, разминал суставы, массировал пальцами связки и мышцы. Прошло немало времени, пока довольный достигнутым результатом, он принялся за другую ногу и проделал с ней то же самое.

- У кого походная аптечка?

- У меня.

Сэмми передал ему сумку.

Молит расстегнул молнию водонепроницаемого чехла, быстро перебрал какие-то пакетики, свертки, банки и запечатанные пузырьки, нашел эфир и плеснул немного жидкости на обе ноги.

- Ах! - У миссис Михалич перехватило дыхание. - Она холодный, как лед.

- Быстро испаряется, - объяснил Молит.

Он открыл банку с вазелином, обильно смазал им изнутри ее туфли на толстой подошве, хорошенько отбил деревянной палкой пропитавшуюся жиром кожу, еще раз смазал туфли изнутри вазелином и стал сгибать и разгибать то одну, то другую подошву, пока ему не удалось при сгибании легко свести носы туфель с каблуками. Тогда он отдал их миссис Михалич.

- Примерьте. Только туго не зашнуровывайте. Пусть они сидят посвободнее.

Она обулась, как он велел, встала и немного прошлась. Ее глаза засияли от восторженного удивления, и впервые Молит заметил, что они у нее ясные и голубые, как у куклы.

- Зами-ша-дильна! - сообщила она. Она сделала еще несколько шагов, радуясь, как ребенок, словно каким-то чудом ей достались новые ноги. - Мой большой зпазиба!

- Мой доше, - с огромным облегчением проговорил Григор.

- Да будет вам, - оказал Молит. - Не за что.

Дня два назад он бы рявкнул: "Нишиво ездз за шило зпазиба".

А сейчас у него почему-то язык не повернулся сказать что-нибудь эдакое. Широкое крестьянское лицо Григора выражало такую трогательную благодарность. А в мозгу Молита снова и снова, сменяя друг друга, звучали услышанные им недавно фразы:

"Удача тут ни при чем".

"Ведро воды не стоит человеческой жизни".

"Много лучше без меня".

"Я оздавайзя".

И они действительно собирались остаться одни в этих страшных джунглях, чтобы бок о бок ждать неминуемой гибели.

Да, век живи, век учись...

День четвертый, пятый, шестой, седьмой. Длина всего пройденного пути неизвестна. Продвинулись к северу миль на пятьдесят. Они брели так неделю, но им казалось, что прошел уже месяц, а то и больше. В их представлении покинутая ими космошлюпка находилась все равно что на другой планете.

А на рассвете восьмого дня Саймс заставил их пуститься в путь пораньше, пребывая в милосердном неведении, что пробил его час.

Он опять свернул на боковую тропинку: если верить компасу, идти по ней было для них удобнее, чем по той, по которой они шли накануне. Они двигались довольно быстро, чтобы успеть пройти возможно большее расстояние до того времени, когда солнце достигнет зенита и вновь примется жечь их беспощадными лучами.

Во время дневного привала Малыш Ку вдруг оставил еду, вылез из-под

дерева, в тени которого они сидели, и попытался взглянуть на невыносимо сверкающее небо.

Зашевелился и Фини: сел, наострил уши и жалобно заскулил.

- Что-нибудь неладно? - спросил Саймс, хватаясь за свой пистолет.

- Мало мало слышно звук, высоко-высоко, - Малыш Ку вернулся в тень, сел и с бесстрастным лицом снова принялся есть. Вроде моя его слышать вчера или позавчера. Моя не уверена.

- А какой он, этот звук?

- Уйоум-уйоум-уйоум! - продемонстрировал Малыш Ку.

- Что? А ну-ка еще раз.

- Уйоум-уйоум! - послушно повторил тот.

- А я ничего такого не слышал, - сказал Саймс.

- Я тоже, - поддержал его Кесслер. - Впрочем, слух у него наверняка получше, чем у нас.

- Очень-очень хорошая слух, - заверил Малыш Ку.

Билл Молит вышел из тени дерева, посмотрел из-под руки на небо и, разочарованный, вернулся назад.

- Мне показалось, что он подражает звучу летящего вертолета.

- И мне.

Саймс пристально взгляделся в слепящее небо.

- Нам только галлюцинаций не хватало, - сказал Кесслер. - С чего бы здесь взяться вертолету? Спасательная станция не получила от нас сигналов с просьбой о помощи. У нас ведь не было возможности послать их.

- А не мог ли Томсон послать сигнал бедствия со "Стар Куин" до того, как его передатчик разлетелся вдребезги?

- Нет. Метеорит отправил его на тот свет мгновенно.

- Едва ли это был вертолет, - решительно сказал Саймс и вернулся к прерванной еде.

- Я тоже так думаю.

- Моя слышать звук, - упорствовал Малыш Ку. - Уйоум-уйоум.

Больше они об этом не говорили. Звук не повторился, а если и повторился, они его не слышали. Билл Молит провел с миссис Михалич очередной сеанс лечения, который стал теперь ежедневным ритуалом. У Сэмми всегда наготове была вода, вазелин, эфир. Григор благодарил Молита взглядом. Миссис Михалич всякий раз неизменно произносила:

- Зами-ша-мил-на! Мой большой збазоба!

К вечеру цепочка людей неожиданно остановилась, да в таком месте, где особенно густо переплелись ветви и стебли окаймлявшей тропинку растительности. Фини надрылся от лая. Саймс с собакой уже скрылись за крутым изгибом тропинки, а Малыш Ку задержался у самого поворота.

- В чем дело, Эликс? - крикнул Кесслер, который шел позади всех.

В голосе Саймса, когда он ответил ему, звучали сомнение и настороженность.

- Да вот Финн разошелся. Так передо мной и выплывает. - И тоном повыше: - Уймись ты, кобель безмозглый, чего доброго порвешь мне штанину!

- Ты там поосторожнее, Эликс. Этот пес не дурак.

- Знаю. Только понять не могу, почему он так бесится.

- Нет ли чего подозрительного впереди?

- Ровным счетом ничего. Мне отсюда виден весь путь до следующего поворота. Тропа свободна.

- Нам нельзя возвращаться - крикнул Кесслер. - Мы должны идти только вперед. Не трогайся с места. Мы подтянемся к тебе и, что бы там нас не ожидало, встретим это вместе.

- Ничего не получится, - донесся голос Саймса. - Мы все на тропе не поместимся. Придется мне действовать одному.

- Может, опасность миновала? - с надеждой предположил Кесслер. - Ведь Фини вроде бы успокоился.

Его слова тут же опроверг яростный захлебывающийся лай.

Саймс упавшим голосом произнес:

- Слышали? Это я попытался шагнуть вперед.

- Мне не нравится, - заявила миссис Михалич, проявив неожиданное чутье. - Лучше бы...

Она умолкла, потому что снова заговорил Саймс, на этот раз обращаясь к Малышу Ку, единственному, кто его сейчас видел.

- Подстраховывай меня. Понравится это Фини или нет, а я все-таки двинусь вперед.

В тот же миг Фини залился таким бешеным лаем, как никогда прежде, но чуть погодя лай этот перешел в жуткий вой убитого горем пса. Одновременно раздался странный треск, шум точно от обвала и короткий приглушенный вскрик Саймса. Потом наступила тишина, нарушаемая только жалобным повизгиванием собаки.

Малыш Ку оглянулся назад и сказал:

- Упала в яму.

Сунув Сэмми свой пистолет, Кесслер прохрипел:

- Стой здесь и охраняй нас с тыла.

Он, а следом за ним Молит обогнали остальных и выскочили за поворот. Впереди, в четырех-пяти ярдах от них во всю ширину тропинки, пересекая ее, зияла черная яма. По эту сторону ямы вдоль ее края метался Фини, издавая горлом какие-то непривычные звуки: стоны попеременно с рычанием. Веки его покраснели, шерсть на загривке вздыбилась.

Бросив на землю мечете, Молит лег на живот и осторожно пополз к неровному краю обвала.

- Держи меня за ноги, слышишь?

Он потихоньку, дюйм за дюймом, продвигался вперед, попутно сильным шлепком отбросил в сторону Фини, наконец подполз к яме, и под его тяжестью земля на ее краю осела и начала осыпаться. Глянув вниз, он увидел лишь беспросветный мрак.

- Эликс!

Никакого ответа.

- Эликс!!!

Молчание.

Еще громче:

- Эликс, ты жив?!

Снова ничего, только с большой глубины доносилось слабое непонятное постукивание. Молит ощупью нашел рядом с собой камень, бросил его в яму и начал медленно считать. Ему показалось, что время тянется бесконечно долго, пока он наконец не услышал, как камень упал на дно. Постукивание и шуршание снизу сразу же стали громче. Эти звуки навели его на мысль о чем-то огромном, одетом в хитиновый панцирь. О гигантском крабе.

- А может, упав, Эликс потерял сознание, - нарушил молчание

Кесслер, который, вцепившись в ботинки Молита, находился в двух ярдах от ямы.

- Боюсь, дело тут похуже.

- Он мертв?

- Надеюсь.

- Ты что, спятил? Как это понимать: ты надеешься, что он мертв?

- Яма очень глубокая, - ответил Молит. - Это ловушка. А на дне какое-то чудовище поджидает добычу.

- Ты в этом уверен? - Кесслер дышал с трудом.

- Я слышу, как оно там шевелится.

- Моя тоже слышит, - подтвердил Малыш Ку с невозмутимым выражением на плоском смуглом лице. - Она делает "стук-стук".

Кесслер оттащил Молита назад. Тот встал и стряхнул с себя землю.

- Чтобы спуститься в эту яму, нам понадобится большой моток веревки.

Кесслер лег животом на тропинку и сказал?

- А теперь ты меня держи. - Он пополз вперед, и когда его голова оказалась над ямой, во весь голос крикнул вниз

- Эликс! Эликс! Ты меня слышишь?

Из зловещей черноты не последовало никакого ответа - оттуда слышались только звуки, которые издает при движении существо, одетое в панцирь.

Кесслер ползком вернулся назад, встал на ноги и вытер с лица пот. У него был вид человека, которому наяву снится кошмарный сон.

- Мы не можем уйти, не попытавшись сделать хоть что-нибудь.

- Связать стебли и получайся длинный-длинный веревка, - предложил Малыш Кг. - Моя пойдет вниз.

- Тебе даже из бумажного кулька не выбраться, - зарычал на него

Молит. - Если уж кто спустится в эту яму, так только я.

- Много вес, - решительно возразил Малыш Ку, бесстрашно взирая на широкую волосатую грудь Молита. - Слишком много.

- Он прав, - сказал Кесслер. - Ты тяжелей его вдвое. Спуститься в эту преисподнюю должен самый из нас легкий.

- Значит моя, - заявил Малыш Ку, рассматривая такую возможность с вежливым безразличием.

Потрясенный Кесслер был на грани отчаяния.

- Если Эликс действительно погиб, команду теперь я, - продолжал он.

- А у меня нет полной уверенности, что Малышу Ку следует спускаться в эту яму.

- Почему? - спросил Молит.

- Это может привести к еще одному несчастному случаю. Кроме того, если на дне засела какая-то тварь, ясно, что для обороны ему недостаточно иметь при себе только мачете. Он должен будет прихватить и пистолет. Один мы уже потеряли. Он внизу, с Эликсом. А если мы потеряем и второй...

- Останется один-единственный, - подсказал Молит. - Тот, который ты пока отдал Сэмми.

Кесслер удрученно кивнул.

- С одним пистолетом и без компаса наши и без того ничтожные шансы добраться до станции практически сведутся к нулю.

- Есть компас, - сообщил Малыш Ку, показывая прибор, о котором шла речь. - Она падать возле яма. Моя поднимать.

Вид компаса несколько успокоил Кесслера, и он наконец принял решение.

- Риск - благородное дело. Спустим его в яму с горящим факелом, но лишь до той глубины, с которой удастся разглядеть, что делается на дне. А потом прикинем, можно ли тут что-нибудь предпринять.

Обливаясь потом, трое начали поспешно рубить и затем вытягивать из окружающей их чащи тонкие, но крепкие стебли лиан.

Опоясанный петлей из стебля лианы, с пистолетом в правой руке и тугим пучком длинных горящих прутьев в левой, Малыш Ку перешагнул через край ямы. Какие бы чувства он при этом ни испытывал, на его лице ничего нельзя было прочесть. И вообще, глядя на него, можно было поручиться, что это ежедневное его занятие.

Веревка из плетей лианы медленно поползла через край ямы вниз, потрескивая и начиная угрожающе расслаиваться в местах, где были узлы. Дрожащий свет факела растворился во мраке. Фини осторожно бродил вокруг ямы, а когда его чуткие уши улавливали шум, который производилодвигающееся внизу неведомое существо, он рычал и злобно скалил зубы.

Посоветовавшись, они приостановили спуск и крикнули вниз:

- Уже что-нибудь видно?

- Очень-очень темно, - приглушенным эхом прозвучал из ямы ровный, без всякого выражения голос Малыша Ку. - Должна спускаться еще.

Они осторожно обмотали еще кусок самодельной веревки, и с каждым ее ярдом, который, потрескивая и натягиваясь, скользил через край ямы, их все сильнее охватывало недоброе предчувствие.

- Быстро-быстро! - поторопил их голос из ямы. - Огонь почти погаснуть. Уже рядом пальцы.

Еще шесть-семь ярдов веревки скрылось в яме. Мучительно стегнув по нервам, из глубины ямы вдруг грянула очередь выстрелов, следовавших один за другим с невероятной быстротой. Всего их было шестнадцать - столько, сколько зарядов в магазине. Молит и Кесслер изо всех сил рванули на себя веревку, Михаличи схватились за ее конец и принялись тянуть вместе с ними. От усилий, которые они прилагали, чтобы как можно быстрее вытащить Малыша

Ку на поверхность, с лица Кесслера ручьями стекал пот, могучие мускулы Молита вздулись буграми. Натянутые до предела куски лианы расслаивались от трения о край ямы. Волокнистые пряди с треском лопались, отделяясь от основного стебля. А люди все тянули эту импровизированную веревку и, затаив дыхание, молились, чтобы она выдержала, чтобы не оборвалась в последний момент.

Внезапно, как чертик из шкатулки, из ямы выскочил Малыш Ку. Он сбросил опоясывавшую его петлю, быстро вытащил из автомата пустой магазин и вставил на его место другой, с зарядами. Излишне говорить, что держался он с непостижимым спокойствием, ибо он держался так почти всегда.

- Что с Эликсом? - выдохнул Кесслер.

- Нет голова, - безо всяких эмоций ответил Малыш Ку. - Откусила животный, которая сидеть внизу.

Кесслер, которому стало дурно, спросил?

- А ты разглядел, что там на дне?

Малыш Ку кивнул.

- Большой животный. Вся красная. Толстый панцирь. Много много ног, как паук. Два глаза - вот такие! - разведя руками, он показал, что они были дюймов восемнадцать в диаметре. - Плохой глаза. Смотреть на меня как на еще одна кусок мяса. - Он с благодарностью взглянул на свой автомат. - Моя их вышибать.

- Ты убил его?

- Нет, только вышибать глаза. - Он указал на яму. - Сейчас она двигаться туда сюда. Вы слушать!

Они прислушались, и их уши уловили постукивание, глухие удары и какие-то царапающие звуки, словно нечто громоздкое и неуклюжее пытается выкарабкаться из ямы и каждый раз обратно падает на дно.

- Какой страшный конец! - воскликнул глубоко потрясенный Кесслер. - Какой страшный конец! - В бешенстве он ударом ноги зашвырнул в яму кусок гнилого высохшего дерева. И тут его осенило. - А мы ведь можем отомстить за Эликса; хоть это в нашей власти.

- Уже отомстила, - негромко произнес Малыш Ку. - Вышибать глаза.

- Этого мало. Слепое или зрячее, чудовище живо, сидит в яме и может сожрать Эликса. Мы должны его убить.

- Каким же образом?

- Накидаем в яму побольше сухой травы, потом бросим вязанку хвороста и факел. И поджарим его заживо.

- Есть способ получше. - Молит указал на большой валун, пораскрытый густой растительностью. - Если б нам удалось сдвинуть его и перевалить через край ямы, мы бы эту тварь расплющили.

С бешеной энергией они стали рубить преграждавшие им путь растения, зашли за камень и дружно навалились на него. Камень дрогнул, приподнялся и перевернулся вверх основанием. На обнажившейся земле извивались толстые ярко-желтые личинки. Еще одно усилие, и камень, покотившись, оказался в футе от ямы. Люди прислушались, желая убедиться, что намеченная жертва все еще там. Из глубины по-прежнему доносились скребущие звуки и возня. Камень перевалился через край ямы, увлекая с собой комья сухой земли. Казалось, он летел вниз невероятно долго, но в конце концов они услышали звук его падения, сопровождавшийся трояким хрустом и всплеском, точно камень раздавил нечто мягкое и водянистое, заключенное в твердую оболочку. Потом наступила тишина.

Кесслер торжественно потряхнул руки, как бы говоря: "Вот так!". Он взглянул на компас и скрылся за поворотом тропинки, чтобы позвать остальных.

Теперь их отряд возглавил Кесслер, рядом с которым бежал Фини. За ними следовал Малыш Ку, потом шли Михаличи и Сэмми Файнстоун. В арьергарде шествовал вооруженный мачете Билл Молит.

К вечеру десятого дня упала миссис Михалич. Упала, как подкошенная, не издав ни звука, ни подав никакого знака, только что она ковыляла своей тяжелой неуклюжей походкой, а в следующий миг лежала на тропинке, точно

выброшенный кем-то узел тряпья.

Отчаянный крик Григора "Мамушка!" остановил движущуюся цепочку людей.

Они окружили ее, подняли, отнесли на небольшую поляну и стали поспешно рыться в походной аптечке. Глаза ее были закрыты, а широкое лицо крестьянки приобрело багровый оттенок. По внешним признакам невозможно было определить, дышит она или нет.

Кесслер взял ее за запястье, но не смог нащупать пульс. Помрачнев, они обменялись беспомощными взглядами: врача среди них не было.

Кто-то положил ей на лоб мокрую тряпицу. Еще кто-то поднес к ее носу бутылочку с ароматическими солями. Третий похлопал ее по щекам и принялся растирать ее короткопалые, загрубевшие от черной работы руки. Отчаянными усилиями они пытались вернуть ее в этот полный трудностей суматошный мир, который она так внезапно покинула, но все их стирания были тщетны.

Наконец Кесслер снял фуражку и произнес, обращаясь к белому как мел, потерявшему дар речи Григору:

- Сочувствую вам! Глубоко сочувствую!

- Мамушка! - душераздирающим тоном вымолвил Григор. - О, моя бедная замученная... - Дальше он пробормотал что-то на непонятном для остальных и изобиловавшем гортанными звуками языке, упал на колени, обнял жену за плечи и изо всех сил прижал к себе. Рядом на земле лежали ее растоптанные очки, до которых теперь никому не было дела, а Григор все сжимал ее в объятиях, словно никогда не собирался выпустить ее из рук. Никогда.

- Моя маленькая Герда! О, моя...

Пока Григор, сломленный горем, навсегда простался с половиной своей жизни, своей души, с половиной самого своего существа, остальные отошли на несколько шагов и, держа наготове оружие, повернулись лицом к джунглям. Потом они бережно отвели Григора в сторону, а ее похоронили под тенистым деревом и поставили на могиле крест.

Часа через два, пройдя еще семь миль, они расположились на ночлег. За все это время Григор не проронил ни слова. Он шагал по тропе, как автомат, ничего не слыша, ничего не видя, безразличный к тому, куда он идет и дойдет ли когда-нибудь до цели.

При ярком свете костра Сэмми Файнстоун наклонился к нему и сказал:

- Не надо так убиваться. Ей бы это не понравилось.

Григор ничего не ответил. Он пристально глядел на пламя, но перед глазами его была тьма.

- Она ушла быстро, с незамутненной душой, самым легким путем, - утешал его Сэмми. - У нее ведь было больное сердце, верно? - Не получив ответа, он продолжал: - Идя следом за ней, я не раз замечал, как она вдруг начинала задыхаться и прижимала руку к левому боку. Я-то думал, что, может, ее беспокоит невралгия. А оказывается, это было сердце. Почему она нам об этом не сказала?

- Не хотела деладь друднозь, - безо всякого выражения произнес Григор.

Это он в первый раз заговорил после ее погребения.

И в последний.

Никогда больше он не вымолвил ни слова.

К четырем часам утра в лагере его уже не было. Когда две луны стояли еще высоко, а третья склонилась к горизонту, Кесслеру надоело неподвижно стоять на посту, и он, тихо ступая, обошел вокруг лагеря и увидел, что место, где до этого спал Григор, пустует. Кесслер не поднял тревогу сразу: для людей отдых и сон были настолько необходимы, что нельзя было будить их, предварительно все не обдумав. Поэтому он, осторожно перешагивая через спящих вповалку людей, вначале обыскал лагерь и прилегающую к нему местность.

Григора нигде не было.

Со всех сторон их грозно обступали джунгли. Какое-то фосфоресцирующее существо, широко раскинув крылья, бесшумным призраком пронеслось между верхушками деревьев. Кесслер поразмыслил над создавшимся положением. Как и когда удалось Григору скрыться, установить было невозможно. Он мог уйти и

час назад, и раньше. А теперь он, возможно, находился в нескольких милях от лагеря, если, конечно, еще был жив.

Зато угадать, ~куда~ он ушел, было несложно. Так что же делать? Если он, Кесслер, отправится в погоню один, ему следует разбудить кого-нибудь из спящих, чтобы тот сменил его на вахте.

И тогда их маленький отряд на время разделится, а это вдвое увеличит вероятность нападения какого-нибудь существа, а то и нескольких, которые, вполне возможно, все эти одиннадцать дней незаметно следят за людьми в ожидании такого благоприятного случая; это снизит их обороноспособность. При таких плачевных обстоятельствах их сила в единстве. Разобщенность может привести к катастрофе.

С большой неохотой Кесслер вынужден был принять единственное приемлемое решение: он разбудил всех.

- Григор ушел.

- Когда?

- Не знаю. Либо он бесшумно уполз с поляны, когда я стоял спиной к лагерю, либо его уже не было здесь, когда я заступил на вахту, а я этого не заметил. - Он угрюмо уставился на костер. - Мы не можем бросить его на произвол судьбы в этом страшном лабиринте.

- Я схожу и приведу его, - вызвался Сэмми, подняв с земли свое мачете.

- Для нас слишком большая роскошь по очереди в одиночку рисковать жизнью, - заявил Кесслер, отвергая его предложение. Вперед ли, назад ли, но пойдем мы все вместе.

Билл Молит поднялся на ноги, взвалил на спину свой тяжелый мешок, широко зевнул и схватил мачете.

- Тогда это вопрос решенный. Мы все пойдем обратно. Идти нам всего-навсего миль семь. А что такое семь миль? - Он снова зевнул и сам ответил на свой вопрос: - Ночью это все семьдесят. Ну и что? Пошли.

Каждый вскинул за плечи свою ношу, и они отправились в путь, держа наготове пистолеты и мечете. Пламя покинутого ими костра померкло вдали. Фини бежал впереди, то и дело к чему-то недоверчиво приносясь и утробно рыча.

Григор лежал на поляне, тело его было сведено судорогой, ноги подтянуты к подбородку, в левой руке зажат наполовину пустой пузырек из походной аптечки. Его откинута правая рука покоилась на свежем могильном холмике, словно оберегая его. Головой он уткнулся в землю у основания деревянного креста. Они достали лопату, и, выполняя желание Григора, опустили его во тьму рядом с "маленькой Гердой". Ведь именно за этим он шел сюда сквозь ночь чужой планеты.

Кесслер записал в своем дневнике: "День тринадцатый. К северу продвинулись миль на сто с небольшим. Последние два дня идем быстрее".

Около ста миль за тринадцать дней. Не густо. Неужели эти проклятые джунгли никогда не кончатся?

Кесслер разорвал пакет с пищевым концентратом, бросил его Фини, вскрыл еще один для себя и принялся медленно есть.

- Одно утешительно - если, конечно, это можно счесть утешением: после каждой еды наш груз становится чуть легче.

- А вокруг тьма-тьмушая всяких плодов и корений, - заметил Молит. - Я знаю правило номер один: не ешь того, о чем доподлинно не известно, что это съедобно. Кара за непослушание может оказаться такой ужасной, что захочешь не придумаешь. Однако рано или поздно нам придется рискнуть.

- Не кушать - умирать медленно, - изрек Малыш Ку. - Кушать что нельзя - умирать быстро.

- Да ты, приятель, еще мечтать будешь, как бы быстрее подохнуть, - не уступал Молит. - Вот на кое-каких планетах есть плоды с виду сочные, вкусные, а съешь, и тебя так скрутит, что пятки под мышками застрянут.

- Покойнику в такой позе нужна могила покороче, - включился в разговор Сэмми Файнстоун. - Работы почти вдвое меньше. Такую смерть можно

считать экономически выгодной.

Молит внимательно посмотрел на него.

- А я готов был об заклад побиться, что шутки от тебя сейчас не услышишь, хоть мрачной, хоть какой.

- Почему?

- Да мне думалось, что к этому времени ты или превратишься в комок нервов, или уже давно помрешь.

- А я и вправду один сплошной комок нервов, - сказал Сэмми. - Сил хватает только на то, чтобы за жизнь цепляться.

- Молодец! - похвалил его Молит. - Продолжай за нее цепляться - глядишь, и выкарабкаешься.

Кесслер раздраженно подергал свою успевшую отрасти густую бороду и сказал, обращаясь к Сэмми:

- Не думайте, что вам одному приходится постоянно тащить самого себя за волосы. Каждый из нас занимается тем же. - Он, не глядя, нашел рукой голову пса и потрепал его за уши. - Разве что за исключением Фини.

Услышав свое имя, Фини завилял обрубок хвоста.

- Ума не приложу, как ему удастся вовремя обнаруживать эти ямы-ловушки, ну, вроде той, в которую упал Саймс. Он уже четыре раза предупреждал нас об опасности. Если б не он, еще кто-нибудь мог провалиться в такой колодец и стать пищей для этого красного... уж не знаю, как его и назвать.

Кесслер молча почесал Фини за ушами, погладил его по лохматой спине. И погрузился в раздумье. К этому дню число людей в отряде уменьшилось вдвое. Оставшиеся в живых глубоко переживали смерть каждого, как поистине невосполнимую утрату. Чуть погодя он встал, сознавая, что бесполезно усугублять вчерашнее горе размышлениями о бедах грядущих. Чему быть, того не миновать, хотят они этого или нет.

- Нам пора.

И они тронулись дальше: Кесслер и Фини шли впереди, Молит замыкал шествие. Оба они - и тот, что шел первым, и тот, что последним, - размышляли об одном. Об одном, но по-разному, ибо мысли Молита все еще были заняты переоценкой ценностей. Как идущий последним он, насколько позволяли частые повороты тропинки, временами видел перед собой всех остальных сразу. Поэтому он особенно четко представлял, сколько людей идет сейчас впереди него. Эта живая цепочка была вдвое длиннее в тот день, когда они начали свое трагическое паломничество. Потому длиннее, что с ними тогда еще шли и другие. Например, Саймс. Человек деятельный, образованный, достойный уважения. Первокласный космонавт. Не из-за Саймса ли принимает он так близко к сердцу то, что их стало меньше?

Нет.

Ему не хватало и черномазого.

И двух тугодумов с Балкан.

А если судьба ударит их снова, ему наверняка будет не хватать и этого иудея.

И тощего китаезы.

И остроухого лохматого пса.

Его скрутит тоска по людям, по всем без исключения.

- Запомни это, Молит! - рявкнул он на себя. - Навсегда запомни!

Сэмми оглянулся через плечо.

- Ты что-то сказал?

- Это я отделяваю собственную задницу - в переносном смысле, конечно, - объяснил Молит.

- И ты тоже? - удивился Сэмми. - На моей уже не осталось живого места.

В мозгу Молита это признание заняло место рядом с другой недавно полученной информацией. Значит, не только у него находятся причины давать самому себе по заднице. И другие могут заблуждаться, а потом сожалеть о допущенных ошибках.

Просто диву даешься, как много у людей между собой общего.

Самое правильное - это при жизни проявлять терпимость, а смерть встретить с достоинством. Сейчас он учится первому. А как он справится со вторым, покажет будущее.

Тропа вывела их на голую вершину холма, и в первый раз с той минуты, когда они пустились в путь, перед их взорами открылись уходящие вдаль мили поверхности планеты. В какую сторону ни глянь, повсюду она выглядела одинаково - густой однородный растительный массив, только на востоке вздымалась горная цепь, чернея на фоне пылающего неба.

Обтирая тряпкой залитое потом лицо, Кесслер проворчал:

- Когда мы были внизу, в джунглях, я мечтал выбраться оттуда хоть к черту в зубы. А теперь мне бы назад вернуться. По крайней мере там хоть есть какая-то тень.

- Звук, - объявил Малыш Ку, протянув руку к северо-западу. - Вон там, высоко-высоко. "Уйоум, уйоум!"

- Ничего не слышу. - Прикрыв ладонью глаза, Кесслер посмотрел в указанном направлении. - И ничего не вижу. - Он взглянул на остальных. - А вы?

- Я тоже, - сказал Сэмми.

- Этак на секунду мне было показалось, что я вижу там, вверху, черную точку, - неуверенно произнес Молит. - Но ручаться не стану. Должно быть, померещилось.

- А сейчас ты ее больше не видишь?

- Нет. Эта точка словно бы откуда-то вынырнула, а потом как слиняла, исчезла из виду.

- Я не намерен из-за этого трепать себе нервы, - заявил Кесслер. Он снова обернул лицо. - Еще час под этим распроклятым солнцем, и у нас начнутся галлюцинации почище. - Он двинулся вперед. - Давайте-ка спустимся отсюда в тень.

Фини залаял на торчавшую неподалеку скалу, шерсть у него на загривке стала дыбом. Кесслер замедлил шаг и, крадучись, направился к скале, держа наготове пистолет. Фини стремительно обогнул ее и зарычал как лев. Какое-то существо, похожее на десятиногою ящерицу, волнообразно изгибая тело, умчалось длинными прыжками прочь и исчезло за гребнем холма. Разочарованно ворча, Фини припелся обратно.

- Оно же восемь футов длиной, из них половина - зубастая пасть. - Кесслер презрительно фыркнул. - И удирает от лая собаки.

- А может, оно органически не переносит резкие звуки, - предположил Сэмми. - И если б Фини так не разлаялся, оно б его вмиг проглотило.

- Меня просто из себя выводит зловещая тишина на этой чертовой планете, - сказал Кесслер. - На Земле в таких джунглях ад крошечный, оглохнуть можно. Стрекохот цикады, без умолку тарабят обезьяны, кричат попугаи - всего не перечесать. А здесь все живое не производит никакого шума. Огромные змееподобные существа ползают совершенно беззвучно. Гигантские красные пауки сидят в ямах-ловушках и не шелохнутся. Во время моих ночных дежурств я видел множество каких-то тварей, и иной раз только ощущал их присутствие, и все они крались по лесу с такой осторожностью, что ветка не треснет и листва не зашуршит. Это же противоестественно. Меня это угнетает.

- Давайте, запоем, - предложил Сэмми. - Это поднимет нам настроение и заодно распугает всякую здешнюю нечисть.

- А что будем петь? - спросил Кесслер.

Сэмми со всей серьезностью поразмыслил над его вопросом и предложил:

- "Вьется тропка, вьется длинная". Подойдет?

Горланя эту песню, они зашагали вперед. Один Малыш Ку молчал: он не знал слов. "Тропку" сменила "Уложи меня среди клевера", за которой последовали "Песня легионеров" и еще с полдюжины других. Пение помогло им быстрее спуститься с холма в джунгли и ускорило продвижение сквозь заросли. Молит хриплым, режущим слух басом исполнил соло старинную австралийскую песенку "Как погнал наш Клэнси коров на водопой".

Допев последний куплет, Молит взялся за Малыша Ку.

- А от тебя мы даже жалкого писка не услышали. Может, споешь нам что-нибудь свое, а?

Малыш Ку застеснялся.

- Да ты смелей, - нетерпеливо настаивал Молит. - Все равно хуже меня тебе не спеть.

Преодолевая смущение, Малыш Ку неохотно повиновался, и из его рта полились какие-то резкие немелодичные сочетания звуковых полутонов. Под эти жуткие вопли в воображении остальных возникла кошка, ополоумевшая от невыносимых резей в желудке. Эта кошачья агония продолжалась несколько минут и вдруг оборвалась - как им показалось - на середине такта.

- Что все это значит? - подступил к нему Молит, играя бровями.

- Лепестки цветов, точно снежинки, медленно падают с неба и нежно припадают к светлой руке моей любимой, - с удивившей остальных беглостью бойко объяснил Малыш Ку.

- Это надо же! - воскликнул Молит. - Очень милая песенка.

Подумать только - Малышу Ку есть о ком петь песни! Такое Молиту раньше и в голову бы не пришло. Он попытался представить себе эту женщину. Вероятно, лицо у нее оливкового света, миндалевидные глаза; она смешливая, пухленькая, вкусно готовит; мать семерых упитанных детей. Не исключено, что телом она вдвое крупнее Малыша Ку, управляет им и хозяйством твердой уверенной рукой и зовут ее, возможно, Тончайший Аромат, или как-нибудь еще в том же роде.

- Очень, очень мило! - повторил Молит к вящему удовольствию смущенного Малыша Ку.

- Может, споем теперь "Мы идем по Джорджии"? - предложил Сэмми, которому не терпелось еще подражать глотку.

- Я уже задыхаюсь. - Кесслер яростно рубанул мечете по живой изгороди из лиан высотой в половину человеческого роста, которая перекрыла перед ними тропу. - Идущему впереди достается вся работа.

- И он берет на себя весь риск, - добавил Сэмми. - А не идти ли нам во главе отряда по очереди?

- Неплохая идея. - Кесслер прошел через отверстие в изгороди, по краям которого извивались свежие обрубки лиан. - Я обдумаю ее. Напомните мне об этом месяца через два.

Напоминать не пришлось.

Он так долго не прожил.

Тремя днями позже им вдруг повстречались таинственные животные, которые проложили в джунглях тропы. Частенько они задумывались над тем, кто мог проделать в непроходимых зарослях эти коридоры. Уж, конечно, не огромные змееподобные твари вроде той, которую пытался обезглавить Гэннибэл Пейтон. С того времени они не раз мельком видели этих животных, но те никогда не выползали на тропу и ни одно на них не напало.

К появлению в джунглях этих троп не имели отношения и похожие на ящериц существа поменьше. Их было слишком мало, да и корпус у них для этого чересчур легок. Людям давно стало ясно, что извилистые коридоры в зарослях протоптаны животными более редкими и очень тяжелыми. Местами эти тропы уже зарастали: вступая в свои права, их постепенно отвоевывали назад джунгли. Однако длинные отрезки пути за исключенным уголком, где затаились алые цветы-хищники, были начисто вытоптаны, словно почву здесь утрамбовали чьи-то чудовищные конечности.

Кесслер уже собрался было свернуть по тропе в сторону, но тут до его слуха издалека донесся какой-то грохот. Другие тоже это услышали и, приблизившись, остановились за его спиной. Фини задергал ушами, всем своим видом выражая крайнее беспокойство.

Звук казался особенно странным в этом мире мертвой тишины. Он вмиг словно бы отменил извечный закон природы. Гул ударов! Тяжелых, сотрясающих землю, как топот пятидесятитысячного стада взбесившихся буйволов.

Фини возбужденно взвизгнул, быстро забегал кругами, и Кесслер сказал:

- Чувствую, что нам лучше с этой тропы убраться. - Он внимательно

оглядел ближайший к ним участок джунглей. Звук становился все громче. - Вон туда!

Указав место, где заросли с виду были чуть реже и ветки не так тесно переплетены, он начал прорубать проход.

Все вместе они яростно рубили ветки и рассекали стебли, а когда им удалось продвинуться в глубь зарослей ярдов на тридцать, оглушительный грохот вырвался из-за поворота тропинки. Молит схватил Фини и своей потной волосатой рукой стиснул ему челюсти, чтобы тот не залаял. В прилипших к спинам рубашках они стояли в глубине чужого ада и наблюдали за происходящим.

По тропе, точно потерявшие управление локомотивы, одно за другим мчались громадные животные. У них была толстая тесная кожа, омерзительно уродливые трехрогие головы с маленькими свинными глазками. Казалось, вес их совершенно не соответствует размеру - создавалось впечатление, будто пятьдесят тонн костей и мускулов стиснуто в емкость, рассчитанную тонн на двадцать. Четыре пары массивных, как у слона, ног расплющивали и вбивали в почву стебли лиан и все, что попадалось на их пути.

Их конечности обрушивались на землю с такой неимоверной силой, что это ощущалось даже на расстоянии в тридцать ярдов. Ударная волна, распространившись в верхних слоях почвы, поднялась по стволам деревьев, и верхушки их затрепетали. Животные бежали без единого звука, если не считать топота и пофыркивания, и Кесслеру на миг представилось, будто это какие-то неведомые гигантские трехрогие носороги.

Их было шестьдесят или семьдесят. Неуклюжим галопом, для которого не существовало преград, они промчались мимо, растапывая все, что попадало им под ноги, проламывая замаскированные покрытия ям-ловушек, на дне которых затаились паукообразные хищники, - теперь тем придется вылезть из своих нор на поверхность и заделать дыры кашицей из слюны с землей.

Выбираясь из укрытия в зеленом сумраке джунглей, люди напрягали слух, чтобы определить, не грозит ли с севера еще одно такое нашествие, но услышали лишь приглушенный расстоянием удаляющийся топот.

Следуя изгибу тропы, Кесслер вышел к развилке, сверился с компасом и указал налево.

- Нам сюда.

Этот путь привел их к реке. Тропа упиралась в берег, а по обе стороны он был начисто вытоптан: этак ярдов на сто по течению и на столько же - против. Сюда приходили на водопой трехрогие чудовища.

Вода в реке была мутная, желтая, течение быстрое. Преграда шириной в тридцать ярдов и неизвестной глубины. Согласно показанию компаса противоположный берег лежал по прямой к северу.

Кесслер хмуро взглянул на быстрый речной поток и решительно заявил:

- Я б и пытаться не стал переплыть эту реку. В ней могут быть сильные подводные течения. - Он вытер с лица пот и какое-то время без особого восторга смотрел на желтую воду, отливавшую зеленоватым блеском под лучами голубого солнца. От реки несло гнилыми яблоками и еще каким-то незнакомым едким запахом. Это слишком рискованно.

- Тогда остается одно - тащиться назад до той развилки и пойти по другой тропе, - сказал Молит. - Она, правда, вела на запад, но вполне возможно, что потом она снова повернет к северу.

- Я предпочел бы не возвращаться, если можно этого избежать. Частые отклонения от курса нас угрожают. - Кесслер внимательно оглядел оба берега, росшие поблизости деревья и после недолгого раздумья промолвил: - Жители земных джунглей плетут мосты из лиан, и на сооружение такого моста уходит совсем немного времени. Кто-нибудь из вас знает, как это делается?

Ни один не имел об этом ни малейшего представления. Молит решил высказать свои соображения:

- Сдается мне, что люди, которые там занимаются этой работой, должны находиться по обе стороны реки. Если это так, то нам, чтобы построить мост, по которому мы перейдем реку, нужно сначала перебраться на тот берег.

- Перелететь на ту сторону, как обезьяна, - сказал Малыш Ку.

- Да ты, верно, телепат! - воскликнул Кесслер. - В моем котелке доваривалась та же идея. - Он еще раз внимательно оглядел деревья. - Только бы найти подходящую лиану... Они прошли вдоль берега и вскоре обнаружили то, что искали. Среди множества деревьев, полушатром раскинувших ветви над прибрежной частью потока, нашлось одно, с которого, почти касаясь воды, свисало несколько толстых стеблей лианы.

Подтянуть один из них к берегу не составило особого труда.

Они срезали в джунглях длинную лиану, привязали к ее концу овальный камень и, раскручивая его в воздухе, стали забрасывать в сторону болтавшихся над водой стеблей, вокруг одного из которых тонкая лиана и обмоталась с десятой попытки. Они потянули стебель на себя, но его конец взметнулся над берегом и зацепился за дерево так высоко, что дотянуться до него было невозможно, и чтобы снять его, Молиту пришлось взобраться вверх по стволу.

- Я переправлюсь первым, - сказал Кесслер.

Он привязал уже обмотанный лианой камень к концу свисавшего с дерева стебля, швырнул его через реку и с помощью тонкой лианы вернул назад. Камень пролетел в каких-нибудь двух футах над противоположным, более высоким берегом. Довольный результатом, Кесслер подтянул лямки своего вещевого мешка, проверил, надежно ли пистолет и коробка с патронами прикреплены к поясу, и отдал Молиту компас.

- Слишком уж ценный прибор, чтобы им рисковать.

Не сознавая зловеще-пророческого смысла этих своих слов, Кесслер с помощью остальных поднялся на несколько футов вверх по стволу, схватил толстую лиану и потянул к себе изо всех сил, испытывая на прочность и желая удостовериться, насколько крепко она сцеплена с ветвью.

- Камень был брошен с большой силой, - обеспокоено сказал Сэмми. - А вы такой мощный толчок не получите. Что, если вы не долетите до того берега?

- Долечу. Эта лиана свисает с ветви по крайней мере футов на пять дальше середины потока, а значит, ближе к противоположному берегу, который к тому же значительно выше этого. Справлюсь, дело нехитрое.

Он крепче ухватился за стебель, оттолкнулся обеими ногами от ствола и ринулся вперед. Под тяжестью его тела лиана протестующе затрещала, но не лопнула. Однако она сорвалась с ветви, за которую держалась. Кесслер упал в реку. И сразу же вода вблизи места падения всколыхнулась и пошла кругами, словно под поверхностью что-то быстро задвигалось.

Когда Кесслер, подняв фонтан желтых брызг, рухнул в реку и рядом возник этот странный водоворот, Сэмми Файнстоун, стоявший ближе всех к кромке воды, громко вскрикнул. Сбросив мешок с поклажей, он поднял над головой руки.

- Стой дурак! - заорал Молит и рванулся от подножия дерева к Сэмми, чтобы удержать его. - Ты же не знаешь, что это...

Он опоздал. Пропустив мимо ушей его предостерегающий крик, Сэмми бросился в воду.

На середине реки бесновался водоворот. Среди хлопьев пены из взбаламученной воды выскочила голова Кесслера и сразу же вновь скрылась под поверхностью. Вода пошла волнами, еще больше вспенилась и приобрела розоватый оттенок. Взметнулся невысокий смерч.

Из воды на миг показалась рука, вся в крови, судорожно вытянутая, страшная - и Кесслер навсегда исчез.

Тут вынырнул Сэмми, которого мощной подводной волной отбросило назад к берегу. Он отчаянно боролся с течением, но вдруг громко охнул. Молит бросился в ту сторону, куда относил Сэмми, прыгнул в реку, погрузившись в воду по грудь, и за волосы потащил Сэмми к берегу. Потом он нагнулся, подхватил его под мышки и выволок из воды.

Но не всего Сэмми, а лишь его часть - тело без голеней. Ниже колен была только кровь, толчками извергающаяся из перерезанных сосудов.

- О, господи! - выдохнул Молит, чувствуя, как ему сводит

внутренности.

Он бережно опустил тело Сэмми на землю, бросился к походной аптечке и с ощущением полной беспомощности окинул взглядом ее содержимое. В ней не было никаких хирургических инструментов, а если бы и были, он все равно не знал, как ими пользоваться. Там был шприц, иглы к нему. Пузырьки с какими-то лекарствами, жидкими и в виде затвердевшей массы. А каким образом наполняют шприц, как и в какую часть тела делают укол? Какое лучше применить лекарство?

Сэмми зашевелился и попытался сесть, лицо у него было белое и сонное, как у человека, еще не вернувшегося к действительности,

- А Макси? - прошептал он. - Что с...?

- Она погибать, - сказал Малыш Ку, пристально глядя на Сэмми своими глазами-щелочками. - Вы лежать тихо-тихо.

Сэмми снова напрягая, стараясь подчинить своей воле нижние конечности, потом глянул вниз.

Вернулся Молит, и Малыш Ку сказал ему:

- Она терять сознание.

- Не имеет значения. Эти вот средства в аптечке единственное, что у нас есть для оказания ему помощи. Подними-ка его правую культю, да поживей. Тонкими пластиковыми трубочками он быстро соединил самые большие кровеносные сосуды, потом их и обнаженные мышцы на срезе культи залепил густой клейкой массой. Накладывать эту массу было довольно-таки трудно, ибо стоило нанести ее на какой-нибудь участок раны, как за считанные секунды она становилась твердой, как стекло. Первый ее слой прикрыл рассеченную плоть и закрепил трубочки. На него один поверх другого наложилось еще несколько быстро затвердевших слоев этой массы; и рана оказалась под прочным защитным колпаком. Так же он обработал вторую культю.

В экстренных случаях допускался и такой грубый, зато быстрый способ оказания срочной помощи при тяжелом ранении. Но эта мера с натяжкой годилась только для того, чтобы раненый продержался, пока его не доставят в операционную с новейшим оборудованием, где им займутся руки профессиональных хирургов.

Молит потянулся к аптечке за бинтами и мягкими прокладками. Не потому, что они нужны были для ухода за ранами - ими можно было обернуть обрубки ног Сэмми, чтобы уложить их поудобнее. Его протянутая рука замерла в воздухе, так как в этот миг Малыш Ку выхватил пистолет - единственное оставшееся у них оружие - и ровным голосом произнес:

- Речная дьявол!

Оглянувшись через плечо, Молит увидел торчащую из воды - огромную, размером с небольшую лодку, плоскую голову в форме сердца, а на ней - два белых, похожих на блюда, немигающих глаза, которые смотрели на них пристально и холодно. С рогоподобных выступов этой невообразимой морды свисали тонкие нити водорослей. Челюсти чудовища совершали медленные жевательные движения, словно оно еще не до конца насладились вкусом редкостного изысканного блюда.

Бешено застрочил автомат. Одно блюдо лопнуло, и из глазницы потекла густая зеленая жидкость. Голова скрылась под водой и, судя по тому, как в этом месте разбушевала река, животное заметалось по дну.

Сэмми, которого громкий стрекот автоматной очереди вывел из обморока, шевельнулся и поднял глаза на Молита и Малыша Ку.

- Мои ноги! Что-то оттяпало мне ноги. - И по-детски изумленно добавил: - А я ведь почти ничего не почувствовал, Только слегка резануло болью, как при судороге. Но из-за этого я лишился ног!

- Поправишься. - Молит продолжал бинтовать культю.

- Нет. На этой планете мне не поправиться. - По телу Сэмми прошла дрожь, словно из жарких джунглей на него вдруг повеяло каким-то странным холодом. - Со мной покончено. Вам лучше меня здесь оставить.

- То, что ты временно вышел из строя, не дает тебе права молоть всякую ерунду. Так что заткнись! - резко оборвал его Молит.

Слало улыбнувшись ему, Сэмми промолвил:

- Груби сколько хочешь - меня ты этим не проведешь. Я же знаю, что настал мой черед дать работу лопате.

- Мы понесем тебя, - отрезал Молит. - Для разнообразия. Рытьем могил я сыт по горло. Выбрось-ка из твоей дурацкой башки, что ты можешь заставить меня выкопать еще одну!

Молит, который теперь был за старшего, пришел к выводу, что река в этом месте - препятствие для них непреодолимое. Будь их только двое, он и Малыш Ку, он пошел бы на риск и попробовал перелететь на тот берег, держась за какую-нибудь другую лиану. Но переправить туда Фини и Сэмми было невероятно трудно, Проще вернуться к тропе, что вела на запад, и там же поискать какую-нибудь другую, которая, может, потом повернет к северу.

Они срубили и обтесали две прямые ветки, и Малыш Ку натянул между ними мягкую циновку, которую он сплел из похожей на камыш травы. Ловкость, с которой при этом двигались его худые длинные пальцы, поразила наблюдавшего за ним Молита. Очевидно, Малыш Ку обладал особым талантом к подобным поделкам - работа была выполнена с такой быстротой и сноровкой, что Молит и мечтать не мог когда-нибудь сравняться с ним в этом мастерстве.

На таких самодельных, но удобных носилках Сэмми отправился в путь. Рядом с ним лежало его мачете. Как бы ни сложились обстоятельства, не было ни малейшего шанса на то, что он сможет применить его, но им не хотелось расставаться с этим оружием. К тому же само его присутствие немного подбадривало человека, которого несли на носилках: это как бы означало, что те двое по-прежнему считают его полноценным членом их маленького отряда. Но никто лучше его не знал, насколько это далеко от истины.

Итак, он беспомощно лежал на носилках, ловил взглядом успокаивающие отблески солнечного света на лезвии мачете, смотрел, как над ним проплывают ветви деревьев, безмолвно кусал нижнюю губу, чтобы не выдать, насколько ему тяжело, и старался как-то отвлечься от жгучей боли в обрубках ног. Благодаря стекловидным оболочкам, покрывавшим раны, он не терял крови. Эти оболочки были непроницаемы и для микробов. Другое дело - бактерии, которыми кишмя кишела желтая река. Они проникли в его организм, когда доступ к ранам был еще открыт, и теперь, запертые под этой изолирующей массой, вступили в борьбу с его белыми кровяными тельцами.

К середине второй ночи нестерпимое жжение распространилось на поясницу. Не в силах заснуть от боли, Сэмми лежал между костром и телом спящего Малыша Ку. А неподалеку взад-вперед вышагивал Билл Молит, который нес свою очередную вахту. Поскуливал во сне Фини, растянувшийся на мешках с поклажей. Сэмми вздохнул и, пытаясь сесть, с усилием приподнял над землей верхнюю часть туловища. В его темных глазах замигали отблески пламени. Подошел Молит, опустился рядом с ним на колени и шепотом, чтобы не разбудить Малыша Ку, спросил:

- Ну, как ты?

- Плоховато. Я...

- Погоди-ка. - Молит направился к сложенным в кучу мешкам, осторожно вытащил из-под Фини свой, порылся в нем и вернулся к Сэмми. - Я прихватил их со спасательной шлюпки. Хотел приберечь...

- Какой шлюпки? - спросил Сэмми.

- Той, которая нас сюда доставила.

Сэмми прищурил глаза, собрался с мыслями и проговорил:

- Ах, да, та шлюпка. Господи, как же это было давно.

- Хотел приберечь их до той знаменательной минуты, когда мы увидим перед собой купол спасательной станции. - Молит показал небольшую запечатанную жестянку с сигаретами. - Но теперь такое количество нам не понадобится.

- Убери их, - выдохнул Сэмми. Он безуспешно старался не показать виду, что задыхается. - Жаль сейчас открывать банку. Ведь сигареты не смогут храниться месяцами, если в банку попадет воздух.

- Малыш Ку не курит. Остаемся ты да я. - Молит разгерметизировал банку и щелчком откинул крышку. Он дал Сэмми сигарету, поднес ему огонек, а другую закурил сам. - Как насчет укола морфия?

- Умеешь делать уколы?

- Нет.

Опершись на руку, Сэмми с трудом приблизил свое лицо к лицу Молита и заговорил, понизив голос:

- Вы тащили меня на руках два дня. Сколько вы прошли за это время?

- Миль семь, - наугад ответил Молит.

- Получается три с половиной мили в день. Маловато, верно? И всякий раз, когда тропу преграждают лианы, вам приходится опускать меня на землю, чтобы прорубить проход. Потом вы снова беретесь за носилки. У вас только по две руки, а не по шесть. И ноги у вас тоже не железные. Вы не можете все время идти с такой ношей.

- Ну и что из того? - внимательно глядя на него, спросил Молит.

- У Малыша Ку есть пистолет.

- Ну и что из того? - с тем же выражением в голосе повторил Молит.

- Сам знаешь.

Молит выпустил тонкую струйку дыма и понаблюдал, как она рассеивается в воздухе.

- Со стороны я, наверное, человек дрянной. Быть может, ты меня таким и считаешь. И не исключено, что ты прав. Но при всем при том я не убийца.

- Да взгляни ты на это иначе, - взмолился Сэмми. Он опять сморщился от боли. На его лбу поблескивали капельки пота. - Ты же знаешь, что я все равно скоро умру, чуть раньше или чуть позже. Это лишь вопрос времени. И я прошу тебя сделать так, чтобы мне было легче. Я б очень хотел...

- На самом же деле ты хочешь, чтобы мы облегчили себе существование, - прервал его Молит. - Еще пискни, и я оторву твою безмозглую башку!

Приподнявшись на локте, Сэмми слабо улыбнулся.

- Тебе, Билл, нет равных в умении успокоить человека с помощью угроз.

- Схожу за морфием.

Тяжело ступая, Молит обогнул костер и стал рыться в их запасах.

"Билл", - думал он. Пожалуй, впервые Сэмми назвал его по имени. Возможно, что так обращались бы к нему сейчас и другие, доживи они до этого дня.

К примеру, Пейтон. Может, сегодня они уже не обменивались бы такими фразами, как "Эй, Пейтон, подними-ка вот это" и "Слушаюсь, мистер Молит", а разговаривали бы между собой совсем по-другому:

"Прихвати эту штуку, Гэнни" - "Хорошо, Билл".

И, вполне вероятно, миссис Михалич сейчас звала бы его "Билл", а он, обращаясь к ней, говорил бы "Герда" или "Матушка" или придумал бы какое-нибудь глупое ласковое прозвище, вроде "Тутси".

Когда-то, давным-давно, он оторопел бы от одной мысли, что такое возможно. Более того, от злости бы лопнул. Так было раньше, но не теперь, теперь - нет. Времена меняются. А вместе с ними и люди.

Сэмми, не раздумывая, бросился в реку на помощь Кесслеру, а теперь просит их, чтобы выстрелом из пистолета они сняли с себя бремя, которое он на них возложил. Пейтон без оглядки ринулся навстречу неведомой опасности с единственной целью отвести ее от других, Герда и Григор хотели умереть в одиночестве, чтобы не быть обузой для остальных. Даже Фини, и тот напал бы на одну из тех пятидесятитонных галопирующих махин, пытаясь спасти людей, не дать их растоптать. Словом, каждый по-своему, в зависимости от характера, проявил мужество: кто действовал сгоряча, кто - холодно, одни - под влиянием импульса, другие - рассудочно.

А что в багаже у него, у Молита? Танцовщица, вытатуированная на руке, и фейерверк метеоритов, разлетевшихся по всей его широкой спине. Клок волос на груди. Могучее, как у быка, тело и выносливость, при которой он может брести до последнего, пока не упадет замертво.

Все остальное - невежество. Его профессиональные знания в области реактивной техники сейчас, в этих обстоятельствах, не более чем бесполезный хлам. Он ничего не смыслит в хирургии, мало что знает о

применении лекарств. Не обладает острым, как у Фини, слухом и его на редкость тонким обонянием. У него нет таких проворных пальцев, как у Малыша Ку, нет его флегматичного склада ума и невозмутимого спокойствия, с которым тот приемлет будущее. Даже плавать, как Сэмми, он и то не может. Выходит, он вообще толком ни черта не умеет.

Если не считать умения успокаивать людей с помощью угроз. Да, хоть эта мелочь в его пользу, крошечный плюс против его имени. Как у большинства людей, глубоко переживающих свои заблуждения, самооценка у него была до нелепости заниженная. Его психика сейчас напоминала маятник, который, пока не выровняется его качание, переносится из одной крайней точки амплитуды в другую. И на это была причина. Из глубины его существа... а может, извне, из немыслимой дали?.. ему слышался голос.

Со шприцем в руке он вернулся к Сэмми.

- Я рассудил так: один полный шприц морфия - это самая большая допустимая доза. Надеюсь, что угадал. Ну как, рискнешь?

- Да. - Лицо Сэмми перекопилось от боли. Он выронил недокуренную сигарету. - Делай, что угодно, что угодно, только б мне стало полегче.

- По-моему, лучше всего колоть в бедра. Поближе к ранам. Хочешь, вкачу по полшприца в каждое?

Сэмми согласился. Опустившись рядом с ним на колени, Молит впрыснул ему морфия. В жизни он не чувствовал себя так неуверенно, но огромным усилием воли он заставил свои большие волосатые пальцы проделать это четко и осторожно.

Он поднялся с колен.

- Тебе лучше?

- Пока еще нет. Должно быть, надо одну-две минуты подождать. - Сэмми, обливаясь потом, откинулся на спину. Спустя какое-то время, показавшееся вечностью, он проговорил. - Боль стихает. Уже немного легче. - Он закрыл глаза. - Спасибо, Билл.

В бледном свете второй луны, который просачивался между деревьями, его лицо испускало странное призрачное сияние. Молит дождался немного, потом наклонился к Сэмми и прислушался к его дыханию. Довольный, что тот уснул, он вернулся на свой сторожевой пост.

Поздним утром, когда они поднимались на небольшую возвышенность, Молит почувствовал, что носилки тянут его назад, и оглянулся. Малыш Ку остановился и уже опускал свои концы палок на землю. Молит опустил и свои тоже.

- Что случилось?

- Она не смотреть. Не двигаться. Чуть-чуть не падать с носилки. Моя думает она умирать, - неуверенно сказал Малыш Ку,

Фини на негнущихся лапах подошел к неподвижному телу, обнюхал его и тонким голосом пронзительно завыл. Молит взглянул на Сэмми, пощупал его запястье, приложил ухо к груди. И достал лопату...

Они прихватили поклажу и оружие и пошли дальше.

Их было трое - двое людей и собака.

День тридцать второй, а может, тридцать шестой или пятьдесят шестой?

Никто не знал, и никому до этого не было дела. Они потеряли счет дням, ибо считать их не было смысла. Единственным ничтожно малым утешением было то, что они перебрались на другой берег реки, - в месте, где она сужалась и из воды торчали большие камни, по которым и удалось ее перейти. Теперь они снова шли на север.

Количество пройденных миль было неразрешимой загадкой. Может, триста, а может, четыреста. В лучшем случае они прошли четверть пути до спасательной станции, если допустить, что Саймс не ошибся в своих расчетах. Им нужно было преодолеть расстояние, в несколько раз превышающее то, которое они уже прошли.

Как-то в полдень, когда они позавтракали, Молит случайно взял в руку вещевой мешок Малыша Ку. Их мешки выглядели одинаково, но стоило ему поднять этот, и он сразу понял, что мешок не его. Он молча опустил его на землю, взял другой мешок, забросил его за спину и, подтянув на плечи

ремни, сжал в кулаке рукоятку своего мачете.

С этой минуты Молит стал исподтишка наблюдать за Малышом Ку. И довольно быстро уяснил себе, что тот замыслил. Действовал Малыш Ку спокойно и очень ловко; если бы случай с мешком не заставил Молита заподозрить неладное, он так ничего бы и не заметил.

За каждой едой один из них - тот, чья очередь, - вскрывал для Фини пакет с пищевым концентратом из своего запаса. Это Малыш Ку проделывал честно, однако картина менялась, когда ему нужно было открыть другой пакет для себя. У него наготове был один уже вскрытый, который он каждый раз доставал, делая вид, что вскрывает и ест его содержимое. Однако он никогда не выбрасывал упаковку, которой полагалось после еды опустеть. Плоский пакет возвращался в его мешок с тем же содержимым, готовый к использованию в следующей пантомиме. Его мешок казался процентов на двадцать тяжелее мешка Молита, следовательно, по приблизительному подсчету, Малыш Ку проделывал этот фокус уже дней шесть-семь.

Однако Малыш Ку не умирал от голода. Он ел по ночам, во время своих очередных дежурств. Лежа у костра, Молит незаметно, одним глазом проследил за ним и увидел, как тот с жадностью поглощает фрукты, ягоды и корни, собранные им в джунглях, наедается до отвала, готовясь к голодовке следующего дня. Было ясно, почему он так ведет себя, и душа Молота заклокотала от возмущения.

- У нас недостаточно продовольствия, да? - спросил он Малыша Ку. - Оно кончится раньше, чем мы одолеем половину пути до станции, так?

- Моя не знает.

- Отлично знаешь, черт тебя дерит! Ты мне не вилай. Ты же все рассчитал своим подлым умишком. Прикинул, что нам никогда не добраться до станции, если мы не начнем есть то, что растет в джунглях. А кто-то же должен стать подопытной морской свиньей, вот тебе и втемяшилось в голову, что такой свинкой станешь ты,

- Моя не понимает, - запротестовал Малыш Ку, глядя на Молита с непроницаемым выражением в черных глазах.

- Не примеривайся! - Молит вперил в Малыша Ку такой взгляд, словно уличил его в каком-то тяжком преступлении. - Незнакомые пищевые продукты очень опасны. Никогда не предскажешь, как они могут подействовать на человеческий организм. Вот ты и рассудил: если с тобой ничего не случится, это решит для нас вопрос питания на остаток пути... Но если это не пройдет тебе даром, если ты убьешь себя (он в ярости стукнул кулаком по своему мешку), тогда останется немного больше еды для меня и Фини.

- Моя все равно, если моя умирать, - возразил Малыш Ку с истинно восточной логикой.

- А мне не все равно! - взревел Молит. - С твоим проклятым мешком не побеседуешь, если ты сдохнешь. Он мне не компания. Да и по ночам он не сможет дежурить со мной по очереди. Кто будет охранять меня, когда я сплю?

- Хороший собака, - сказал Малыш Ку, взглянув на Фини.

- Собаки мне недостаточно. - Молит говорил жестко и властно.

Он толкнул Малыша Ку в грудь и, совершенно не соображая, какую городит чушь, заявил: - Если ты из-за этого умрешь, я убью тебя! Теперь я хозяин всего, что осталось от нашей экспедиции, и я запрещаю тебе затруднять меня своей смертью, понял?

- Моя пока не умирать, - пообещал Малыш Ку и десять дней честно держал слово.

Первым знаком того, что он собирается нарушить свое обещание, было его падение: он рухнул, как подкошенный, головой вперед, судорожно поскреб ногтями землю, потом заставил себя подняться на ноги и, спотыкаясь, побрел дальше. Пройдя так яров десятка, он нагнал поджидавшего его Молита и на этот раз запретил себе упасть. Со стороны это выглядело очень странно.

Он стоял перед Молитом, раскачиваясь, как травинка на ветру, и лицо у него было цвета старой слоновой кости. Его колени медленно гнулись, так медленно, словно что-то тянуло их вниз, преодолевая его отчаянное сопротивление. Таким вот образом, мало помалу, уступая, он все-таки

опустился на колени, извиняющимся тоном пробормотал: - Моя больше не может. - И упал на руки подхватившего его Молита.

Быстро сняв с него пояс с пистолетом и зарядами и вещевой мешок, Молит положил его на заросший мхом пригорок, а Фини бегал вокруг них, взволнованно скуля. Когда Молит нагнулся над Малышом Ку и попытался привести его в чувство, голубое солнце плеснуло жаром в просвет между листьями и опалило ему шею.

- Не вздумай смяться, слышишь? - Молит настойчиво встряхнул его. - Не смей уйти, как все остальные, не стану рыть для тебя могилу. Не надейся! - Он схватил лопату и зашвырнул ее в джунгли. На лбу его пульсировала вздувшаяся вена. - Видишь, я выбросил эту штуку, будь она трижды проклята. Ею никто больше не вырастет ни одной могилы. Никогда, никогда, никогда! Ни для тебя, ни для меня. - Он похлопал по щекам цвета слоновой кости. - А ты проснись, ладно? Ну, давай, просыпайся!

И Малыш Ку послушно проснулся, повернулся на бок и его вырвало. Когда рвота прекратилась, Молит подхватил его под мышки и насильно поставил на ноги, поддерживая, чтобы тот не упал.

- Теперь порядок?

- Много-много больная.

Малыш Ку повис у него на руках.

- Тогда чуток посидим.

Опустив его обратно на пригорок, Молит присел рядом и положил голову Малыша Ку себе на колени. Фини тревожно залаял ярдах в сорока от них в зарослях мелькнули огромные кольца змееподобного существа, Молит схватил пистолет и послал в ту сторону очередь из пяти выстрелов. Свитое в кольцо чудовище быстро заскользило назад. Молит снова занялся Малышом Ку, проклиная собственное бессилие и взывая к лежащей у него на коленях голове:

- Ну, перебори себя, малыш. Нам еще идти да идти, но мы это осилим, если будем держаться друг друга. Мы уже прошли с тобой много-много миль. Ты же не сдашься сейчас, правда? Говорю тебе, возьми себя в руки!

Солнце скрылось за горизонтом, жалобно заскулил Фини; сгустилась тьма, пока ее немного не рассеял слабый тусклый свет появившихся на небе трех лун. А Молит все сидел, держа на руках Малыша Ку, и время от времени обращался к нему с какими-то словами, но уши того оставались глухи. Молиту показалось, что громадное голубое солнце разметало и спутало его мысли, и он потерял над ними власть.

У него возникло ощущение, будто он ограждает своими руками от неведомой опасности не только Малыша Ку, но и всех остальных, кто некогда брел с ним по этим чужим тропам. Саймса и Пейтона, Сэмми и Кесслера, обоих Михаличей. Да и тех, с кем он жил и общался в те давние времена, когда еще существовал большой серебристый цилиндр, называвшийся "Стар Куин".

И еще ему казалось, будто он слышит голос, который звучал сейчас намного громче и настойчивей, чем прежде. Но хоть убей, он не мог разобрать, какие слова пытался сказать ему этот голос.

Он просидел так до самого рассвета, одежда его стала влажной от росы, веки вспухли и покраснели. Малыш Ку был еще жив, но без сознания и ни на что не реагировал. Он был в состоянии полного оцепенения, как после приема большой дозы наркотика.

Это напомнило Молиту, что, если верить слухам, такие, как Малыш Ку, подвержены наркомании. А вдруг у Малыша Ку имелся тщательно запрятанный запас опиума - либо в его мешке, либо при нем, в одежде? Молит обыскал все и, надо сказать, очень тщательно. И не нашел никакого опиума. Сколько-то дней назад он точно так же обыскал Сэмми. И не нашел никаких бриллиантов. Ни у одного не оказалось тех вещей, которые, по сложившимся о них представлениям, эти люди должны были всегда иметь при себе.

Он пришел к выводу, что жизнь в некотором смысле - это огромная ложь, черт ее дерит. А правда - тоже в каком-то смысле открывается со смертью. Среди вещей Малыша Ку не оказалось ничего заслуживающего внимания, кроме выцветшей потрескавшейся фотографии, на которой была запечатлена деревушка

с домиками под покосившимися крышами, а на заднем плане виднелись какие-то горы. Только и всего. И ничего больше. Его рай, его царство небесное на земле.

- Я привезу тебя туда, - поклялся Молит. - Даже если на это уйдет десять лет.

Надев пояс с зарядами и пристегнув к нему пистолет, он набил до отказа один из мешков, закрепил ремни так, что теперь, когда он продел в них руки, мешок висел у него на груди, а не за спиной. Часть содержимого походной аптечки он рассовал по карманам, а что не поместилось, оставил на пригорке. Воткнул мачете заостренным концом в землю, чтобы можно было взяться за рукоятку не нагибаясь, взвалил на спину Малыша Ку, сжав в своей волосатой лапе оба его тощих запястья, другой рукой выдернул из земли мачете и пустился в путь.

Когда они двинулись дальше, Фини очень оживился: он прыжками понесся вперед, то и дело к чему-то прихвываясь и часто оглядываясь, чтобы убедиться, следует ли за ним Молит. Полчаса ходьбы, пять минут отдыха; полчаса ходьбы, пять минут отдыха. Еще хорошо, что судьба наградила его таким сильным телом, одновременно распорядившись, чтобы Малыш Ку был маленьким, ссохшимся - кожа да кости - подобием человека.

И вот, тащась по тропе, Молит начал разговаривать вслух. Иногда с Малышом Ку, безмолвное тело которого было перекинута через его широкое плечо. Иногда - с Фини, удивительно терпимо воспринимавшим любое его чудачество, как самое что ни на есть обычное явление. А бывало, что он, ни к кому не обращаясь, выкрикивал гневные фразы, порожденные жаром голубого солнца и чужой атмосферой. Его тело пока функционировало, а разум уже помутился, но сам он об этом не подозревал.

Во время восьмой остановки Малыш Ку издал горлом тихий прерывистый хрип, впервые со вчерашнего дня открыл свои черные глаза и прошептал:

- Моя много извиняйся.

И с присущим ему спокойствием тихо ускользнул туда, куда уходят Малыши Ку. А Молит не заметил, что его уже нет. Он поднял его тело и понес дальше сквозь зеленый ад, потом опустил его на землю, снова поднял, снова понес: одна изнуряющая миля за другой, один час пекла за другим. Молит иногда разговаривал с ним, и почти всегда Малыш Ку отвечал ему, любезно и без запинки.

- Мы все ближе к цели, малыш. Хорошо продвигаемся вперед. Сегодня прошли пятьдесят миль. Что ты на это скажешь?

- Чудесно, - ободряюще отвечало мертвое лицо.

- А может, завтра мы пройдем сто. Под этим голубым солнцем. Оно все хочет меня сжечь, но я ему не дам. Вонзается мне прямо в мозг и требует; "Падай, ну, падай же, будь ты проклят!", но я не упаду, слышишь? Ты имеешь дело с Биллом Молитом. А я плюю на голубое солнце. - И он плевал для вящей убедительности, а Малыш Ку лежал, замерев от восхищения. - На следующей неделе в среду мы дойдем до купола. Они там организуют для Сэмми новые ноги. А через месяц во вторник будем уже лететь к Земле. - Он торжествующе фыркал. - И к рождеству мы дома, а?

- Разумеется! - с положенным восторгом отвечал Малыш Ку.

- А Фини угостим говяжьими костями, - добавлял Молит, обращаясь к собаке. - Как ты на это смотришь?

- Стораю от нетерпения, - отвечал Фини и со всех ног бежал вперед.

Как же хорошо иметь настоящих друзей там, где без них было бы ужасающе одиноко. Слышать, как они с тобой разговаривают - они и тот голос, который все звал, звал...

В среду он свернул на восток. Компас лежал там, где он обронил его два дня назад - под необычайной красоты орхидеей, которая издавала зловоние. Он не отличал востока от запада, севера от юга, но его могучее тело продолжало идти, точно взбесившийся механизм, который упрямо не желает остановиться. И все это время Фини бежал впереди него на расстоянии прыжка; днем помогал обходить замаскированные ямы-ловушки, по ночам стерег его.

Его обожженное лицо стало кирпично-красным и было изборозжено глубокими морщинами, черными от пыли и пота. Нечесаная свалывшаяся борода клочьями свисала на грудь. Глаза его были налиты кровью, зрачки расширены, но тело продолжало шагать вперед с бездумным упорством робота.

Время от времени он втыкал мачете в землю, выхватывал пистолет и стрелял, кое-как прицелившись, примерно в том направлении, где появлялись какие-то животные, которые напали бы на него, стреляя пистолет бесшумно. Но они убегали от громкого треска пальбы, не перенося этих звуков. Раз два он стрелял в драконов, которые существовали только в его больном воображении. Останавливаясь передохнуть, он всякий раз беседовал с Малышом Ку и Фини, и они на его блестящие остроуты неизменно отвечали наизабавнейшими шутками.

Как это ни странно, он никогда не забывал покормить собаку. Иногда он так увлеклся разговором со своими двумя собеседниками, что пренебрегал необходимостью поесть самому, но не было случая, чтобы он не вскрыл пакета с пищевым концентратом для Фини.

Когда Молит вышел к крайнему отрогу горной цепи, он оказался на возвышенности. Джунгли поредели и постепенно уступили место голым скалам, и пришло время, когда он уже тащился там, где не было ни тропы, ни деревьев, и ничто больше не защищало его от жгучих лучей висевшего в небе огненного шара.

"Выше, еще выше", - настойчиво твердило то, что заменило ему разум. Он взбирался по пологим склонам, оступившись, скользил вниз, хватаясь за предательские выступы скал, чтобы удержаться, но продолжал ковылять дальше. "Попробуй-ка выбраться из ущелья, старик сказал, "Стар Куин" уходит в небо, кто говорит, что Билл Молит в числе погибших? Выше, выше!"

Миля, ярд, дюйм или сколько там - вверх. Потом отдых и беседа. Еще миля, ярд или дюйм вверх. Дыхание его стало затрудненным, прерывистым. Зрение почему-то не фокусировалось, и бывало, что поверхность, по которой он шел, то неожиданно вздымалась перед его глазами, то становилась совершенно плоской, и он спотыкался, застигнутый врасплох.

Две костлявые руки с нечеловеческой силой оттягивали книзу его левое плечо, и что-то темное, издавая назойливые звуки, вертелось у его спотыкающихся ног, обутых в грубые башмаки. Звуки теперь слышались со всех сторон: они неслись с высоты небес, они пробивались из глубин его существа, разрушая незыблемую тишину этого мира, которая теперь сменилась адской какофонией.

О, этот лай и визг непонятного создания, что металось перед его глазами, это пульсирующее "уйоум-уйоум", которое доносилось с какой-то неведомой точки вблизи огнедышащего, как раскаленная печь, солнца. И голос, сейчас уже гремевший в его душе подобно грому, так что ему наконец удалось разобрать слова.

~Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные...~

Плывать он хотел на этот голос. Он и прежде никогда к нему не прислушивался. Может, он существует, может, нет. Но голос произнес одно слово, которое заинтересовало его. Одно единственное слово.

"Все", - сказал голос.

Он никого не отметил особо.

Никому не отдал предпочтения.

Он сказал: "Все".

"Точно!" - мысленно согласился Молит и рухнул головой вперед, как сраженный ударом бык, вытянувшись среди раскаленных скал, и маленькое коричневое существо, скул, принялось лизать его лицо, а голубое солнце продолжало выжигать почву чужой планеты.

"Уйоум-уйоум" покинул свое место возле солнца, снизился и выбросил тонкую нить, на конце которой висело нечто, похожее на толстого черного паука. Паук коснулся поверхности планеты, разделился пополам и стал двумя людьми, одетыми в тускло-коричневого света униформу. В их ноздри были вставлены миниатюрные фильтры.

Бешено крутя обрубок хвоста, Фини прыгнул на первого из них с явным

намерением слизнуть с его лица кожу. Жертва взяла Фини на руки, потрепала за уши и ласково шлепнула по спине.

Второй наклонился над телами, потом пошел назад к нити и заговорил в болтавшийся на ее конце аппаратик:

- Честь и хвала твоему зрению, Эл. Ты ведь был прав. Их действительно двое - один парень тащил на себе другого. - Молчание, затем: - Им неоткуда здесь взяться, кроме как с той спасательной космошлюпки. Жаль, что они не остались в ней, ведь мы засекли ее, когда она опускалась на поверхность планеты.

- Однако же на ее поиски у нас ушло десять дней, - донесся сверху голос пилота. - За такой срок у них лопнуло бы терпение, и они все равно ушли бы в джунгли. - Немного подумав, он заговорил снова: - Я по коротковолновику свяжусь с куполом - пусть они пришлют патруль, чтобы прочесать весь путь отсюда до космошлюпки. Если выжил кто-нибудь еще, то наверняка прячется в зарослях именно по этому маршруту.

- Что значит "кто-нибудь еще?" Эти двое мертвей мертвых. Жива только собака.

- Все-таки не мешает проверить.

- Дело твое.

Отойдя от аппарата, говоривший вернулся к своему напарнику.

- Этот громила скончался совсем недавно, - сказал тот. - Просто диву даешься, как ему удалось сюда добраться. Мы опоздали всего на несколько минут. А другой умер дней пять назад.

- Какого же черта он тащил на себе труп?

- Откуда мне знать? Может, он был его лучшим другом.

- Кто? Этот недомерок - китаеза? Не будь идиотом!

Никогда в жизни ничто не заставило его услышать тот голос.

"Все", - говорит он.

Эрик Френк РАССЕЛ

НЕМНОГО СМАЗКИ

Все в корабле жужжало, завывало, брнчало. Нота была низкая, она напоминала звучание большой трубы органа. Она стонала в обшивке корпуса, рыдала в шпангоутах, билась в костях и нервах, ударяла в усталые уши, и не слышать ее было невозможно. Во всяком случае, через неделю, месяц или год. И уж тем более спустя без малого четыре года.

Способа избавиться от шума не было. Он был неизбежен и неустраним, когда в цилиндр из металла с высокой звукопроводимостью втискивали атомный двигатель.

В первом корабле скрежетание было на сто герц выше, минута за минутой, час за часом - и корабль так и не вернулся. Наверно, еще и теперь, через тридцать лет, он по-прежнему завывает, никем не слышимый, в бесконечных пустынях космоса.

Во втором корабле двигательный отсек был обит толстым слоем войлока, а у дюз было кремниевое покрытие. Низкий звук. Гудение пчелы, усиленное в двадцать тысяч раз. Пчела так и не вернулась в свой улей: восемнадцать лет назад она вылетела в звездное поле и теперь слепо неслась в новую сотню, тысячу или десять тысяч лет.

А третий корабль, сотрясаясь от грохота, летел назад - домой. Нашупывая дорогу к еще невидимой красноватой точке, затерянной в тумане звезд, он, как заблудшая душа, ищущая спасения, был исполнен решимости не погибнуть. Третий по счету - должно же это что-нибудь значить!

У моряков есть свои морские суеверия. У космонавтов - свои космические. В капитанской кабине, где Кинрад сидел, склонившись над

бортовым журналом, суеверие воплотилось в плакатик:

Три - счастливое число

Они верили в это на старте, когда их было девять. Они готовы были верить в это и на финише, хотя теперь их осталось всего шестеро. Но в промежутке были - и могли снова повториться - мгновения горького неверия, когда любой ценой, если потребуется, даже ценою жизни, людям хотелось выбраться с корабля - и провалились в преисподнюю весь этот полет! Жестокие мгновения, когда люди, силясь избавиться от мучащих их аудио-, клаустро- и полудюжины других фобий, затевали драки со своими товарищами.

Кинрад писал, а около левой его руки поблескивала вороненая сталь пистолета. Глаза смотрели в бортовой журнал, уши вслушивались в грохот. Шум мог ослабеть, стать прерывистым, прекратиться совсем - и благословение тишины одновременно было бы проклятьем. В наступившем безмолвии могли послышаться совершенно иные звуки - ругательства, выстрелы, крики. Такое уже случилось однажды, когда спятил Вейгарт. Такое могло случиться снова.

Да и у самого Кинрада нервы оставляли желать лучшего: когда неожиданно вошел Бертелли, капитан вздрогнул, а его левая рука инстинктивно дернулась к пистолету. Однако он моментально овладел собой и, повернувшись на вращающемся сиденье, взглянул прямо в печальные серые глаза вошедшего.

- Ну как, появилось?

Вопрос вызвал у Бертелли недоумение. Удлиненное грустное лицо с впалыми щеками еще больше вытянулось. Углы большого рта опустились. Печальные глаза приняли безнадежно-остолбенелое выражение. Он был удивлен и растерян.

Кинрад решил уточнить:

- Солнце па экране видно?

- Солнце?..

Похожие на морковки пальцы рук Бертелли судорожно сплелись.

- Да, наше Солнце, идиот!

- А, Солнце! - наконец-то он понял, и его глаза расширились от восторга. - Я никого не спрашивал.

- А я подумал, вы пришли сказать, что они его увидели.

- Нет, капитан. Просто у меня мелькнула мысль: не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Обычное уныние сменилось на его лице улыбкой простака, горящего желанием услужить во что бы то ни стало. Углы рта поднялись вверх и раздвинулись в стороны - так далеко, что уши оттопырились больше прежнего, а лицо приобрело сходство с разрезанной дыней.

- Спасибо, - немного смягчившись, сказал Кинрад. - Пока не надо.

Мучительное смущение овладело Бертелли с прежней силой. Лицо его молило о милосердии и прощении. Потоптавшись немного на своих огромных неуклюжих ногах, он вышел, поскользнулся на стальном полу узкого коридора и только в самый последний момент, грохоча тяжелыми ботинками, каким-то чудом восстановил равновесие. Не было случая, чтобы кто-нибудь другой поскользнулся на этом месте, но с Бертелли это происходило всегда.

Внезапно Кинрад поймал себя на том, что улыбается, и поспешил сменить выражение лица на озабоченно-хмурое. В сотый раз пробежал он глазами список членов экипажа, но нового почеркнул из него не больше, чем в девяноста девяти предшествовавших случаях. Маленький столбик, в котором три имени из девяти вычеркнуты. И та же самая строчка в середине списка: Энрико Бертелли, тридцати двух лет, психолог.

Это последнее не вязалось ни с чем. Если Бертелли психолог или вообще имеет хоть какое-нибудь отношение к науке, тогда он, Роберт Кинрад, - голубой жираф. Почти четыре года провели они взаперти в этом стонущем цилиндре - шесть человек, отобранных из всего огромного человечества, шестеро, которых считали солью Земли, сливками рода человеческого. Но эти шестеро были пятеро плюс Дурак.

Здесь скрывалась какая-то загадка. Он размышлял над ней в те минуты, когда мог позволить себе забыть о более серьезных делах. Загадка манила его, заставляла снова и снова рисовать в воображении Бертелли, начиная с его печальных глаз и кончая большими плоскими ступнями. В редкие минуты раздумий он обнаруживал, что снова и снова пытается (совершенно безрезультатно) разобраться в Бертелли, понять, чем тот живет, - пытается, сосредоточивая на нем все мысли и забывая на время об остальных.

Кинрад не упускал случая понаблюдать за ним, неизменно испытывая при этом изумление перед фактом такого умственного убожества - тем более у ученого, специалиста. Наблюдение за Бертелли так захватывало его, что ему даже в голову не приходило понаблюдать за другими и посмотреть, не заняты ли они тем же, чем и он, по тем же или очень похожим причинам.

Когда Кинрад пошел на ленч, Марсден нес вахту у приборов управления, а Вейл - в двигательном отсеке. Остальные трое уже сидели в тесной столовой. Он кивнул им и сел на свое место.

Большой белокурый Нильсен, инженер-атомщик, которому по совместительству пришлось стать ботаником, сказал, смерив его скептическим взглядом:

- Солнца нет.

- Знаю.

- А должно быть.

Кинрад пожал плечами.

- Но его все нет, - не отставал Нильсен.

- Знаю.

- Ну и как, вас это трогает?

- Не валяйте дурака, - и, надорвав пакет с ленчем, Кинрад высыпал содержимое в пластмассовую тарелку с несколькими отделениями.

"Бамм, бамм, бамм", - грохотали пол, потолки, стены.

- Так я, по-вашему, дурака валяю?

Нильсен подался вперед, со злобным ожиданием уставившись на него.

- Давайте поедим, - предложил Арам, худой, черный, нервный космогеолог, сидевший около Нильсена. - И так тошно.

- Нечего зубы заговаривать. Я хочу знать... - снова начал Нильсен.

Он замолчал, потому что Бертелли, пробормотав: "Простите", потянулся перед его носом за солонкой, привинченной к другому концу стола.

Отвинтив ее, Бертелли с солонкой в руке плюхнулся вниз и чуть не свалился на пол. От изумления он вытаращил глаза, вскочил, поставил солонку, выдвинул сиденье вперед, сел снова, сбил солонку со стола. Вспыхнув от стыда, поднял ее с таким видом, будто это не солонка, а большое ведро, посолил пищу и, чтобы привинтить солонку на прежнее место, закрыл телом весь стол. Наконец привинтил ее и, подняв зад, сполз со стола на свое сиденье, но только на этот раз сел мимо. В конце концов он устроился на сиденье, разгладил невидимую салфетку и обвел присутствующих загнанным, виноватым взглядом.

Глубоко вздохнув, Нильсен спросил его:

- Вы уверены, что хорошо посолили?

Трудный вопрос поставил Бертелли в тупик. Он нашел глазами свою тарелку, внимательно оглядел ее содержимое.

- Пожалуй, хорошо, благодарю вас.

Перестав жевать, Нильсен поднял глаза и, встретившись взглядом с Кинрадом, спросил:

- Что такое есть в этом парне, чего нет в других?

Улыбаясь до ушей, Кинрад ответил:

- Сам бы хотел понять, пытаюсь уже давно, но все безуспешно.

Лицо Нильсена осветилось подобием улыбки, и он признался:

- Я тоже.

Бертелли молча, сосредоточенно ел. Жевал он, как всегда, высоко подняв локти, а его рука неуверенно искала рот, мимо которого было просто невозможно пронести ложку.

Дотронувшись до экрана кончиком карандаша, Марсден сказал:

- Вот эта, по-моему, розовая. Но, может, мне это только кажется.

Кинрад нагнулся и стал вглядываться в экран.

- Слишком маленькая, ничего пока сказать нельзя. Прямо с булавочную головку.

- Значит, зря я надеялся.

- Может, и не зря. Возможно, цветовая чувствительность ваших глаз выше моей.

- Давайте спросим нашего Сократа, - предложил Марсден.

Бертелли стал рассматривать едва заметную точку, то приближаясь к экрану, то удаляясь от него, заходя то с одной стороны, то с другой. Наконец он посмотрел на нее, скосив глаза.

- Это наверняка что-то другое, - сообщил он, явно радуясь сделанному им открытию, - потому что наше Солнце оранжево-красное.

- Цвет кажется розовым благодаря флуоресцентному покрытию экрана, - с раздражением объяснил Марсден. - Эта точка - розовая?

- Не разберу, - сокрушенно признал Бертелли.

- Ну и помощничек!

- Тут можно только гадать, она слишком далеко, - сказал Кинрад. - Одного желания здесь мало - придется подождать, пока мы не окажемся немного ближе.

- Я уже сыт по горло ожиданием, - с ненавистью глядя на экран, сказал Марсден.

- Но ведь мы возвращаемся домой, - напомнил Бертелли.

- Я знаю. Это и убивает меня.

- Вы не хотите вернуться? - недоумевающе спросил Бертелли.

- Слишком хочу, - и Марсден с досадой сунул карандаш в карман. - Я думал, обратный путь будет легче хотя бы потому, что это путь домой. Я ошибся. Я хочу зеленой травы, голубого неба и места, где можно свободно двигаться. Я не могу больше ждать.

- А я могу, - гордо сказал Бертелли. - Потому что надо. Если бы я не мог, я бы сошел с ума.

- Да ну? - Марсден окинул Бертелли ироническим взглядом, и его нахмуренное лицо начало понемногу проясняться. Наконец у него вырвался короткий смешок. - Сколько же времени вам бы для этого понадобилось?

Не переставая смеяться, он вышел из кабины управления и направился в столовую. Заворачивая за угол, он расхохотался.

- Что тут смешного? - удивленно спросил Бертелли.

Оторвав взгляд от экрана, Кинрад внимательно посмотрел на него.

- Как это получается, что каждый раз, когда кто-нибудь начинает...

- Да, капитан?

- Нет, ничего.

Корабль мчался вперед, сотрясаясь: все его части и детали издавали стон.

Появился Вейл - его вахта кончилась, он шел в столовую. Он был невысокого роста, широкий в плечах, с длинными сильными руками.

- Ну что?

- Мы не уверены, - и Кинрад показал на точку, сиявшую среди множества ей подобных. - Марсден думает, что это оно и есть. Может быть, он прав, а может, и нет.

- Вы не знаете? - спросил Вейл, глядя на Кинрада и не обращая внимания на экран.

- Узнаем, когда придет время. Еще рановато.

- Запели по-новому?

- О чем это вы? - резко спросил Кинрад.

- Три дня назад вы говорили нам, что теперь Солнце может показаться на экране в любой момент. Это подняло нам дух - а мы в этом нуждались. Я не привык распускать нюни, но должен сознаться: что-нибудь в этом роде было мне нужно. - Он смерил Кинрада злым взглядом. - Чем радужней надежды, тем сильнее разочарование.

- А вот я не разочаровываюсь, - сказал Кинрад. - Плюс-минус три дня -

пустячная погрешность, если учесть, что обратный путь длится два года.

- Да - если курс правильный. А у меня нет в этом уверенности.

- То есть вы думаете, что я не в состоянии дать правильные координаты?

- Я думаю только, что даже лучшие из нас могут ошибаться, - упорствовал Вейл. - Разве первые два корабля не отправились к праотцам?

- Не из-за навигационных ошибок, - с глубокомысленным видом вставил Бертелли.

Скривившись, Вейл уставился на него:

- Вы-то что смыслите в космической навигации?

- Ничего, - признался Бертелли с гримасой человека, у которого удаляют зуб мудрости, и кивнул на Кинрада. - Но он смыслит.

- Да?

- Обратный маршрут был рассчитан покойным капитаном Сэндерсоном, - сказал Кинрад, лицо которого начала заливать краска. - Я проверял и перепроверял вычисления больше десяти раз, и Марсен тоже. Если вам этого мало, возьмите и проверьте их сами.

- Я не навигатор, - сердито сказал Вейл.

- Тогда закройте рот и помалкивайте, и пусть другие...

- Но я и не открывал его! - неожиданно возмутился вдруг Бертолли.

Переключившись на него, Кинрад спросил:

- Чего вы не открывали?

- Рта, - обиженно оказал Бертелли. - Не знаю, почему вы ко мне придираетесь. Все ко мне придираются.

- Вы ошибаетесь, - сказал Вейл. - Он...

- Вот видите, я ошибаюсь. Я всегда ошибаюсь. Я никогда не бываю прав.

Бертелли громко вздохнул и, тяжело переставляя свои огромные ноги, со страдальческим выражением побрел прочь.

Проводив его изумленным взглядом, Вейл сказал:

- Похоже на манию преследования. И такой, как он, считается психологом! Прямо смех.

Вейл приблизил лицо к экрану и начал внимательно его рассматривать.

- Которая, по мнению Марсдена, Солнце?

- Вот эта, - показал Кинрад.

Вейл хищным взглядом вперился в светящуюся точку и наконец сказал:

- Ладно, будем надеяться, что он прав.

И вышел.

Кинрад сел и вперился в экран невидящий взгляд. Его занимала проблема, которая, может быть, имела смысл, а может быть, и не имела: когда наука становится искусством? Или наоборот - когда искусство становится наукой?

На следующий день свихнулся Арам. У него начался приступ "чарли", тот же синдром, который привел к гибели Вейгарта. У болезни этой было и медицинское название, но очень немногие люди его знали и еще меньше могли выговорить. В обиходе же ее стали называть "чарли" - после древней, почти забытой войны, когда, бывало, хвостовой стрелок большого военного самолета, или, как его называли, "Чарли-на-хвосте", слишком много думавший о тяжелом грузе бомб и тысячах галлонов высокооктанового горючего за своей кабиной, похожей на клетку попугая, вдруг начинал выть и биться о стены своей призрачной тюрьмы.

Все началось с эпизода, очень типичного для этой космической болезни. Арам сидел рядом с Нильсеном и спокойно ел, ковыряя вилкой в своей разделенной на отделения пластмассовой тарелке с таким видом, будто у него совсем нет аппетита. Внезапно, не сказав ни слова и не изменившись в лице, он оттолкнул тарелку, вскочил и бросился вон из столовой. Нильсен попытался было задержать его, но не сумел. Арам, как кролик, спасающий свою жизнь, пулей вылетел в коридор и помчался по проходу к люку. Нильсен последовал за ним, а за Нильсеном - Кинрад. Бертелли замер на месте, не донеся вилки до рта, уставившись пустым взглядом в стенку напротив, ловя своими большими ушами доносящиеся из прохода звуки.

Они схватили Арама в тот момент, когда он с лихорадочной поспешностью

пытался повернуть винт люка не в ту сторону. Люк он все равно не успел бы открыть, даже если бы поворачивал винт правильно. Его тонкое лицо было бледным, и он задыхался от натуги.

Оказавшись рядом, Нильсен резко повернул его лицом к себе и ударил в челюсть. Удар был сильнее, чем могло показаться со стороны. Арам, маленький и щуплый, покотился и, потеряв сознание, мешком плюхнулся у передней двери прохода. Потирая костяшки пальцев, Нильсен проворчал что-то себе под нос и проверил, хорошо ли закручен винт. Потом он взял Арама за ноги, а Кинрад за плечи, и они отнесли его, провисшего между ними, на койку. Нильсен остался сторожить его, а Кинрад пошел за шприцем. Следующие двенадцать часов Араму предстояло проспать. Это было единственное известное средство для таких случаев - искусственно вызванный сон, дававший возможность взбудораженному мозгу отдохнуть, а взвинченным нервам успокоиться.

Когда они вернулись в столовую, Нильсен сказал Кинраду:

- Хорошо еще, что он не прихватил с собой пистолета.

Кинрад молча кивнул. Он знал, что тот имеет в виду. Вейгарт, готовясь бежать с корабля на пузыре воздуха к иллюзорной свободе, не хотел подпускать их к себе, угрожая пистолетом. Кинуться на него, не рискуя жизнью, они не могли, и им пришлось, отбросив всякую жалость, застрелить его, пока не поздно. Вейгарт погиб первым из экипажа, и случилось это всего через двадцать месяцев после старта.

Они не могли допустить новой потери. Впятером можно было вести корабль, контролировать его движение, совершить посадку. Пять - это был абсолютный минимум. Четверо были бы обречены остаться навечно в огромном металлическом гробу, слепо громяющем среди звезд.

С этой проблемой была связана и другая, которой Кинрад так и не мог разрешить - во всяком случае, удовлетворительным для себя образом. Следует ли держать выходной люк запертым на замок, ключ к которому у одного капитана? Или же в случае внезапной аварии это могло бы дорого им обойтись? В чем больше риска - в безумной попытке к бегству со стороны одного или в препятствии к спасению всех?

А ну, к черту все, - сейчас они летят домой, а когда прилетят, он сдаст бортовой журнал с подробными записями, и пусть головы поумнее разбираются во всем сами. Это их обязанность, а его - обеспечить благополучное возвращение.

Кинрад перевел взгляд на Нильсена, увидел сосредоточенно-угрюмое выражение его лица и понял, что тот тоже думает о Вейгарте. Ученые и инженеры при всем своем высокоразвитом интеллекте в сущности такие же люди, как все. Несмотря на свои познания и умения, они не могут изолировать себя от остального человечества. Вне круга своих профессиональных интересов это обыкновенные люди с такими же заботами и переживаниями, что и у прочих. Они не могут думать только о своей специальности и позабыть обо всем остальном. Иногда они думают о других людях, иногда о самих себе. Нильсен обладал высокоразвитым интеллектом, был умен и восприимчив - и тем больше было у него шансов свихнуться. Кинрад чувствовал, что уж Нильсен, если побежит к люку, прихватить с собой пистолет не забудет.

Вынести долгое заточение в огромном стальном цилиндре, по которому день за днем, час за часом (без передышки молотит дюжина дьяволов, могли только более тупые, более толстокожие - такие, про кого говорят, что у них коровьи мозги. Тут тоже было над чем задуматься умным головам. Дураки терпеливей и выносливей всех прочих, зато от них мало толку; умники необходимы, чтобы управлять кораблем, зато у них больше шансов свихнуться - хотя бы временно, не насовсем.

Каков же итог? Ответ: идеальный экипаж космического корабля должен состоять из безнадежных тупиц с высоким интеллектом - качества явно взаимоисключающие.

Вдруг его осенило. Не в этом ли скрывается разгадка тайны Бертелли? Те, кто проектировал и строил корабль, а потом подбирал для него экипаж,

были люди неслыханной хитрости и прозорливости. Нельзя поверить, чтобы они выбрали такого, как Бертелли, и им было наплевать, что из этого получится. Подбор был целенаправленным и тщательно обдумывался - на этот счет у Кинрада не было никаких сомнений. Быть может, потеря двух кораблей убедила их в том, что, набирая экипаж, следует быть менее строгим? А может, они включили Бертелли, чтобы посмотреть, как покажет себя в полете дурак?

Если это предположение правильно, то кое-чего они достигли - но немного. Наверняка Бертелли спятит и побежит к люку последним. Однако с точки зрения технических знаний в его пользу нечего было сказать. Из того, что необходимо знать члену космического экипажа, он почти ничего не знал, да и то, что знал, перенял у других. Любое дело, которое ему поручали, оказывалось виртуозно испорченным. Более того: огромные неуклюжие лапы Бертелли, лежащие на рычагах управления, представляли бы собой настоящую опасность.

Правда, его любили. В известном смысле он даже пользовался популярностью. Он играл на нескольких музыкальных инструментах, пел надтреснутым голосом, был хорошим мимом, с какой-то развинченностью отбивал чечетку. Когда раздражение, которое он сперва вызывал у них, прошло, Бертелли стал казаться им забавным и достойным жалости; чувствовать свое превосходство над ним было неловко, потому что трудно было представить себе человека, который бы этого превосходства не чувствовал.

"Когда корабль вернется на Землю, руководители поймут: лучше, если на корабле нет дураков без технического образования", - не совсем уверенно решил Кинрад. Умные головы провели свой эксперимент, и из этого ничего не вышло. Ничего не вышло. Ничего не вышло... Чем больше Кинрад повторял это, тем меньше уверенности ощущал.

В столовую вошел Вейл.

- Я думал, вы уже минут десять как кончили.

- Все в порядке. - Нильсен встал, стряхнул крошки и жестом пригласил Вейла сесть на освободившееся место. - Ну, я пошел к двигателям.

Взяв тарелку и пакет с едой, Вейл сел; поглядев на Кинрада и Нильсена, спросил:

- Что случилось?

- У Арама "чарли", он в постели, - ответил Кинрад.

На лице Вейла не отразилось никаких эмоций. Он резко ткнул вилкой в тарелку и сказал:

- Солнце вывело бы его из этого состояния. Увидеть Солнце - вот что нужно нам всем.

- На свете миллионы солнц, - сказал Бертелли тоном человека, с готовностью предлагающего их все.

Поставив локти на стол, Вейл произнес резко и многозначительно:

- В том-то и дело!

Взгляд Бертелли выразил крайнее замешательство. Он стал беспокойно двигать тарелкой и нечаянно сбросил с нее вилку. Продолжая глядеть на Вейла, нащупал вилку, взял ее за зубцы, не глядя ткнул ручкой в тарелку, потом поднес ручку ко рту.

- А может быть, лучше другим концом? - спросил Вейл, с интересом наблюдая за ним. - Он острее.

Бертелли опустил глаза и стал внимательно рассматривать вилку, постепенно лицо его начало приобретать рассеянно-удивленное выражение. Он по-детски беспомощно развел руками и, одарив собеседников обычной для него извиняющейся улыбкой, одновременно, как бы между прочим, одним движением большого и указательного пальцев положил вилку ручкой к себе в ладонь.

Вейл не увидел этого движения, но Кинрад его заметил - и на миг у него появилось странное, трудно объяснимое чувство, что Бертелли допустил маленькую оплошность, крохотную ошибку, мимо которой могли пройти, не обратив на нее внимания.

Кинрад был уже в своей кабине, когда услышал по системе внутренней связи голос Марседена:

- Арам очнулся. Щека у него распухла, но сам он вроде бы поостыл.
По-моему, снова колоть его не нужно - во всяком случае, пока.
- Пусть ходит, но будем за ним присматривать, - решил Кинрад. - Скажи Бертелли, чтобы держался к нему поближе, - хоть при деле будет.
- Хорошо.
Марсден помолчал, потом добавил, понизив голос:
- Что-то Вейл киснет в последнее время - вы заметили?
- По-моему, с ним все в порядке. Иногда нервничает, но не больше, чем все мы.

- Пожалуй.
Голос Марсдена прозвучал так, словно ему хотелось добавить еще что-то; но ничего больше он не сказал.

Закончив в журнале последние записи за этот день, Кинрад посмотрел на себя в зеркало и решил, что повременит с бритьем еще немного - маленькая роскошь, которую он мог себе позволить. Процедуру эту он не любил, а отпустить бороду у него не хватало смелости. Разные люди - разные понятия.

Он откинулся в своем вращающемся кресле и задумался - сперва о планете, которая была для них домом, потом о людях, пославших в космос корабль, а потом о людях, летящих в нем вместе с ним. Они, шестеро, первые достигшие другой звезды, прошли подготовку, которая отнюдь не была односторонней. Трое из них (профессиональные космонавты) быстро, но основательно познакомились с какой-то областью науки, а трое других (ученые) прослушали курс атомной техники или космонавигации. Две специальности на каждого. Он подумал еще немного и исключил Бертелли.

Подготовка к полету этим не ограничилась. Лысый старикан, заведовавший желтым домом, с видом знатока наставлял их по части космического этикета. Каждый, объяснил он, будет знать только имя, возраст и специальность своих товарищей. Никто не должен расспрашивать других или пытаться хоть краем глаза заглянуть в их прошлое. Когда жизнь человека неизвестна, говорил он, труднее найти повод для иррациональной вражды, придираек и оскорблений. У "ненаполненных" личностей меньше оснований вступать в конфликт. Было сказано, что ни один из них не должен требовать откровенности от другого.

Таким образом, Кинрад не мог узнать, почему Вейл чрезмерно раздражителен, а Марсден - нетерпеливей остальных. Он не располагал данными о прошлом своих товарищей, которые помогли бы ему понять, почему Нильсен потенциально самый опасный, а Арам наименее устойчивый. И он не мог настаивать на том, чтобы Бертелли объяснил свое присутствие на корабле. До успешного завершения их миссии история каждого оставалась скрытой за плотным занавесом, сквозь который лишь иногда можно было разглядеть что-то малозначительное.

Прожив бок о бок с ними почти четыре года, он теперь знал их так, как не знал никого, но все же не так, как узнает в один прекрасный день на зеленых лугах Земли, когда полет станет прошлым, табу будет снято и они смогут делиться воспоминаниями.

Он любил размышлять об этих вещах, потому что у него возникла одна идея, которую он по возвращении собирался предложить вниманию специалистов. Идея касалась отбывающих пожизненное заключение. Он не верил, что все преступники глупцы. Наверняка многие из них - умные люди с тонкой душевной организацией, которых что-то столкнуло с так называемого прямого пути. У некоторых из них, когда они оказывались запертыми в четырех стенах, начинался приступ "чарли", они пытались вырваться любой ценой, бросались о кулаки на надзирателя - все, все, что угодно, лишь бы бежать, - и результатом этого было одиночное заключение. Это все равно что лечить отравленного еще более сильной дозой отравившего его яда. Нельзя так, нельзя! Он был твердо убежден в этом. В Кинраде было что-то от реформатора.

На его рабочем столе всегда лежала составленная им, аккуратно написанная от руки программа профилактических мер для тех пожизненно осужденных, которым угрожает помешательство. Программой предусматривалось

постоянное индивидуальное наблюдение и своевременное использование трудотерапии. Какова практическая ценность этой программы, Кинрад не знал, но выглядела она конструктивной. Это было его любимое детище. Пусть маститые пенологи* рассмотрят его и проверят на практике. Если он окажется стоящим (а Кинрад был склонен думать, что так оно и будет) их полет принесет миру пользу еще в одном, совершенно непредвиденном отношении. Ради одного этого стоило его предпринять.

Тут его мысли были прерваны неожиданным появлением Нильсена, Вейла и Марседена. За ними стояли Арам и Бертелли. Кинрад выпрямился, не вставая, и проворчал:

- Замечательно! У пульта управления - ни души.

- Я включил автопилот, - сказал Марсен. - Он продержит корабль на курсе четыре-пять часов, вы нам это сами говорили.

- Верно. - Он обвел их лица пристальным взглядом. - Ну, так что же означает эта мрачная депутация?

- Кончается четвертый день, - сказал Нильсен. - Скоро начнется пятый. А мы по-прежнему ищем Солнце.

- Ну и что?..

- Я не уверен, что вы знаете, куда мы летим.

- А я уверен.

- Это точно или вы морочите нам голову?

Поднявшись на ноги, Кинрад сказал:

- Хорошо, допустим, я признаюсь, что мы летим вслепую, что тогда вы сделаете?

- На этот вопрос ответить легко, - сказал Нильсен тоном человека, худшие опасения которого оправдываются. - Когда умер Сэндерсон, мы выбрали в капитаны вас. Мы можем отменить решение и выбрать другого.

- А потом?

- Полетим к ближайшей звезде и постараемся найти планету, на которой мы могли бы жить.

- Ближайшая звезда - Солнце.

- Да, если мы идем правильным курсом, - сказал Нильсен.

Выдвинув одни из ящиков стола, Кинрад извлек оттуда большой свернутый в трубку лист бумаги и развернул его. Сетку мелких квадратиков, густо усыпанную крестиками и точками, пересекала пологая кривая - жирная черная линия.

- Вот обратный курс. - Он поочередно ткнул пальцем в несколько крестов и точек. - Непосредственно наблюдая эти тела, мы в любой момент можем сказать, правилен ли наш курс. Есть только одно, чего мы не знаем точно.

- Что же? - спросил Вейл, хмуро глядя на карту.

- Наша скорость. Ее можно измерить только с пятипроцентной погрешностью в ту или иную сторону. Я знаю, что наш курс правильный, но не знаю точно, сколько мы прошли. Вот почему мы ожидали увидеть Солнце четыре дня назад, а его все нет. Предупреждаю вас, что это может продлиться и десять дней.

Четко выговаривая каждое слово, Нильсен сказал:

- Когда мы улетали с Земли, созвездия были сфотографированы. Мы только что накладывали на экран пленки - не сходится.

- Как же может сойтись? - в голосе Кинрада зазвучало раздражение. - Ведь мы не в той же точке. Обязательно будет периферическое смещение.

- Хотя мы и не получили настоящей штурманской подготовки, но кое-что все-таки соображаем, - огрызнулся Нильсен. - Да, есть смещение. Но распространяется оно от центра, вовсе не совпадающего с розовой точкой, которая, по вашим словам, и есть Солнце. Центр этот - примерно на полпути между розовой точкой и левым краем экрана. - И, презрительно фыркнув, он добавил: - Интересно, что вы теперь скажете.

Кинрад тяжело вздохнул и провел пальцем по карте.

- Как видите, это кривая. Полет с Земли шел по сходной кривой, только выгнутой в противоположную сторону. Хвостовой фотообъектив сфокусирован по

оси корабля. Пока мы были в нескольких тысячах миль от Земли, он был обращен в сторону Солнца, но чем дальше уходил корабль, тем больше отклонялась от этого направления его ось. Ко времени, когда мы пересекли орбиту Плутона, она указывала уже черт-те куда.

Всматриваясь в карту, Нильсен задумался, а потом спросил:

- Допустим, я вам поверю - сколько это может продлиться, самое большее?

- Я уже сказал - десять дней.

- Почти половина срока прошла. Подождем, пока не пройдет вторая.

- Спасибо! - с иронией сказал Кинрад.

- Тогда мы или убедимся, что видим Солнце, или назначим нового капитана и полетим к ближайшей звезде.

- Кому быть капитаном? Надо бросить жребий, - предложил стоявший сзади Бертелли. - Может, и мне удастся покомандовать кораблем!

- Сохрани нас бог! - воскликнул Марсден.

- Мы выберем того, кто подготовлен лучше остальных, - сказал Нильсен.

- Но ведь потому мы и выбрали Кинрада, - напомнил Бертелли.

- Возможно. А теперь выберем кого-нибудь другого.

- Тогда я настаиваю, чтобы рассмотрели и мою кандидатуру. Один дурак может все испортить не хуже другого.

- Ну, гусь свинье не товарищ, - поспешил сказать Нильсен, в глубине души чувствуя, что все его усилия Бертелли незаметно сводит на нет. - Вот когда вы двигаете ушами, тут мне за вами не угнаться.

Он посмотрел на остальных:

- Правильно я говорю?

Они закивали, улыбаясь.

Это не был триумф Нильсена. Это был триумф кого-то другого.

Просто потому, что они улыбались.

Вечером Бертелли устроил очередную пирушку. Поводом для нее опять послужил его день рождения. Каким-то образом он ухитрился отпраздновать за четыре года семь дней рождения - и почему-то никто не счел нужным их посчитать. Но лучше не перегибать палку, и на этот раз он объявил, что выдвигает на пост капитана свою кандидатуру и поэтому хочет снискать расположение избирателей - повод не хуже любого другого.

Они навели в столовой порядок, как делали уже раз двадцать. Раскупорили бутылку джина, разлили поровну, с угрюмой сосредоточенностью выпили. Арам, как всегда, принялся посвистывать, имитируя птичье пение, и получил обычную порцию вежливых аплодисментов. Марсден прочитал наизусть какие-то стишки о карих глазах маленькой нищенки. К тому времени, когда он кончил, Нильсен оттаял достаточно, чтобы пропеть своим глубоким, звучным басом две песни. На этот раз он обновил репертуар и был вознагражден громкими аплодисментами.

Правда, не было Вейгарта с его фокусами. И в концерте не принимали участия Докинс и Сэндерсон. Но, предвкушая выступление премьера, крохотная горстка зрителей на время забыла об отсутствующих.

Премьер? Бертелли, кто же еще! Тут он был вне конкуренции, и именно поэтому к такому недотепе, как он, притерпелись, стали снисходительны и, быть может, даже прониклись любовью.

Когда они устроили пирушку по случаю посадки на незнакомую планету, он почти целый час играл на гобое и проделывал с ним штуки, в возможность которых никто из них раньше не поверил бы. Под конец он изобразил столкновение автомобилей - тревожные гудки, звук удара и яростную перебранку водителей. Нильсен тогда от смеха чуть не скатился со своего сиденья.

На обратном пути они без какого-либо особенного повода устроили еще две-три такие вечеринки. Бертелли вынул челюсти (отчего лицо его стало как резиновое) и начал показывать пантомиму. Руки его извивались как змеи. Он изображал моряка, который, сойдя на берег, ищет себе подругу. Находит, преследует, пытается завязать знакомство, получает отпор, уговаривает, идет с ней на шоу, провожает домой, задерживается на пороге и зарабатывает

синяк под глазом.

В следующий раз он сменил эту роль на противоположную - стал пухлой блондинкой, которую преследует жаждущий любви моряк, без слов, но жестами, позами и мимикой, по выразительности равными речи или даже превосходящими ее, он показал те же события, завершившиеся оплеухой на крыльце ее дома.

На этот раз он изобразил застенчивого скульптора, ваяющего из воображаемой глины статую Венеры Милосской. Создавая несуществующую фигуру, он робко гладил ее, нервно похлопывал, смущенно делал ее почти зримой. Он скатал два шара с пушечное ядро каждый, прилепнул, зажмурившись, ей на грудь, а потом скатал два крошечных шарика, стыдливо прилепил их к большим шарам и мягкими движениями пальцев придал им нужную форму.

Двадцать минут, наполненных весельем, потребовалось Бертелли, чтобы почти вылепить ее, после чего он вдруг заметался в тревоге: стал осматривать горизонт, выглянул за дверь, заглянул под стол, дабы убедиться, что он наедине со статуей. Наконец, успокоенный, но полный смущения, он робко шагнул к Венере, попятился, снова набрался смелости, опять ее лишился, еще раз исполнился отваги, которая затем, в критический момент, его снова покинула.

Вейл давал ему забористые советы, а Нильсен, откинувшись, держался за живот - у него от смеха ныла диафрагма. Собравшись наконец с духом, Бертелли метнулся к невидимой статуе, упал, зацепившись одной ногой за другую, и проехался лицом по стальным листам пола. Нильсен задыхался. Рассвирепев, Бертелли вскочил на ноги, закинул нижнюю губу на кончик своего носа, подвигал ушами, похожими на уши летучей мыши, зажмурил глаза, ткнул в статую пальцем - и у Венеры появился пупок.

В последующие дни, вспоминая пантомиму, они то и дело обводили руками в воздухе невидимые округлости или тыкали друг друга пальцем в живот. Призрачная Венера веселила их до тех пор, пока не появилось, наконец, долгожданное Солнце.

К концу восьмого дня, во время очередной проверки, Марсден обнаружил, что при наложении одной из пленок на экран звезды на пленке, если принять за центр точку на два дюйма левее розового огонька, ставшего заметно ярче, совпадают со звездами на экране. Он издал вопль, услышав который, все бросились к нему, в носовую часть корабля.

Это действительно было Солнце. Они смотрели на него, облизывали пересохшие от волнения губы, смотрели снова. Когда ты закупорен в бутылке, четыре года в звездных просторах могут показаться за сорок. Один за другим заходили они в кабину Кинрада и, ликуя, перечитывали висящий на стене плакатик:

ТРИ - СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

Дух экипажа поднялся до небывалых высот. Дрожание и гудение корабля перестали казаться назойливыми - теперь они вселяли надежду.

Новое напряжение, совсем непохожее на то, что было раньше, скрутило в клубок их натянутые до предела нервы - слишком долго ждали они того, чему скоро предстояло свершиться. И наконец они услышали в приемнике чуть различимый голос Земли. Голос крепчал день ото дня - и вот он уже ревел из громкоговорителя, а передний иллюминатор закрыла половина планеты.

- С места, где я стою, я вижу океан лиц, обращенных к небу, - говорил диктор. - Не меньше полумиллиона людей собралось здесь в этот великий для человечества час. Теперь вы уже в любой момент можете услышать рев первого космического корабля, возвращающегося из полета к другой звезде. Нет слов, чтобы передать...

Хуже всего было сразу после приземления. Оглушительная музыка, гром приветствий. Рукопожатия, речи - и позирование перед фоторепортерами, кинохроникой, телеобъективами, перед бесчисленным множеством любительских кинокамер.

Наконец все позади. Кинрад попрощался с экипажем. Рука его ощутила

по-медвежьи мощную хватку Нильсена, мягкое и сердечное рукопожатие Арама, робкое, застенчивое прикосновение Бертелли.

Глядя в его печальные глаза, Кинрад сказал:

- Ну, теперь они как волки набросятся на все данные, которые мы для них собрали. Надеюсь, вы кончили свою книгу?

- Какую книгу?

- Ну-ну, меня не проведешь, - и он многозначительно подмигнул. - Вы ведь были на должности психолога, не так ли?

Ответа он ждать не стал. Забрав бортовые записи, он отправился в Управление.

Ничуть не изменившийся за четыре года, Бэнкрофт грузно уселся за свой стол и с виновато-иронической улыбкой сказал:

- Ты видишь перед собой толстяка, который радуется повышению по службе и прибавке к жалованью.

- Поздравляю.

Кинрад свалил на стол свою ношу и тоже сел.

- И то и другое я с удовольствием отдал бы за молодость и приключения.

Бэнкрофт бросил полный жадного любопытства взгляд на принесенное Кинрадом и продолжал:

- У меня к тебе куча вопросов, но я знаю, что ответы запрятаны где-то среди этих страниц, а ты сейчас, наверное, спешишь домой.

- За мной должен прийти вертолет - если продерется через эту толкотню в воздухе. У меня есть еще минут двадцать.

- Тогда я ими воспользуюсь, - и Бэнкрофт, вперив в него испытующий взгляд, подался вперед. - Что ты можешь сказать о судьбе первых двух кораблей?

- Мы обыскали семь планет - ничего.

- Не садились, не разбивались?

- Нет.

- Значит, полетели дальше?

- Очевидно.

- Почему, как ты думаешь?

Кинрад заколебался, потом сказал:

- Это всего лишь мое предположение. Я думаю, они потеряли несколько человек - несчастные случаи, болезни и тому подобное. А оставшихся было слишком мало, чтобы управлять кораблем.

Он помолчал и добавил:

- Мы сами потеряли троих.

- Плохо, - помрачнел Бэнкрофт. - Кого именно?

- Вейгарта, Докинса и Сэндерсона. Вейгарт умер еще на пути с Земли.

Так и не удалось ему увидеть новое солнце, не говоря уже о своем. Сам прочтешь - там все записано, - кивком головы он показал на бумаги. - Другие двое погибли на четвертой планете, которую я считаю непригодной для заселения людьми.

- Почему?

- Под ее поверхностью живут большие прожорливые существа. Слой почвы в шесть дюймов толщиной, а под ним - пустоты. Сэндерсон ходил, смотрел - и вдруг провалился прямо в красную мокрую пасть размером в четыре на десять футов, которая сразу его проглотила. Докинс бросился на выручку и провалился в другую - такую же. - Сжав переплетенные пальцы, он кончил: - Ничего нельзя было сделать - ничего.

- Жалко их, очень жалко. - Бэнкрофт грустно покачал головой. - А остальные планеты?

- Четыре непригодны. Две - как по заказу.

- Это уже что-то!

Бэнкрофт бросил взгляд на небольшие часы, стоявшие на его столе, и торопливо заговорил:

- Теперь о корабле. Твои докладные наверняка полны критических замечаний. Ничто не совершенно, даже лучшее из того, что нам удалось

создать. Какой у него, по-твоему, самый главный недостаток?

- Шум. Он сводит с ума. Его необходимо устранить.

- Не совсем, - возразил Бэнкрофт. - Мертвая тишина вселяет ужас.

- Если не совсем, то хотя бы частично, до переносимого уровня. Поживи с ним недельку, тогда поймешь.

- Прямо скажу - не хотелось бы. Эта проблема решается, хотя и медленно. На испытательном стенде уже новый, не такой шумный тип двигателя. Сам понимаешь, прогресс - как-никак четыре года прошло.

- Это самое необходимое, - сказал Кинрад.

- А что ты скажешь об экипаже? - спросил Бэнкрофт.

- Лучшего еще не было.

- Так и мы думаем. В этот раз мы сняли с человечества сливки - на меньшее согласиться было нельзя. Ни один из них в своей области не знает себе равных.

- Бертелли тоже?

- Я знал, что ты о нем спросишь. - Бэнкрофт улыбнулся чему-то. - Хочешь, чтобы я рассказал?

- Я не могу настаивать, но, конечно, хотелось бы знать, зачем вы включили в экипаж балласт.

Бэнкрофт больше не улыбался.

- Мы потеряли два корабля. Один мог погибнуть случайно. Два не могли. Трудно поверить, чтобы столкновение с метеоритом или какое-нибудь другое событие вроде этого с вероятностью порядка один против миллиона могло произойти два раза подряд.

- Я тоже не верю.

- Мы потратили годы на изучение этой проблемы, - продолжал Бэнкрофт, - и каждый раз получали один и тот же ответ: дело не в корабле, а только в людях. Проводить четырехлетний эксперимент на живых людях мы не хотели, и нам оставалось только размышлять и строить догадки. И вот однажды, чисто случайно, мы набрали на путь, ведущий к решению проблемы.

- Каким образом?

- Мы сидели здесь и, наверно, в сотый или двухсотый раз ломали голову над проклятой проблемой. Вдруг эти часы остановились, - и он показал на часы, стоявшие перед ним. - Парень по имени Уиттейкер с научно-исследовательской станции космической медицины завел их, встряхнул, и они пошли. И тут Уиттейкера осенило. - Взяв часы со стола, Бэнкрофт поднял заднюю крышку и показал собеседнику механизм. - Что ты видишь?

- Шестеренки и колесики.

- И больше ничего?

- Пару пружин.

- Ты уверен, что это все?

- Во всяком случае, все, что важно, - твердо ответил Кинрад.

- Так только кажется, - сказал Бэнкрофт. - Ты впал в ту же ошибку, в которую впали мы, когда снаряжали первые два корабля. Мы создавали огромные металлические часы, где шестеренками и колесиками были люди. Шестеренками и колесиками из плоти и крови, подобранными с такой же тщательностью, с какой подбирают детали к высокоточному хронометру. Но часы останавливались. Мы проглядели то, о чем внезапно догадался Уиттейкер.

- Что же это было?

- Немного смазки, - улыбнувшись сказал Бэнкрофт.

- Смазки? - выпрямившись в кресле, удивленно спросил Кинрад.

- Упущение наше было вполне понятно. Мы, люди техники, живущие в эру техники, склонны думать, будто мы - все человечество. Но это совсем не так. Возможно, мы составляем значительную его часть, но не более. Непременной принадлежностью цивилизации являются и другие - домохозяйка, водитель такси, продавщица, почтальон, медсестра. Цивилизация была бы настоящим адом, если бы не было мясника, булочника, полицейского, а были бы только люди, нажимающие на кнопки компьютеров. Мы получили урок, в котором кое-кто из нас нуждался.

- Что-то в этом есть, - признал Кинрад, - хотя я не понимаю, что именно.

- Перед нами стояла и другая проблема, - продолжал Бэнкрофт. - Что может служить смазкой для людей - колесиков и шестеренок? Ответ: только люди. Какие люди выполняют роль смазки?

- И тогда вы раскопали Бертелли?

- Да. Его семья была смазкой для двадцати поколений. Он - носитель великой традиции и мировая знаменитость.

- Никогда о нем не слышал. Он летел под своим именем?

- Под своим собственным.

- Я его не узнал, и никто из остальных тоже - какая же он знаменитость? Может, ему сделали пластическую операцию?

- Никакой операции не потребовалось. - Поднявшись, Бэнкрофт вразвалку подошел к шкафу, открыл его, порывлся немного, нашел большую блестящую фотографию и протянул ее Кинраду: - Он просто умылся.

Взяв фото в руки, Кинрад уставился на белое как мел лицо. Он не отрываясь рассматривал колпак, нахлобученный на высокий фальшивый череп, огромные намалеванные брови, выгнутые в вечном изумлении, красные круги, нарисованные вокруг печальных глаз, гротескный нос в форме луковицы, малиновые губы от уха до уха, пышные кружевные брыжи вокруг шеи.

- Коко!

- Двадцатый Коко, осчастлививший своим появлением этот мир, - подтвердил Бэнкрофт.

Взгляд Кинрада снова вернулся к фотографии.

- Можно ее взять?

- Конечно! Я всегда могу достать хоть тысячу таких же.

Кинрад вышел, из управления как раз вовремя, чтобы увидеть, как предмет его раздумий гонится за такси.

Вокруг руки Бертелли мячиком плясала сумка с наспех запиханными в нее вещами, а сам он двигался шаржированно развинченными скачками, высоко поднимая ноги в больших тяжелых ботинках. Длинная шея вытянулась вперед, а лицо было уморительно печальное.

Много раз Кинраду чудилось в позах Бертелли что-то смутно знакомое. Теперь, зная то, что он знал, Кинрад понял: он видит классический бег циркового клоуна, что-то ищущего на арене. Если бы Бертелли вдобавок испуганно оглядывался через плечо на скелет, волочащийся за ним на длинной бечевке, картина была бы совсем полной.

Бертелли догнал такси, бессмысленно улыбнулся, и, забросив в машину сумку, влез сам. Такси рванулось с места и умчалось, извергая две струи газа из реактивных двигателей под корпусом.

Кинрад стоял и смотрел невидящим взглядом в небо и на обелиски космических кораблей. А внутренним взором он видел сейчас весь мир, видел его как гигантскую сцену, на которой каждый мужчина, женщина и ребенок играет прекрасную и необходимую для всех роль.

И, доводя до абсурда ненависть, себялюбие и рознь, над актерами царит, связывая их узами смеха, клоун.

Если бы Кинраду пришлось набирать экипаж, он не мог бы выбрать лучшего психолога, чем Бертелли.

* Пенолог - специалист в области пенологии, науки о наказаниях за правонарушения.

Эрик Фрэнк РАССЕЛ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

пер. Б.Клюева

Еще никогда ни один суд не привлекал столь пристального внимания мировой общественности. Шесть телекамер медленно поворачивались вслед за торжественно шествующими к своим местам юридическими светилами в красных и черных мантиях. Десять микрофонов доносили до обоих полушарий Земли скрип ботинок и шелест бумаг. Двести репортеров и специальных корреспондентов заполнили балкон, отданный целиком в их распоряжение. Сорок представителей ЮНЕСКО взирали через зал суда на вдвое большее число ничего не выражающих, натянутых физиономий дипломатов и государственных чиновников.

Отказалось от традиций. Процедура не имела ничего общего с обычной - это был особый процесс по совершенно особому делу. Вся техника была приспособлена к тому, чтобы соответствовать совершенно необычайному, ни на что не похожему обвиняемому. И высокие титулы судей подчеркивались театральной пышностью обстановки.

На этом процессе не было присяжных, зато было пять судей. И миллиард граждан, которые следили за процессом дома у телевизоров и готовы были обеспечить справедливую игру. Вопрос о том, что же считать "справедливой игрой", заключал в себе столько вариантов, сколько невидимых зрителей следило за спектаклем, и большинство этих вариантов диктовалось не разумом, а чувствами. Ничтожное меньшинство зрителей ратовало за сохранение жизни обвиняемому, большинство же страстно желало ему смерти; были и колеблющиеся, согласные на изгнание его - каждый в соответствии со своим впечатлением от этого дела, вынесенным в результате длительной фанатичной агитации, предшествовавшей процессу.

Члены суда неуверенно, как люди слишком старые и мудрые, чтобы выступать у рампы перед публикой, заняли свои места. Наступила тишина, нарушаемая только боем больших часов, расположенных над судьями. Было десять часов утра 17 мая 1987 года. Микрофоны разнесли бой часов по всему миру. Телекамеры передали изображения судей, часов и, наконец, того, что было в центре внимания всего человечества: существа на скамье подсудимых.

Шесть месяцев прошло с того дня, как это существо стало сенсацией века, точкой, на которой сфокусировалось ничтожное количество безумных надежд и гораздо больше - безумных страхов человечества. Потом оно так часто появлялось на экранах телевизоров, на страницах журналов и газет, что чувство удивления прошло, а надежды и страхи остались. Постепенно его начали воспринимать как нечто карикатурное, дали ему презрительное прозвище Кактус, одни стали к нему относиться как к безнадежно уродливому глупцу, другие - как к коварному эмиссару еще более коварной иноземной цивилизации. Таким образом, близкое знакомство породило презрение, но не настолько сильное, чтобы убить страх.

Его звали Мэт; оно прибыло с одной из планет системы Проциона. Около метра в высоту, ярко-зеленое, с ножками-подушечками, ручками-обрубками; снабженное отростками и ресничками, все это существо было в колючках и выступях и выглядело как взрослый кактус.

Только у него были глаза, большие золотистые глаза, которые наивно смотрели на людей в ожидании милосердия, потому что существо это никогда никому не причиняло зла. Жаба, просто загрустившая жаба с драгоценными камнями на голове.

Секретарь в черной мантии напыщенно провозгласил:

- Заседание специальной коллегии суда, созданной под эгидой юриспруденции Соединенных Штатов Америки, объявляю открытым! Внимание!

Тот судья, что сидел в центре, посмотрел на коллег, поправил очки, кинул хмурый взгляд на "жабу", или "кактус", или как его еще назвать.

- Мэт с Прочиона, нам известно, что вы не способны ни слышать, ни произносить слова, но можете телепатически понимать нас и отвечать в письменной форме.

Телекамеры тут же показали, как Мэт повернулся к доске, установленной за скамьей подсудимых, и написал мелом одно слово: "Да". Судья продолжал:

- Вы обвиняетесь в том, что незаконно попали в мир под названием Земля, точнее - страну, называемую Соединенными Штатами Америки. Признаете ли вы себя виновным?

Большими белыми буквами Мэт вывел на доске: "А как еще можно сюда попасть?"

Судья нахмурился:

- Будьте добры отвечать на мои вопросы.

- Не виновен.

- Вам предоставлен защитник. Есть ли у вас возражения против его кандидатуры?

- Благословен будь, миротворец.

Немногие восприняли это как остроумие. Большинство решило, что это сам дьявол цитирует Библию. Судья вздохнул, протер стекла очков и откинулся на спинку кресла.

Расправив мантию на плечах, встал был высокий, длиннолицый человек с взглядом маленьких глаз.

- Первый свидетель!

Из зала вышел тщедушный человечек, неловко присел на стул свидетелей, беспокойно перебирая пальцами.

- Ваше имя?

- Сэмуэл Нолл.

- Ваша ферма расположена близ Денвила?

- Да, сэр. Я...

- Не называйте меня "сэр". Только отвечайте на вопросы. Это существо приземлилось на территории вашей фермы?

- Ваша честь, я протестую! - поднялся с места адвокат, человек чрезвычайно полный и краснолицый, по-видимому сангвиник. - Мой клиент - юридическое лицо, а не какое-то там существо. Поэтому его следует называть "обвиняемым".

- Протест отклоняется! - отрезал судья в центре. - Продолжайте, мистер прокурор.

- Итак, это существо приземлилось на территории вашей фермы?

- Да, - ответил Сэмуэл Нолл, с гордостью глядя в объективы телекамер.

- Оно свалилось как снег на голову и...

- Отвечайте только на вопросы. Посадка сопровождалась серьезными разрушениями?

- Да.

- Что пострадало?

- Два сарая и большая часть урожая. Убытков на три тысячи долларов.

- Существо проявило при этом какие-либо признаки раскаяния?

- Никаких, - Нолл сердито оглядел зал. - Вело себя как ни в чем не бывало.

Прокурор сел, насмешливо улынувшись своему толстому противнику.

- Передаю свидетеля защите, - сказал он.

Адвокат встал, благожелательно посмотрел на Нолла и спросил:

- Скажите, ваши сараи - это восьмиугольные башни с жалюзи в стенах и барометрически управляемыми крышами?

Нолл вскинул брови и тихо ахнул:

- Чего?

- Ну, хорошо. Оставим это, ответьте мне на такой вопрос: ваш урожай, по-видимому, состоял из фузелинов и двухцветных меркинсов?

- Это был ячмень, зрелый ячмень, - в отчаянии произнес Нолл.

- Бог мой! Ячмень - надо же! А вам знакомы фузелины и меркинсы? Вы бы их узнали, если бы увидели?

- Пожалуй что нет, - неохотно признался Нолл.

- Разрешите заметить, что вам просто недостает умственных способностей, - резко заключил адвокат. - И я бесконечно сожалею об этом, поверьте мне. Вы видите по моему лицу, как это меня огорчает?

- Не вижу, - ответил Нолл, чувствуя, как его трон перед телекамерами превращается в ложе, утыканное гвоздями.

- Другими словами, вы не увидели бы и раскаяния, будь оно написано на моем лице?

- Протестую! - загремел прокурор, заливаясь краской. - Нельзя сознательно заставлять свидетеля...

Он остановился, заметив, что его соперник опустил на стул. Поспешно взяв себя в руки, прокурор проворчал:

- Следующего свидетеля!

Свидетель номер два был крепкий, весь в синем мужчина. Держался он уверенно, как человек, давно знакомый с судами и скучными судебными процедурами.

- Имя?

- Джозеф Хиггинсон.

- Вы офицер полиции города Денвила?

- Так точно.

- Это вас вызвал на свою ферму первый свидетель?

- Меня.

Прокурор улыбался, задавая следующий вопрос, в полной уверенности, что теперь-то он целиком овладел событиями.

- Увидев случившееся, вы постарались разобраться в причинах, не так ли?

- Да, конечно.

Мистер Хиггинсон обернулся и бросил сердитый взгляд в умоляющие золотистые глаза обвиняемого.

- И что тогда случилось?

- Оно парализовало меня одним взглядом.

Вмешался судья слева:

- Вы, кажется, выздоровели. Насколько глубок был паралич и сколько времени он продолжался?

- Парализовало меня всего, ваша честь, но часа через два это прошло.

- И за это время, - спросил прокурор, - иноземный преступник успел удрать?

- Да, - мрачно ответил свидетель.

- Резюмируем: существо игнорировало офицера полиции, находившегося при исполнении служебных обязанностей, напало на него и избежало ареста, так?

- Да, - охотно согласился Хиггинсон.

- Передаю свидетеля защите.

Прокурор сел, чрезвычайно довольный собой. Поднялся адвокат, засунул пальцы за край жилета и с обезоруживающим дружелюбием обратился к Хиггинсону:

- Вы всегда сумеете распознать при встрече своего коллегу полицейского?

- Конечно.

- Очень хорошо. Среди публики в зале сидит полицейский. Будьте добры, покажите его господам судьям.

Хиггинсон внимательно осмотрел немногих присутствующих, которые здесь, в зале суда, представляли куда более обширную аудиторию телезрителей. Телекамеры следовали за его взглядом по рядам зрителей. Судьи, корреспонденты, репортеры, государственные чиновники - все смотрели туда же.

- Он, наверное, в гражданском, - заявил Хиггинсон, сдаваясь.

Судья в центре поспешил вмешаться:

- Вряд ли суд признает доказательством вашей правоты неспособность свидетеля узнать полицейского, одетого в штатское.

- Конечно, ваша честь, - согласился адвокат. На его круглом лице

отражалось крушение надежд, что порадовало сердце его наблюдательного противника. Тогда, удовлетворенный тем, что прокурор вознесся на должную высоту, он вдруг просиял и шмякнул его на самое дно:

- Но вышеупомянутый полицейский одет по всей форме.

Прокурор изменился в лице, будто надел новую маску. Хиггинсон чуть не вывихнул шею, делая новую попытку разглядеть полицейского среди зрителей.

- Зеленовато-коричневая форма с красными лампасами, - подсказал адвокат. - Это маршал, начальник корпуса военной полиции.

- Вы мне этого не говорили, - обиженно заметил Хиггинсон.

- А вы тогда, на ферме, сказали обвиняемому, что вы офицер полиции?

Свидетель покраснел, открыл рот, закрыл его, умоляюще посмотрел на прокурора.

- Отвечайте на вопрос, - потребовал судья.

- Нет, я ему этого не говорил.

- Почему?

Вытирая платком лоб, Хиггинсон вдруг сказал охрипшим голосом:

- Не считал нужным: по-моему, это было и так видно. А как по-вашему?

- Задавать вопросы буду я, вы же будете отвечать на них. Что, по вашему мнению, маршал военной полиции "и так виден"?

- Протестую! - замахал руками прокурор. - Мнение - это еще не доказательство.

- Поддерживаю протест! - провозгласил судья в центре. Он посмотрел на адвоката поверх очков: - Суд принимает во внимание тот факт, что обвиняемый любую информацию способен получать телепатически и поэтому свидетель не должен был представляться ему вслух. Продолжайте допрос свидетеля.

Адвокат снова обратился к Хиггинсону:

- Опишите, пожалуйста, во всех подробностях ваше поведение в тот момент, когда вас парализовало.

- Я тогда прицеливался.

- Собирались стрелять?

- Да.

- В обвиняемого?

- Да.

- Это входит в ваши привычки - сначала стрелять, а потом задавать вопросы?

- Привычки свидетеля не относятся к делу, - заявил судья в центре. Он взглянул на Хиггинсона: - Вы можете не отвечать на поставленный вопрос.

Офицер Хиггинсон, удовлетворенно осклабившись, игнорировал вопрос адвоката.

- С какого расстояния вы собирались стрелять? - продолжал адвокат.

- С пятидесяти или шестидесяти ярдов.

- Так далеко? Вы хороший стрелок?

Хиггинсон осторожно кивнул, правда, без всякого чувства гордости.

"Определенно этот толстяк - не такой уж простачок", - подумал он.

- В котором часу вы рассчитываете попасть домой на ужин?

Захваченный врасплох этим неожиданным маневром атакующего, свидетель от изумления открыл рот и произнес:

- К полуночи, наверное.

- Ваша жена будет рада узнать об этом. Если бы не радио и телевидение, разве вы могли бы передать ей это, передать словами?

- Не стану же я орать так, чтоб было слышно в Денвиле, - съехидничал Хиггинсон.

- Конечно, не станете. Человеческий голос без помощи радио и телевидения не может преодолеть такое расстояние. - Адвокат потер подбородок, подумал немного и вдруг воскликнул: - А телепатически "орать" на расстояние пятидесяти или шестидесяти ярдов вы станете?

Ответа не последовало.

- Или ваши телепатические способности превосходят способности обвиняемого, который сообщил мне, что у него они ограничены расстоянием в

двадцать пять - тридцать ярдов?

Хиггинсон прищурился, но не ответил ничего.

- Вы и сами не знаете своих способностей?

- Не знаю.

- Жаль! - отрезал адвокат и, покачав головой, сел.

Третий свидетель - темная личность оливкового цвета - мрачно разглядывал свои ботинки, пока прокурор не начал допроса.

- Ваше имя?

- Доминик Лолордо.

Он произнес это тихим голосом, будто хотел, чтобы телезрители не только не видели его, но и не слышали.

- Вы - директор рыбного ресторана?

- Да.

- Вы узнаете это существо на скамье подсудимых?

Лолордо скосил глаза.

- Да.

- При каких обстоятельствах вы видели его в последний раз?

- У меня в забегаловке, после закрытия.

- Оно ворвалось в помещение перед самым закатом, и вы проснулись в тот момент, когда оно приступило к грабежу, не так ли?

- Верно.

- Вы не попытались схватить его?

Лолордо состроил гримасу.

- Это его-то? Схватить? Да посмотрите на него!

- Но ведь если бы вы увидели, что вас грабят, наружность вора вас бы не остановила? - многозначительно заметил прокурор. - Тут, конечно, было что-то еще?

- Оно влезло в окно, - сказал Лолордо уже громче прежнего. - Прямо в окно, проделало в нем дыру, повторившую его собственные очертания. И ушло точно тем же путем - просто еще одна такая же дыра в окне. И ни разбитого стекла, ни осколков - ничего. Что бы вы на моем месте стали делать с зеленым кошмаром, который лезет в окно так, как будто там нет никакого стекла?

- Когда существо проявило свои сверхъестественные способности, вы бросились за помощью?

- А вы как думали?!

- Но помощь пришла слишком поздно? Когда бессовестного грабителя и след простыл?

- Да.

Прокурор жестом дал понять, что кончил, и к допросу приступил адвокат.

- Вы утверждаете, что вас ограбили. Что у вас украли?

- Так, пустяки.

- Это не ответ.

- Разве? - Лолордо зевнул с нарочитым безразличием.

Судья в центре, грозно нахмурившись, наклонился вперед.

- Вы что, хотите схватить срок за неуважение к суду?

- Он украл немного лобстеров и устриц, - неохотно, но поспешно ответил Лолордо.

- Другими словами, плотную еду, а? - спросил адвокат.

- Ну, если хотите...

- Вы не подумали, что обвиняемый был безумно голоден?

- Еще чего не хватало - думать! Я только взглянул на него - и давай бог ноги.

- Так что, если даже обвиняемый успел прочесть ваши мысли о том, что он совершил преступление, у него уже все равно не оставалось времени на извинения или на возмещение причиненных вам убытков?

Ответа не последовало.

- А уж мысли-то вы излучали предельно враждебные?

- Да, конечно, в любви ему не объяснялся, - заметил свидетель.

Адвокат обратился к судьям:

- Свидетель не заслуживает доверия. Дальнейший допрос считаю нецелесообразным.

Судьи посоветовались, и тот, что в центре, холодно объявил о решении:

- Содержать под стражей в помещении суда до вынесения приговора.

Лолордо потопал прочь, бросая по сторонам злобные взгляды.

- Четвертый свидетель!

Трибуну занял энергичный человек среднего возраста - такими в кино представляют солидных президентов банков или знаменитых судей. И, по всей вероятности, с любой из этих ролей он бы великолепно справился.

- Ваше имя?

- Уинтроп Аллен.

- Профессор зоологии, не так ли? - спросил прокурор.

- Совершенно верно.

- Вы узнаете это существо?

- Как не узнать? Несколько месяцев я находился с ним в тесном контакте.

Сделав нетерпеливый жест, прокурор спросил:

- При каких обстоятельствах вы впервые столкнулись с ним?

На такой вопрос, очевидно, можно было бы не отвечать: весь мир знал эти "обстоятельства". О них толковали вкравь и вкось, сопровождая рассказы всякими прикрасами.

Тем не менее Аллен ответил:

- Оно появилось в зоопарке через два часа после закрытия. Как оно туда попало, я не знаю.

- Оно всюду совало свой нос, высматривая все, что можно высмотреть, все наматывая на ус?

Аллен заметил с сомнением:

- Что тут можно сказать...

- Осматривало оно все вокруг или нет?

- Конечно, ему многое удалось увидеть в зоопарке, прежде чем служители обнаружили его, но...

- Пожалуйста, отвечайте без выкрутас, профессор Аллен, - жестко заметил прокурор. - Продолжим: благодаря невероятному фурору, произведенному прибытием на Землю этого существа, и последующим событиям вашим служащим нетрудно было опознать его?

- Конечно. Они сразу сообщили мне о нем.

- Как же вы тогда поступили?

- Занялся этим делом сам. Нашел ему теплое удобное помещение в незанятой секции павильона рептилий.

Все в зале суда, включая и телевизионные камеры, с уважением воззрились на специалиста, который с таким хладнокровием действовал в столь необычайных обстоятельствах.

- Как же случилось, что вас при этом не разбил паралич, никто не уничтожил и вообще вы не стали жертвой сверхъестественного рока? - с кислой миной спросил прокурор. - Уж не излучали ли вы при этом самое сердечное приглашение?

Свидетель сухо ответил:

- Совершенно верно, излучал.

- Оставьте ваши шутки до лучших времен, профессор, здесь они неуместны, - сурово оборвал его прокурор. - Как бы то ни было, суд понимает, что вы отнесли это кошмарное существо к классу рептилий и отвели ему подобающее место.

- Чепуха! Просто павильон рептилий оказался свободен, удобен и поэтому приемлем. Обвиняемый не поддается нашей классификации.

Сделав презрительный жест, прокурор продолжал:

- Вам, вероятно, трудно объяснить суду, какими средствами вы одолели грозные силы и поймали это существо в ловушку?

- Я не ловил его. Я знал, что оно разумно, и соответствующим образом относился к нему.

- Если учесть заявление предыдущих свидетелей, вам крупно повезло, - колко заметил прокурор. - Почему этот уродец позволил вам в отличие от всех других вступить с ним в контакт?

- Просто он понял, что мой разум привык иметь дело с нечеловеческими формами жизни. А отсюда он логически пришел к выводу, что со мной легче, чем с кем-либо другим, наладить контакт.

- Логически пришел к выводу, - повторил прокурор и обратился к судьям: - Прошу, милостивые государи, обратить серьезное внимание на эти слова, учитывая, что данный свидетель находится на особом положении. - И он снова повернулся к Аллену: - Таким образом, вы считаете, что это существо обладает разумом?

- Безусловно!

- В течение нескольких месяцев вы имели возможность изучать разум этого незваного агрессора. Какой, по, вашему мнению, уровень интеллекта у этого существа?

- Такой же, как и у вас, только он иной, совсем не похож на наш.

- Вы считаете этого субъекта полноценным представителем его расы?

- У меня нет оснований думать иначе.

- То есть его раса равна нашей по разуму?

- Очень возможно. - Профессор Аллен потер подбородок, минуту подумал.

- Да, я бы сказал, равна, если вообще можно сравнивать столь непохожие явления.

- А может быть, они даже превосходят нас и не только умственно, но и численно? - настойчиво гнул свою линию прокурор.

- Не знаю. Сомневаюсь.

- Но можно ли исключить такую возможность?

- Такие произвольные умозаключения не могут удовлетворять, и поэтому я...

- Не увиливайте от ответа! Существует ли возможность, пусть малейшая, что форма жизни, представляемая этим чудовищем, является самой страшной угрозой роду человеческому за всю его историю?

- Если сильно захотеть, угрозой можно назвать все что угодно, но...

- Угроза - да или нет?!

Вмешался судья в центре:

- Нельзя требовать определенного ответа от свидетеля на гипотетически поставленный вопрос.

Прокурор невозмутимо поклонился:

- Отлично, ваша честь, я поставлю вопрос иначе. - И возобновил допрос: - Считаете ли вы, как специалист, что интеллектуальный потенциал данной формы жизни достаточно высок, чтобы они напали, победили и поработили человечество, если бы они этого захотели?

- Не знаю.

- Это все, что вы можете сказать?

- Боюсь, что да.

- Но этого вполне достаточно, - резюмировал прокурор, многозначительно глядя в телекамеры на невидимое многомиллионное жюри. - Значит, вы допускаете, что существует опасность, небывалая опасность?

- Я этого не говорил, - возразил Аллен.

- Но вы не утверждали и обратного, - парировал прокурор, занимая свое место с видом самоуверенным и довольным. - Я кончил.

Адвокат помедлил, прежде чем приступить к допросу.

- Профессор Аллен, как освещались в прессе ваши многочисленные заявления, касающиеся обвиняемого?

- Все они без исключения были грубо извращены, - хмуро ответил Аллен. Он бросил ледяной взгляд на большую группу репортеров, которые в ответ высокомерно ухмыльнулись.

- Обвиняемого неоднократно рассматривали как шпиона, к которому во избежание худшего нужно применить решительные меры. На основании сведений, которыми вы располагаете, вы поддерживаете эту версию?

- Нет.

- Как бы вы определили общественное положение обвиняемого?

- Он эмигрант, - ответил Аллен.

- Не правда ли, побуждения обвиняемого невозможно рассматривать как враждебные роду человеческому?

- Нет ничего невозможного, - сказал профессор Аллен, потому что он был воплощенная честность. - Обмануть можно и самого хитрого из нас. Но не думаю, чтобы меня обманули. Таково мое мнение, чего бы оно ни стоило.

Адвокат вздохнул:

- Как мне уже тут напоминали, мнение - это еще не доказательство. -

Он опустил на стул, ворча себе под нос: -Хуже некуда! Какое несчастье!

- Пятый свидетель!.. - Десятый свидетель!.. - Шестнадцатый свидетель!

Шестнадцатый был последним в списке обвинения. Свидетелей могло быть в пять раз больше, но и этого хватало за глаза! И у них было что предложить для окончательного всеобщего приговора, соответствовавшего если не здравому смыслу, то по крайней мере предрассудкам, вполне убедительное, продуманное предложение о том, как поступать с кочующими формами жизни: терпеть их, дать им под зад коленом или сделать что-нибудь еще похуже. В настоящий момент стоял вопрос об общественной безопасности, и решать, стоит ли подвергать себя риску, должна была сама общественность. Имея это в виду, все шестнадцать свидетелей обвинения составили грозный обвинительный акт против странного злогоподлого подсудимого, покушаясь не только на его свободу, но и на саму жизнь.

Чувствуя себя хозяином положения, прокурор обращает повелительный взгляд на обвиняемого и приступает к допросу:

- Без дураков - зачем вы прилетели на Землю?

"Мне надо было сбежать из своего собственного мира".

- И вы думаете, мы в это поверим?

"Я ничего не думаю, - с трудом выводит на доске Мэт. - Я просто надеюсь".

- На что же вы надеетесь?

"На доброту".

Прокурор смущен. В поисках соответствующего саркастического ответа он молчит с минуту, пока не находит другой путь допроса.

- Так ваш собственный мир вас не устраивал? Что же вам в нем не нравилось?

"Все"..

- То есть вы были там отщепенцем?

"Да".

- А наш мир вы рассматриваете как подходящую мусорную свалку для таких отщепенцев, как вы?

Мэт не отвечает.

- Я считаю, что ваше утверждение - сплошная чепуха, что вся эта ваша история - просто выдумка. Полагаю, что причины вашего появления здесь глубже и неблагоприятнее, чем вы хотите нам представить. Пойду дальше и скажу вам, что и прибыли-то вы сюда не из района Проциона, а откуда-то гораздо ближе, с Марса, например.

Мэт по-прежнему хранит молчание.

- Да знаете ли вы, что инженеры - конструкторы межпланетных кораблей подвергли ваш потерпевший крушение корабль длительному и серьезному обследованию и составили отчет об этом?

Мэт стоит совсем спокойно, смотрит отсутствующим взором вдаль и ничего не говорит.

- Знаете ли вы, что, хотя, по их мнению, ваш корабль превосходит все до сих пор сделанное нами в этой области и способен совершать полеты далеко за пределы Солнечной системы, тем не менее он не может достичь не только Проциона, но и Альфы Центавра?

"Это верно", - пишет на доске Мэт.

- И вы продолжаете упорствовать, что вы прибыли из системы Проциона?

"Да".

Прокурор недоуменно разводит руками.

- Ваша честь, вы слышали, что говорит это существо. Его корабль не мог долететь до Земли с Проциона. И все же оно прилетело с Проциона. Чудовище непоследовательно либо в силу своего слабоумия, либо потому - и это, видимо, более вероятно, - что оно неумело лжет. Поэтому мне представляется едва ли целесообразным дальнейший...

"Мой корабль и я ехали на астероиде", - выводит каракулями на доске Мэт.

- Ну вот! - прокурор саркастически показывает на доску. - Обвиняемый ехал на астероиде! Ничего себе выход из им самим созданного тупика - на астероиде, не больше и не меньше! - Он сдвинул брови и посмотрел на обвиняемого. - Ох, и длинный путь вы, должно быть, проделали!

"Да".

- Значит, вы посадили корабль на астероид и, пролетев на нем много миллионов миль, сэкономили таким образом горючее? Вы никогда не слыхали о математической теории вероятностей, по которой вряд ли можно найти свободно плавающий астероид в каком бы то ни было районе космического пространства?

"Это действительно чрезвычайно редкое явление", - соглашается Мэт.

- И все же вы обнаруживаете такой именно астероид, который вместе с вами проделывает весь путь сюда? Самый поразительный из космических кораблей, не так ли?

"Он не проделал весь путь сюда. Только большую часть пути".

- Ну хорошо, - с легким презрением соглашается прокурор. - Девяносто девять миллионов вместо ста или сколько там должно быть. И все-таки это поразительно.

"Более того, - продолжает уверенно писать Мэт, - это вовсе не был какой-то специально выбранный астероид, который доставил бы меня именно сюда. Это был первый попавшийся астероид, который мог увезти меня куда угодно. У меня не было определенной цели. Это был полет в пустоту, наудачу, на волю случая, навстречу моей судьбе".

- Так если бы вы сели на другой астероид, вас могло занести куда-нибудь еще, да?

"Или вовсе никуда, - дрожащей рукой пишет Мэт. - Судьба оказалась добра ко мне".

- Не будьте так уверены в этом. - Прокурор засунул пальцы в карман жилета и зловеще посмотрел на обвиняемого. - Если истинные ваши цели, истинные мотивы хоть немного похожи на те, что вам приписывают наши вечно бдительные газетчики, то ваша защитительная речь должна быть безукоризненной, она должна убеждать. Представленный же сейчас вами вариант абсолютно бездоказателен. Кроме голословных утверждений, утверждений уродливого иноземца с неизвестными нам намерениями, мы, суд, ничего от вас не получили. - Он передохнул и закончил: - Можете вы представить на рассмотрение суда что-нибудь более существенное, чем ваша фантастическая история?

"Я не знаю, как бороться с недоверием, - пишет Мэт медленно, устало. - Только верой".

Прокурор отвергает это заявление резко и безжалостно:

- Сколько еще подобных вам находится сейчас в нашем мире и проводит в жизнь свои подлые планы, пока вы тут в полном блеске славы морочите нам головы?

До сих пор подобная мысль никому не приходила в голову - ни тем, кто находится в зале, ни за пределами его. Теперь с полдюжины репортеров втихомолку корили себя за то, что вовремя не набрали на эту ценную идею и не воспользовались ею. С самого начала предполагалось, что на планете пребывает всего лишь один пришелец, что он в надежных руках. Но ведь, действительно, где гарантия того, что десятки, а то и сотни других не скрываются в тени, не ждут своего часа? Люди переглядываются, беспокойно ерзают на своих местах.

"Кроме меня, никого на корабле не было", - пишет мелом на доске Мэт.

- Правда. Пожалуй, это первое ваше свидетельство, которое не вызывает

сомнений. Ведь эксперты в отчете показали, что корабль, на котором вы прибыли, одноместный, так что, очевидно, вы были на нем одни. Но сколько еще ваших кораблей приземлилось примерно в это же время?

"Ни одного".

- Хотелось бы верить вам, - говорит прокурор, своим замечанием снова внося беспокойство в ряды слушателей. - На вашей планете, видимо, существует немало кораблей и более мощных и гораздо более вместительных, чем ваш, верно?

"Много, - соглашается Мэт. - Но они не быстроходнее моего и не могут летать на более далекие расстояния. Они только могут нести большой груз".

- Откуда у вас собственный корабль?

"Украден".

- Неужели вы его украли? - с ухмылочкой поднимает брови прокурор. - Так вы вор, признающийся в собственном преступлении! - Тут он делает вид, что его вдруг озарила идея: - А между прочим, каждый понимает, что лучше признаться в воровстве, чем в шпионаже. - Он дает этой мысли пустить корни, прежде чем нанести следующий удар. - Не будете ли вы добры рассказать нам, сколько еще ваших смелых и отчаянных соотечественников готовы или готовятся последовать вашему примеру в завоевании нашего мира?

Поднимается адвокат и говорит:

- Я рекомендую клиенту не отвечать на этот вопрос.

Его противник нетерпеливым жестом предлагает адвокату сесть и обращается к судьям:

- Ваша честь, я готов изложить версию обвинения.

Судьи смотрят на часы, совещаются между собой, разрешают:

- Приступайте!

Речь прокурора была блистательной, разгромной, продолжительной, камня на камне не оставившей от защиты. В ней вновь приводились доказательства тяжести преступления, делались намеки, которые наводили невидимую аудиторию на еще более мрачные мысли. Нельзя сказать, чтобы прокурор испытывал истинную ненависть или страх перед незванным гостем - просто он блестяще выполнял свой профессиональный долг.

- Этот процесс, этот необычайный, уникальнейший процесс, - говорил прокурор, - войдет в историю права и законности. Он представляет собой прецедент, в соответствии с которым мы будем строить свои отношения с будущими пришельцами из космоса. И вам, представителям общественного мнения, принадлежит решающая роль в установлении этих отношений; вам и только вам достанется либо пожинать плоды союза с иными цивилизациями, либо... - он сделал паузу, потом жестко добавил: - взвалить на свои плечи все ужасы инопланетной интервенции. И, позвольте вам заметить, плоды союза могут быть весьма незначительными, в то время как ужасы интервенции безмерны.

Откашлявшись, отпив глоток воды, он снова приступил к делу:

- И вот, чтобы наилучшим образом решить этот вопрос, прийти к правильным выводам, вам не остается ничего другого, как исходить из опыта общения с этим фантастическим типом, которому вы к тому же должны вынести свой приговор.

Он повернулся к Мэту и дальше на протяжении всей своей речи не спускал с него глаз. - Это существо не было приведено к присяге, так как мы не знаем, чему оно может присягнуть. Его этика - если таковая вообще существует - это их этика, ничего общего не имеющая с нашей. Все, что мы знаем о нем, мы знаем с его слов, почерпнули из его весьма красочной фантастической истории, столь неправдоподобной для человеческого уха, что вряд ли можно винить кого-либо из нас за то, что он считает это существо бессовестным лжецом.

При этих словах огромные глаза Мэта закрылись от боли и страдания, но прокурор решительно продолжал:

- Если вопрос об искренности этого существа можно считать открытым, то в некоторых других аспектах - например, уважение к собственности, к закону - обвинение строится на фактах. А ведь это краеугольные камни нашей

цивилизации, они создавались веками, и мы не дадим сокрушать их, пусть ради этого нам придется драться с самыми необыкновенными пришельцами!

Тут он немного перехватил: уж очень явно это маленькое большеглазое существо не подходило на роль сокрушителя цивилизаций. Тем не менее нарисованная им перспектива должна была сформировать мнение тысяч, миллионов людей. Если они еще сомневаются, лучше действовать наверняка.

- Он - вор. Более того: человек, сам признающий себя вором. Он обокрал не только нас, но и своих соотечественников, - продолжал наступление прокурор, не замечая, что употребляет по отношению к пришельцу уже местоимение не среднего рода, а мужского и называет его не "существом", а "человеком". - Сокрушитель, и притом разумный сокрушитель, и, возможно, предтеча целого сонма сокрушителей. Я думаю, что там, где прошел один, может пройти и целая армия! - И, не затрудняя себя вопросом, где найти столько астероидов, чтобы доставить к Земле сонмища пришельцев, добавил: - Сотни армий!

То повышая, то понижая голос, то с вызовом, грубо, то мягко, вкрадчиво, он говорил, играя, как органист играет на гигантском органе, на чувствах своих слушателей, взывая к земному патриотизму, потворствуя ограниченности, оправдывая предрассудки, раздувая страхи - страх перед самим собой, страх перед другими, страх перед необычным по форме, страх перед завтрашним днем, страх перед неизведанным. Речь его была высокопарной, насмешливый тон сменялся торжественным, а затем саркастическим.

- Он, - говорил прокурор, указывая на Мэта и все еще употребляя местоимение мужского рода, - он просит считать его гражданином нашего мира. Принять его со всеми его штучками-дрючками, с его сверхъестественными способностями, с его тайными побуждениями, которые, может быть, станут явными, когда будет уже слишком поздно? А не лучше ли - пусть даже он и в самом деле так чист и непорочен, как он хочет нас уверить, не лучше ли несправедливо покарать его одного, чем подвергать бесконечно большому риску великое множество других?

Он с вызовом осмотрел аудиторию.

- Предположим, мы примем его как беженца. Но кто даст ему кров? Кто захочет жить рядом с существом, столь чуждым человеку? - Он ухмыльнулся. - Впрочем, такие есть, жаждущие составить ему компанию. Как бы неправдоподобно это ни звучало, нашлись люди. Которым он нужен.

Он поднял над головой письмо, чтобы все видели, и сказал:

- Этот человек предлагает ему кров. Он пишет, что во время восьмого воплощения на Прочионе сам он стоял на позициях нетерпимости... - Он швырнул письмо на стол. - Ненормальные встречаются и среди нас. Но, к счастью, судьбу человечества будут решать уравновешенные, разумные граждане, а не хронические идиоты.

Поток слов лился еще полчаса. Закончил он так:

- По нашим законам, шпиона-человека ждет быстрый конец, от человека, подозреваемого в шпионаже, мы легко избавляемся. Не вижу причин, почему инопланетный шпион заслуживает более мягкого обхождения, чем шпион-человек. Вот перед нами существо, в лучшем случае просто нежелательное, в худшем - первый агент разведки грозного врага. Обвинение считает, что в интересах всеобщей безопасности вы должны рассмотреть только два возможных варианта приговора: смертный приговор или немедленный выброс подсудимого в космос, туда, откуда он прибыл. Доказательства его вины весомы, и другой альтернативы у нас нет. Вы не могли не заметить, что все выступавшие здесь свидетели были свидетелями обвинения. Разве не знаменательно то, что у защиты не оказалось ни одного свидетеля? - Он подождал, пока смысл сказанного дойдет до слушателей, и, повторив: - Ни одного! - окончательно пригвоздил обвиняемого к позорному столбу.

Еще один глоток воды, и он сел, аккуратно расправив складку на брюках.

Теперь, кажется, ни у кого не осталось сомнений: Мэт - гад вонючий.

Адвокат произвел легкую сенсацию, встав и заявив:

- Ваша честь, защита отказывается излагать свою версию.

Судьи посмотрели на него так, словно он был в десять раз чуднее своего клиента. Они пошелестели бумагами, пошептались между собой.

Через некоторое время судья в центре спросил: - Это означает, что вы целиком полагаетесь на вердикт всеобщего голосования?

- В конечном итоге, без сомнения, ваша честь, но еще не теперь. Мне необходимо провести дополнительный допрос и затем построить версию, основываясь на нем.

- Приступайте, - разрешил судья, в сомнении нахмутив брови. Адвокат обратился к Мэту:

- Все обитатели вашей планеты, так же как и вы, скажем... телепаты и не обладают устной речью?

"Да, все".

- У них общий нейроцентр, или, говоря проще, они прибегают к помощи общественного мозга?

"Да".

- Расскажите суду о своих родителях.

Мэт, закрыв глаза, на какой-то миг погрузился в воспоминания.

"Мои родители были не как все. Они были уродами. Они удалялись от нейроцентра до тех пор, пока почти не потеряли связь с остальными".

- И они погибли вдали от всех?

"Да", - после долгой паузы, медленно, неуверенно, дрожащими тонкими линиями вывела на доске рука Мэта.

- И вы, видимо, впали в полное отчаяние?

"Да".

Адвокат обратился к судьям:

- Мне хотелось бы задать еще несколько вопросов четвертому свидетелю.

Судьи дали согласие, и профессор Аллен снова прошел к месту свидетелей.

- Профессор, будьте добры, как эксперт и человек, долгое время лично изучавший моего клиента, скажите, пожалуйста, молод он или стар?

- Он молод, - без заминки ответил Аллен.

- Очень молод?

- Довольно молод, - сказал Аллен. - По нашим понятиям, не достиг зрелости.

- Спасибо. - Адвокат обвел мягким бесхитростным взглядом зал. На его полном, добродушном лице ничто не предвещало надвигающегося шторма. Тихим голосом задал он следующий вопрос: - Мужчина это или женщина?

- Женщина, - ответил профессор Аллен.

Репортер уронил блокнот. И в течение нескольких минут звук падения блокнота был единственным звуком в наступившей тишине. А потом раздался общий вздох, застрекотали кинокамеры, спеша запечатлеть Мэт, возгласы удивления прокатились из конца в конец зала.

А наверху, на балконе, остроумнейший из современных карикатуристов рвал на кусочки свое последнее произведение, где он изобразил обвиняемого привязанным к хвосту ракеты, которая отправлялась на Луну. Подпись внизу гласила: "Кактус отправился в путешествие". А теперь - куда это годилось? Назвать, его... нет, ее, "кактусиха"? В поисках новой темы он почесал в затылке, сознавая в то же время, что какая тут может быть тема, не четвертовать же маленькую одинокую женщину.

Прокурор сидел с поджатым ртом, всем своим видом напоминая фаталиста, из-под ног которого вырвали по крайней мере восемьдесят процентов почвы. Он-то знал эту публику. Он мог оценить общественную реакцию с точностью до десяти тысяч голосов.

Все теперь смотрели только в золотистые глаза Мэт. Они были огромные, как и прежде, но теперь казались мягче и светились вроде бы ярче. Теперь, когда стало известно, что они принадлежат женщине, все увидели, что в них действительно есть что-то женственное. И каким-то странным, непонятным образом морщинки вокруг глаз вдруг помягчели, в них промелькнуло что-то, отдаленно похожее на человеческое.

Полночь. Большой каменный подвал с металлической решеткой, стол, кровать, два стула и радио в углу. В камере двое: Мэт и толстяк адвокат. Беседуют, изучают корреспонденцию, посматривают на часы.

- Вообще-то говоря, обвинение село в лужу с этим письмом, - говорит защитник: он все никак не отвыкнет выражать свои мысли вслух, хотя прекрасно знает, что собеседница слышит его мысли, а не слова. Толстым указательным пальцем он похлопывает по пачке писем, которые они только что прочитали. - Мне ничего не стоило положить его на обе лопатки, предъявив эти письма, написанные неделю назад прямо в наш адрес. Но что бы это дало? Лишний раз доказало бы, что люди мыслят по-разному.

Он вздохнул, потянулся, зевнул, сотый, наверное, раз взглянул на часы и вынул очередное письмо.

- Вот послушайте.

И стал читать письмо вслух.

"Мой тринадцатилетний сын докучает нам просьбой предложить вашему клиенту хотя бы недолго побыть в нашем доме. Может быть, вы сочтете глупостью с нашей стороны, что мы ему во всем потакаем, но нам так легче. У нас здесь есть свободная комната, и если ваш клиент чистоплотен и в банные дни не боится пара..."

Последние слова он прочел невнятно, сквозь сдерживаемый зев.

- Предполагают, что всеобщее голосование должно закончиться к шести часам утра. Но, уверяю вас, раньше восьми или даже десяти им не кончить. Такие вещи никогда не проходят в положенный срок. - Он поерзал на жестком стуле, тщетно стараясь устроиться поудобнее. - Как бы там ни было, что бы ни произошло, я останусь с вами до самого конца. И не думайте, что я у вас единственный друг. - Он потрогал пачку писем. - Вон их сколько, вам остается выбирать.

Мэт все это время была занята чтением записки, написанной неуверенным, неровным почерком. Потом она дотянулась до карандаша и бумаги и написала:

"Аллен объяснил мне не все слова. Что такое "ветеран"?"

Получив от доктора объяснение, она написала:

"Мне больше всех нравится этот. У него травма. Если меня освободят, я приму его приглашение".

- Ну-ка, покажите. - Толстяк взял письмо, прочитал его, похмыкивая, и вернул ей. - Как хотите. Впрочем, у вас с ним есть что-то общее, поскольку вы оба не в ладах с этим дурацким миром. - Он снова взглянул на часы и проворчал: - Да идут ли вообще эти часы? Что нам, целую неделю ждать утра, что ли?

Кто-то, звеня связкой ключей, открыл дверь, и в камеру вошел прокурор. Улыбнувшись сопернику, он сказал:

- Эл, вы настолько основательно почувствовали себя узником, что отказываетесь даже от тех немногих удобств, которые предоставлены тюрьмой?

- От чего именно?

- Да от радио!

Адвокат презрительно фыркнул.

- К черту радио! От него только шум. Мы тут занимались чтением писем, в тишине и покое... - Вдруг на его полном лице отразилось замешательство. - А что, мы здесь что-нибудь прослушали, что-нибудь передавали?

- Последние известия в двенадцать. - Прокурор облокотился на край стола, продолжая улыбаться. - Голосование прекращено.

- Не может быть! - Лицо адвоката вспыхнуло от гнева, он встал. - Ведь по всемирному соглашению приговор...

- Может быть... при известных обстоятельствах, - прервал его прокурор. - А обстоятельства сложились так, что несметный поток голосов в защиту вашего клиента сделал дальнейший подсчет ненужным. - И он повернулся к Мэт: - Только это строго между нами, моя дорогая: я еще никогда так не радовался своему поражению.

Человек средних лет, рано поседевший, с длинными тонкими пальцами, слушал радио в дальней комнате, когда раздался звонок в дверь. В комнате не было телевизора, только по радио звучала нежная полинезийская мелодия. Звонок прорвался сквозь музыку, хозяин выключил радио и поднялся. Очень осторожно он пересек комнату, открыл дверь и вышел в коридор.

Странно. В этот предвечерний час некому было звонить. Сюда почти никто не заходит. Почтальон обычно заезжает утром, среди дня забредут иногда один-два торговца. А позднее редко кто появляется, чрезвычайно редко. И сегодня он никого не ждал.

Тихо - толстый ковер заглушал звук шагов, - на ощупь, вдоль стены пробирался он по коридору к парадной двери.

Что-то очень необычное было в этом позднем визите. По мере того как он приближался к двери, в душу ему закрадывалось удивительное чувство - будто он заранее знал, кто ждет его там, снаружи. В его сознании складывалась картина, пока смутная, как бы переданная какими-то непонятными ему средствами, словно ее процитировал один из тех, кто стоял, исполненный надежд, там, за дверью. Он видел крупного, полного добродушного мужчину в сопровождении крошечного зелено-золотого существа.

Хотя он прошел через суровые испытания и беды - это из-за них он теперь такой, - нервы у него были в порядке, и он ни в коем случае не принадлежал к тому типу людей, которым мерещатся разные небылицы, и вообще он не был склонен к галлюцинациям. И его обеспокоили, расстроили даже эти неизвестно откуда явившиеся видения. Он никогда раньше не знал большого толстого человека, портрет которого ясно вырисовывался в его сознании, никогда, даже в лучшие времена. А о его спутнике и говорить нечего...

Встречаются, конечно, люди с весьма обостренными чувствами, с необычайно развитыми, удивительными способностями. Были и у него способности - ведь судьба милостива к пострадавшим и старается компенсировать их потери. И трудно ему было бы без этих способностей. Но это было что-то новое, знакомое.

Пальцы его, обычно такие чуткие, не повиновались ему, когда он нащупывал дверной замок, будто они на какое-то время забыли, где он находится. Нашупав наконец замок, они повернули ручку, и тут он услышал тонкий, будто птичий, голосок, который прозвучал прямо у него в мозгу, ясно, как колокольчик:

- Откройте, пожалуйста, я буду вашими глазами.